

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

1966

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. И. Богуславский</i> . VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в Польше (1934—1935 гг.)	3
<i>Екатерина Даскалова</i> (НРБ). Александр Блок и болгарская литература	14
<i>Е. З. Цыбенко</i> . О сравнительном изучении творчества Пруса	21
<i>Г. П. Нецименко</i> . Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке	31

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е. М. Двойченко-Маркова</i> . К истории русско-американских научных связей второй половины XVIII в.	41
<i>П. Глинкин</i> . У истоков женского движения в Польше	48
<i>Г. К. Венедиктов</i> . Об одной книге эпохи болгарского Возрождения	56
<i>Е. М. Верещагин</i> . К характеристике билингвизма эпохи Кирилла и Мефодия	61
<i>Л. М. Мордузович</i> . Неопубликованный трактат Юрия Крижанича	66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>С. Г. Заволжский, Л. И. Лукин</i> . Вопросы совершенствования управления народным хозяйством в работах чехословацких и польских экономистов	71
<i>С. И. Сидельников</i> . Национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х — начале 70-х годов XIX в. в исторической литературе Народной Республики Болгарии	76
<i>Л. П. Лаптева</i> . Труды чехословацких историков по экономической истории Чехословакии позднего средневековья. 1962—1965 гг.	82
<i>Л. А. Софронова</i> . Славянская музыкальная культура в общих работах советских музыковедов	86

<i>А. Е. Супрун.</i> Новые издания по полабской лексикографии и лексикологии	91
<i>Г. П. Мурашко.</i> V. Mencl. Na cestě k jednotě (Komunistická strana Československá v letech 1921—1923)	98
<i>Игорь Вэла.</i> Выдающееся достижение словацкой дантологии	100

З а м е т к и о к н и г а х]

<i>М. Добрускич.</i> Никола Филчев. Интеллигенция в Народной Республике Болгарии	102
<i>И. Семин.</i> «Записки об освободительной войне в Югославии»	103
<i>М. Копашева.</i> J. Hrozičnik, F. Gondor. Neboli sme sami (O pomoci SSSR Slovenskemu národnému povstaniu).	104
<i>И. Перцигер.</i> «Дорога в огне»	105
<i>Л. К. Jan Mišianik.</i> Antológia staršej slovenskej literatúry	105
<i>И. Калоева.</i> «Грађа за историју библиотеке Матице српске»	106

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1965 г. (продолжение)	107
Содержание иностранных журналов	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Д. Ф. Марков.</i> В Международном комитете славистов	112
Решения IX заседания Международного комитета славистов 21—24 IX 1965 г.	112
Тематика VI Международного съезда славистов	114
<i>А. Я. Манусевич.</i> Второе координационное совещание историков социалистических стран	115
<i>В. В. Зеленин.</i> Научная сессия в Одессе	116
<i>В. Д. Назаров.</i> В Институте экономики мировой социалистической системы	118
<i>А. К. Мартыненко.</i> Изучение истории зарубежных славянских стран в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко	120
<i>В. В. Сухарев, Г. И. Черняевский.</i> Исследование истории славянских стран харьковскими славистами	122
<i>Ю. Николаев.</i> Работа куйбышевских славистов	125
<i>Г. В.</i> На филологическом факультете МГУ	126

[В Институте славяноведения АН СССР

<i>М. Т. К</i> национальному празднику Югославии — Дню Республики	127
<i>Г. Клепикова, Т. Николаева.</i> Защита диссертаций	128

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>Живоин Бошков</i> (СФРЮ). Матица сербская в Новом Саде	129
<i>Надежда Иванович</i> (СФРЮ). Институт истории рабочего движения Сербии.	132
<i>И. П. Бобрик.</i> Международный семинар славистов в Югославии	133
<i>З. Н. Стрекалова.</i> О работе Международных славистических курсов в Польше в 1965 г.	134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ,
 И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН,
 Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ
 (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

М. И. БОГУСЛАВСКИЙ

VII КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА И БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ НАРОДНОГО ФРОНТА В ПОЛЬШЕ (1934—1935 гг.)

Горькие уроки поражения, которое немецкий рабочий класс потерпел в 1933 г. в борьбе против фашизма, и последующее наступление фашизма в других странах потребовали от международного рабочего класса и его коммунистического авангарда выработки новой стратегии и тактики, направленной на спасение человечества от фашистского порабощения и угрозы новой мировой войны. Необходимо было определить новое отношение к социал-демократии, к партиям мелкой и средней буржуазии, крестьянства, правильно оценить значение борьбы за демократию, за прогрессивные национальные традиции, т. е. прежде всего преодолеть широко распространенные в предшествующие годы сектантские и догматические установки по этим вопросам и вернуться к ленинской трактовке их¹.

VII конгресс Коминтерна, использовав коллективный опыт коммунистического движения, в основном завершил разработку новой политики (не без острой борьбы с защитниками устаревших левосектантских и догматических взглядов) в 1933—1935 гг. В обстановке величайшего подъема и единодушия он сформулировал ту стратегию единства демократических сил, на основе которой была одержана победа над фашизмом и которая сохраняет актуальное значение и в наше время.

Вместе со всем мировым коммунистическим движением польские коммунисты после победы фашизма в Германии искали новые формы борьбы, соответствующие изменившимся условиям, внимательно изучая опыт братских компартий и критически пересматривая свой. К началу 1935 г. в этом были достигнуты определенные успехи. Партия начала по-ленински учитывать связь между ближайшими требованиями трудящихся, с одной стороны, и конечными целями, с другой, по-новому подходить к вопросу о реформах, пересматривать свое отношение к другим организациям трудя-

¹ Указания В. И. Ленина по этим вопросам достаточно известны. Здесь уместно еще раз напомнить высказывания В. И. Ленина в связи с подготовкой IV конгресса и программы Коминтерна (некоторые из них впервые публикуются в Полном собрании сочинений). Они показывают, что уже в конце 1922 г., когда еще только начал обозначаться временный выход капиталистической системы из полосы революционных бурь, В. И. Ленин советовал Коминтерну «придать теперь несколько иной характер» критике позиции социал-демократии, «более разъяснительный, с особенным терпением и обстоятельностью, не отпуская этих рабочих резкими словами...» (Полн. собр. соч., т. 45, стр. 150). Сейчас установлено, что В. И. Ленину принадлежит формулировка важнейших пунктов Предложений делегации РКП(б) о Программе Коминтерна IV конгрессу, в которых идет речь о борьбе «за переходные или частичные требования» (см.: «Проблемы мира и социализма», 1965, № 4—5, стр. 65). О разработке В. И. Лениным принципов единого фронта действий рабочего класса см.: К. С. Т р о ф и м о в. К вопросу о роли В. И. Ленина в разработке принципов единого фронта действий рабочего класса (1921—1922 гг.) — «Вопросы истории», 1958, № 4.

щихся. Благодаря этому удалось на практике установить единый фронт со многими социал-демократическими организациями на местах, вплоть до районных организаций Польской социалистической партии (ППС) и Бунда, а также с рядом местных организаций крестьянской партии Стронництва людового (СЛ), несмотря на открытое и скрытое сопротивление правых лидеров этих партий единству действий с коммунистами². Созданию антифашистского единства способствовали процессы радикализации масс, форсируемые наступлением фашизма. Рабочее, крестьянское и национально-освободительное движение в Польше вступало в полосу большого подъема.

Фашистский режим санации, потрясенный жесточайшим экономическим кризисом³, полностью обанкротился как во внутренней, так и во внешней политике. Издавая новые антирабочие и антидемократические законы, усиливая террор и налоговый гнет, санация восстановила против себя не только широкие массы трудящихся города и деревни, но и средние слои. Заклоченный в 1934 г. фактический союз с гитлеровской Германией еще более восстановил народные массы против правящих кругов. Тревога за судьбу своего строя породила разочарование режимом санации даже среди части буржуазии и некоторый разброд в самом лагере пилсудчиков.

В такой обстановке народный фронт против фашистской диктатуры стал и неотложной, жизненной необходимостью, и вполне реальным делом. Но если в создании единого рабочего фронта имелись уже определенные успехи, то строительство народного антифашистского фронта в том смысле, который вскоре приобрела эта формула, было только что поставлено в повестку дня опытом антифашистской борьбы, прежде всего опытом французской и испанской компартий. Знаменательно, что статья генерального секретаря КПП Юлиана Ленского в ноябрьском (1934 г.) номере теоретического органа партии «Новы пшеглэнд» называлась «За широкий антифашистский фронт».

Однако в этот период руководство КПП, как и Коминтерна в целом, еще не оценило в полной мере принципиального характера новых идей⁴. Оно еще не отошло от старой стратегической линии, которая не принимала в расчет переходные цели и этапы в борьбе за диктатуру пролетариата, диктуемые новой обстановкой. Принятая ЦК КПП в январе 1935 г. резолюция о подготовке партии к VII конгрессу еще не выдвигала как первоочередную особую стратегическую цель — ликвидацию фашистской дик-

² Подробнее об этом см. наши статьи в сб.: «Из истории польского рабочего движения». М., 1962, стр. 332—378; «Славяно-германские отношения». Изд-во «Наука», 1964, стр. 153—174.

³ Выход Польши из этого кризиса едва обозначился. В 1932 г. индекс общего промышленного производства составил 53,9, в 1934 г. — 63, а в 1935 г. — 66,6 против уровня 1929 г. Падение цен продолжалось, в 1934—1935 гг. оно достигло для «свободных» (немонополизированных) и сельскохозяйственных товаров «дна». Число официально зарегистрированных безработных в промышленности неуклонно возрастало вплоть до 1938 г. и составляло более половины числа занятых. См.: Конъюнктурный бюллетень журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 11—12, стр. 30—32.

⁴ В октябре 1934 г. Морис Торез выдвинул лозунг «народного фронта борьбы за хлеб, за свободу и мир» и обратился ко всем республиканским, демократическим силам Франции с заявлением: «Неверно, что существует только один выбор: либо так называемая политика национального единства, либо советская власть. Существует еще возможность проведения народной политики, способной преобразовать демократию и восстановить ее в правах». Для компартий тех стран, где фашизм уже стоял у власти, эти, продолжавшие ленинскую линию, идеи имели особое значение. Однако, как свидетельствует Торез, руководство Интернационала «отнюдь не поощряло» попытки ФКП «сойти с проторенной тропы», которые «опрокидывали устоявшиеся представления». Положение изменилось за несколько месяцев до VII конгресса, когда во главе Исполкома Коминтерна стал Г. Димитров. См.: М о р и с Т о р е з. Сын народа. Изд. 2-е. М., 1960, стр. 86, 90.

татуры и союза с гитлеровской Германией, она по-прежнему призывала коммунистов «популяризовать лозунги борьбы за рабоче-крестьянское правительство как Правительство Советов...»⁵. Однако опубликованная в январском номере «Новы шпеглэнд» статья Ю. Ленского «КПП перед VII конгрессом Коммунистического Интернационала» содержала ряд важных указаний, свидетельствовавших о развитии идеи единого рабочего и народного фронта. Автор осуждал стремление к стачкам без всестороннего учета обстановки, требовал решительного изменения «повседневной практики», которая «долгое время шла в направлении ухода из реформистских профсоюзов и уклонения от всякой работы в союзах фашистских». Говоря о борьбе за крестьянство, Ю. Ленский требовал, чтобы коммунисты исходили из реальных фактов: роста авторитета и влияния Стронництва людового, частичного ослабления легальных и нелегальных организаций КПП, «значительной оторванности партийной организации от изменений в положении и настроениях крестьянских масс, ... от процессов, происходящих в Стронництве людовом», а в связи с этим отказались от «кошувственного, левацкого форсирования острых авангардистских выступлений, распыляющих боевую энергию масс». Наконец, Ю. Ленский подчеркивал важное значение и большие возможности работы партии среди мелкой буржуазии городов и местечек, трудовой интеллигенции, государственных служащих, призывал «использовать каждую щель в массовых фашистских организациях»⁶.

В этой связи также заслуживает внимания статья члена Политбюро КПП Юлиана Бруна «Борьба за молодежь», опубликованная в февральском номере «Новы шпеглэнд». Анализируя экономическое и политическое положение молодежи в Польше, социальную базу фашистских молодежных организаций и процессы, происходящие в них, автор убедительно показал широкие возможности и исключительное значение борьбы партии и комсомола за рабочую, крестьянскую и мелкобуржуазную молодежь. Ю. Брун сформулировал конкретную программу этой борьбы под обобщающим лозунгом «дорогу для труда, профессиональной квалификации и образования — как в СССР!». Статья была направлена против дублирования польским комсомолом партийных кампаний и «бесцветного графарета» в пропаганде, за выдвижение им специфически молодежных проблем⁷.

Можно привести еще немало статей и партийных писем, свидетельствующих о постепенном критическом пересмотре партией ее прошлого опыта, особенно на важнейшем участке строительства народного фронта — в рабочем движении.

В пределах данной статьи мы попытаемся осветить достижения КПП в строительстве народного фронта на протяжении нескольких переломных месяцев, когда партия готовилась к VII конгрессу Коминтерна и участвовала в его работе⁸.

⁵ KPP. Uchwały i rezolucje, т. III. Warszawa, 1956, s. 521—527.

⁶ J. Leński. O front ludowy w Polsce. Warszawa, 1956, s. 62—83.

⁷ J. Brun. Pisma wybrane, т. II, cz. I. Warszawa, 1956, s. 256—273.

⁸ Специальных работ на эту тему нет, так что наиболее полной справкой о ней пока является соответствующая глава III тома «Истории Польши», Изд-во АН СССР, 1958. Фелиция Калицкая («Problemy jednolitego frontu w międzynarodowym ruchu robotniczym. 1933—1935». Warszawa, 1962) не касается особо внутрипольских дел. Судя по названию, эта тема должна была получить определенную разработку в статье А. П. Семь «Борьба КПП за единый Народный фронт против фашизма (1934—1935)», опубликованной в журнале «Новая и новейшая история», 1962, № 6. К сожалению, эта статья не соответствует своему названию: в ней нет материалов о работе КПП с крестьянством, а о работе с мелкобуржуазными и буржуазными элементами в городах даже не упоминается. Фактически статья содержит лишь некоторую сумму фактов о борьбе КПП за единый рабочий фронт, но и в этом плане она много беднее работы польского

Началом строительства народного фронта Ю. Ленский считает первомайскую кампанию 1935 г.⁹ В основу этой кампании партия положила организацию всенародного протеста против только что (и с нарушением законности) принятой сеймом новой, явно фашистской конституции, которой сопутствовал соответствующий проект избирательного закона. ЦК КПП рассматривал празднование 1 Мая в 1935 г. по существу уже как смуту антифашистских сил. Кампания показала большие успехи борьбы коммунистов за единство рабочего класса, но вместе с тем, как сообщал Краевой секретариат в Политбюро, «Май показал серьезную слабость наших усилий по строительству народного антифашистского фронта... среди мелкой буржуазии в деревне и городе»¹⁰.

Следующим важным этапом в строительстве единого рабочего и народного фронта была развернутая КПП кампания за однодневную всеобщую политическую стачку протеста против намеченного на конец июня утверждения сеймом нового избирательного закона. К этому времени КПП снимает лозунг борьбы за Советы, т. е. за установление диктатуры пролетариата как ближайшей стратегической цели. Платформа народного фронта, изложенная в июньской декларации ЦК КПП, гласила: «Отмена фашистской конституции; немедленный отказ от избирательного закона; свобода слова, печати, собраний, организаций и забастовок; пятичленное... избирательное право; немедленная ликвидация Березы Картузской; освобождение политических заключенных; немедленный разрыв антисоветских военных союзов с Германией и Японией; подписание с СССР пакта о взаимной помощи по примеру Франции и Чехословакии». ЦК заявил, что готов прийти к соглашению с любой организацией трудящихся, желающей бороться против войны, защищать демократические свободы, и готов «рассмотреть любое иное предложение в отношении как лозунгов, так и форм борьбы»¹¹. В «Письме домой» Политбюро предлагало Краевому секретариату, непосредственно руководившему практической работой партии в стране, «в организационных вопросах идти на уступки...» ППС и Бунду, лишь бы добиться согласованных массовых выступлений¹².

Идея всеобщей забастовки приобрела такую популярность в рабочем классе, что руководители ППС и Бунда вынуждены были назначить забастовку и вступить в переговоры с представителями КПП по вопросам ее практического проведения. Отклонив предложение КПП о заключении единого фронта, они все же согласились на сотрудничество в этих вопросах без формального договора. Это сотрудничество осуществлялось в борьбе коммунистов с реформистами¹³. Благодаря энергичным действиям коммунистов и левых социалистов забастовка в общем удалась и носила ярко выраженный антифашистский и антиправительственный характер¹⁴.

историка Я. Жарновского, опубликованной двумя годами ранее (J. Żarnowski. PPS w latach 1935—1936.— «Najnowsze dzieje Polski. 1914—1939», t. III, 1960). Эта интересная и содержательная работа вышла сейчас отдельным изданием, в более полном виде: J. Żarnowski. Polska partia socjalistyczna w latach 1935—1939. Warszawa, 1965. О выступлениях Юлиана Ленского в связи с подготовкой VII конгресса и о его речи на конгрессе см.: А. Я. Манусевич. «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 170—175.

⁹ J. Leński. Ibid., s. 107.

¹⁰ AZHP, Lzd № 41, 17 V 1935. Политбюро, со своей стороны, отмечало, что «Центральная задача — создание народного фронта — была реализована лишь в незначительной степени...», поскольку не удалось поднять крестьянство, и предлагало обсудить уроки 1 мая во всех парторганизациях, выделить во всех районах специальных людей для работы в деревне (Ldd № 6, 30 V 1935).

¹¹ KPP. Uchwały i rezolucje, t. III, s. 605—607.

¹² AZHP, Ldd № 6, 30 V 1935.

¹³ Подробнее об этом см.: J. Żarnowski. PPS w latach 1935—1939, s. 30—39.

¹⁴ Лидеры пепеэсовских профсоюзов (Жулавский, Квапинский, Галух) считали забастовку «в такой форме» вовсе ненужной. Стараясь избежать стычки с фашистским

Анализируя итоги первомайской кампании и июньской забастовки, члены Политбюро КПП начали детально разрабатывать вопросы борьбы за народный фронт, строительства народного антифашистского фронта: его платформу, формы и методы работы в среде различных отрядов рабочего класса и крестьянства, городской мелкой буржуазии, угнетенных национальных меньшинств, в клерикальных и фашистских организациях и т. д.¹⁵ В этот период КПП не только переходит к последовательной и энергичной защите от посягательств фашизма на остатки буржуазных свобод, но и формулирует свою положительную программу восстановления в стране демократических порядков. КПП была единственной оппозиционной партией в стране, которая не только утверждала (на словах это нередко делали и лидеры ППС), что восстановление демократических свобод возможно лишь путем массовых акций рабочего класса и крестьянства, но и предпринимала все возможное для организации этих акций. Выдвигая во главу угла борьбу за демократию, КПП открывала новые возможности борьбы за массы, за социализм.

Другой важнейшей основой строительства народного фронта стала выдвигавшаяся КПП программа борьбы против военного союза, заключенного правительством пилсудчиков с гитлеровской Германией, разоблачение захватнических, антисоветских планов этого союза и их смертельной опасности для независимости самой Польши. В тот момент центральным конкретным пунктом программы КПП была поддержка франко-советского проекта восточного пакта, призванного оградить Восточную Европу — и прежде всего границы Польши — от гитлеровского «Дранг нах Остен». Ясная и последовательная позиция коммунистов в этих вопросах делала их признанным авангардом миролюбивых и подлинно патриотических сил польского народа¹⁶.

Главным препятствием на пути строительства народного фронта было сопротивление антикоммунистически и антисоветски настроенных правых вождей социалистических (ППС, Бунда, украинской и немецкой социал-демократии) партий и кулацкой верхушки Стронництва людового. Но давление все более радикализирующихся «низов» этих партий, рост левых элементов в их руководящем активе грозили опрокинуть плотину, как это уже случилось во Франции.

В феврале 1935 г. на большом общеваршавском Рабочем совещании, организованном ППС, делегаты-коммунисты и левые пепезовцы добились утверждения своей платформы единого фронта: требования отпусков и пенсии, решения о поддержке борьбы коммунальщиков против посяга-

правительством, ослабить революционное содержание этого политического выступления рабочего класса, они сделали все возможное, чтобы забастовка была односторонней. Когда межпрофсоюзная конференция абсолютным большинством голосов все же утвердила однодневную стачку и указала ее день, эти лидеры, по свидетельству агентов охранки, буквально навязали явочным порядком проведение ее в разные дни для различных областей Польши из «технических соображений». См.: *Archiwum Ministerstwa spraw wewnętrznych. Komunikaty informacyjne Komisariatu Rządu*, т. XII, 1935, № 58—65, 67, 71, 72, V—VII — 1935 (в дальнейшем AMSW, KIKR и дата или № документа).

¹⁵ AZHP, sygn. 158/II, Ldd V—VII — 1935.

¹⁶ Сегодня не безынтересно отметить, что троцкиствующие «леваки» элементы того времени пытались изобразить борьбу коммунистов за мир сползанием на путь буржуазного пацифизма, изменой «интересам международной революции». По поводу этой «измены» пытались пронизировать борзописцы из фашистской прессы. Отвечая всем им, Ю. Ленский писал в июне 1935 г. в теоретическом органе КПП «Новы шпеглэнд»: «... Польские коммунисты ориентируются не на войну, а на созревающие революционные силы как в Польше, так и в других капиталистических странах, а также на возможное мирное развитие социалистического строительства в Советском Союзе, пример которого сам по себе поощряет международный пролетариат к борьбе» (J. L e Ń s k i. *Ibid.*, s. 116—117).

тельств магистрата на их заработную плату, принятия особой резолюции против прогитлеровской внешней политики правительства, в защиту СССР. В марте на съезде Бунда треть делегатов этой партии голосовала за выход из II Интернационала.

Под влиянием подъема рабочего движения начались политические собрания в деревне, массовые выступления крестьян против налогов, шарварков (принудительных работ по нарядам властей) и т. п. Хотя руководство Стронництва людового решительно отвергало предложение КПШ о сотрудничестве, на местах многие деревенские ячейки коммунистов и комсомольцев устанавливали все более тесный контакт с людовцами, особенно с радикально настроенной людовской молодежью, организованной в союзе «Вици».

Летом 1935 г. все легальные оппозиционные партии приняли популярное в массах решение бойкотировать предстоящие выборы в сейм. КПШ присоединилась к кампании бойкота, поставив своей целью максимально использовать ее для строительства народного фронта, для удара по фашистской диктатуре. Компартия провозгласила активный бойкот, призвала к систематическим массовым выступлениям — стачкам, митингам, демонстрациям и, наконец, всеобщей политической забастовке накануне выборов.

КПШ развернула кипучую деятельность, ведя борьбу с политикой пассивного бойкота¹⁷ лидеров ППС, Бунда, СЛ; ей приходилось отражать нападки справа и «слева» на политику народного фронта¹⁸. «Письма из дома» за июль и август насыщены информацией об этой борьбе и ее результатах. Вот некоторые примеры, относящиеся к июлю 1935 г.¹⁹

«Письмо» от 1 июля: в Домброве коммунисты созвали единый фронтную конференцию местных организаций ППС, Бунда, Поалей-сиона, профсоюзных шахтных организаций. «Очень важная новая форма единого фронта... Вообще в акции выявилось порядочно пепеэсовского актива, идущего на единый фронт...» (перечисляются шахты). «В Силезии продолжают многочисленные митинги ППС с нашими выступлениями». 8 июля: «Силезия. Наше выступление на митинге НД (300 чел.)... Масса нас отлично приняла»²⁰. Бельшовский РК ППС выразил согласие на единый фронт (платформа: борьба против избирательного закона и за сохранение автономии В. Силезии); договорились совместно привлекать к этому фронту местные организации ХД и НПП²¹. С Бундом в Домброве заключен единый фронт. 10 июля: В Ольце (Западная Украина) заключено соглашение с местной организацией УСРП²² о борьбе с террором (польских властей); ЦК УСРП

¹⁷ Пепеэсовцы, выступая против курса КПШ, откровенно противопоставляли ему активную пропаганду пассивности.

¹⁸ Как и в других странах, в Польше «произошла забавная вещь: марксистско-ленинское учение нашло неожиданных защитников...» (М о р и с Т о р е з. Там же, стр. 85—86). Будовцы и троцкисты заявляли, что тактика народного фронта — это отказ от марксизма-ленинизма, от классовых позиций, от социализма, курс на беспринципную сделку с классами и партиями, «не признающими социализм своей программой». Бундовский «Нае фольксцайтунг» 5 июля 1935 г. писал, что «... коммунисты своей авантюристской конъюнктурной политикой угрожают втянуть все рабочее движение в трясину самого вульгарного реформизма» (цит. по Lzd VII — 1935). Этими троцкистскими, левосектантскими, псевдореволюционными фразами лидеры Бунда прикрывали свой отказ от народного фронта и самый пошлый реформизм своей практической деятельности.

¹⁹ AZHP, sygn. 158/D, VII — 1935.

²⁰ НД — Народова демократия (Стронництво народове, эндеки) — реакционная националистическая партия, конкурировавшая с пилсудчиками.

²¹ Христианско-демократическая партия и Народова партия роботничка — родственные клерикальные организации, имевшие определенное влияние в западных областях Польши среди отсталых рабочих и мелкой буржуазии.

²² Украинская социалистическая рабочая партия.

за это распустил уездный комитет. Рогатинский уездный комитет обратился к ЦК УСРП с просьбой разрешить единый фронт с КПП. 11 июля: в Варшаве «На всех собраниях ставим (вопрос) о (предстоящем) съезде люд[овцев]», избираются делегаты от рабочих. 15 июля: «Хотя лодзинский комитет ТУРа не соглашается как инстанция на заключение единого фронта, все его члены в отдельности приходят в районы, заключают единый фронт с КСМ. Туровцы отдают себе отчет в том, что им грозит роспуск...» со стороны властей ППС. То же с Цукунфтом и Югендом²³. «... Помещения четырех районов (т. е. райкомов. — М. Б.) ППС и многих районов ТУРа превратились в своего рода нашу базу... Продолжается также сотрудничество на фабриках. Пепеэсовцы и туровцы дают нам своих людей с фабрик, до которых мы не можем добраться, и просят о взаимности. Мы, разумеется, идем им навстречу». 18 июля: «... Во всех районах (Варшавы) идут переговоры с ППС...» 24 июля: в Домбровском угольном бассейне достигнуто соглашение с ППС о едином фронте в окружном масштабе (пока устное). В Кракове облсовет профсоюзов (пепеэсовских) постановил обратиться к ЦИК ППС и ЦК КПП с призывом к единому фронту. ЦИК грозит ему роспуском. Районная организация ППС в Маримонте (Варшава) избрала новый райком — полностью едиnofронтный, целиком стоит за единый фронт, но ждет согласия ОКР ППС. 27 июля: В Катовицах заключен единый фронт с «Югенд». «В Тешинском (районе) мы имеем по 1—2 человека (т. е. коммуниста. — М. Б.) в 21 деревне». 5 августа: ЦК пепеэсовских профсоюзов распустил краковский областной совет. Профсоюзы бурно протестуют. «Акция проводится совместно с оппозицией в ППС»²⁴.

Идея народного фронта в эти дни начинает широко проникать в деревню. Она находит опору в той широкой оппозиции крестьянства режиму санации, которая носила радикальный, антифашистский характер. Эта оппозиция не была политически однородной, ибо включала различные слои крестьянства, в том числе и зажиточные. Составлявшие ее основу демократические силы все более решительно стремились к ликвидации фашистского режима. Но и та часть оппозиции, которая стояла за постепенную реформу господствующей системы, в той или иной степени также тянулась к идее народного фронта, сознавая, что без союза с рабочим классом невозможно добиться и реформ. Эти настроения весьма тревожили реакционно настроенное большинство в руководстве Стронництва людowego, что очень ярко обнаружилось в связи с подготовкой съезда партии в середине июля 1935 г. Коммунисты и левые социалисты организовали от предприятий Варшавы многочисленные рабочие делегации на съезд; коммунисты связались с некоторыми людовцами — делегатами съезда и готовили выступления в духе народного фронта. Проведавшие об этих приготовлениях руководители СЛ, чтобы не допустить обсуждения вопроса о народном фронте, провели съезд буквально в «пожарном» темпе... за 75 минут²⁵.

Об идейных процессах, происходивших в деревне²⁶, красноречиво говорит и информационное письмо руководителя одной из окружных органи-

²³ «ТУР», «Цукунфт», «Югенд» — молодежные организации при ППС, Бунде и немецкой социал-демократической партии Польши.

²⁴ В краковских организациях ППС и профсоюзов в тот период одержали верх левые, едиnofронтные элементы, самым видным деятелем которых был Болеслав Дробнер.

²⁵ См.: AZHP, Lzd № 13, 19 VII 1935. Даже наблюдатели из охранки оценили происшедшее совершенно точно: «... Руководители опасались выступлений большой группы радикализованных делегатов, благосклонно настроенных к этому лозунгу» (AMSW, sygn. 706/15).

²⁶ Мы имеем в виду и деревню Западной Украины и Западной Белоруссии, оккупированных польским империализмом, где идеи народного фронта неразрывно переплетались с национально-освободительным движением. Не имея здесь возможности уделить особое место этой теме, приведем лишь одно свидетельство о настроениях в за-

заций КПП в Люблинском воеводстве (август 1935 г.): «Процесс радикализации ячеек (СЛ) охватил все ступени организации. Процесс радикализации неравномерен, хотя убеждение, что санацию можно свалить только посредством объединения в народном фронте и только революционным путем, стало всеобщим. Хотя людовцы сегодня за народный фронт, однако ступень их революционной зрелости разнородна. Одни за народный фронт для защиты демократических свобод (таких большинство), другие уже отдают себе отчет, что борьба пойдет дальше, и склоняются на нашу сторону... (немногочисленный актив), наконец, наиболее нетерпеливые критикуют нас, что... мы снова „возвращаемся к обанкротившейся демократии“, вместо того, чтобы сразу выдвинуть лозунг диктатуры. В общем, однако, наша платформа пользуется большой популярностью, и людовцы говорят о необходимости пересмотреть программу Стронництва людового»²⁷. Когда на окружном съезде СЛ в Седльце (Люблинское воеводство) обнаружилось явное тяготение делегатов к народному фронту, представитель центрального руководства партии решил отпугнуть их обычным жупелом: «Народный фронт — это работа коммунистов»; в ответ из зала раздались голоса: «Сейчас не время грозить нам красной коммунной, которая желает нам добра. Если мы не пойдем вместе с красной коммунной, нас задашит белая коммуна»²⁸.

Важную часть борьбы КПП за народный фронт составляла защита коммунистами прав угнетенных национальных меньшинств — украинцев, белорусов, евреев. Неустанно и последовательно проводившаяся партий борьба с антисемитизмом имела и большое общепартийное значение, потому что черносотенные фашистские силы (здесь — открыто, пилсудчики — в несколько завуалированной форме) стремились отвлечь трудящихся города и деревни от антифашистской и классовой борьбы усилением погромной антисемитской агитации. Работа с еврейским населением была также частью борьбы за городскую мелкую буржуазию и трудовую интеллигенцию²⁹.

В последние дни июля, когда VII конгресс Коминтерна в Москве уже начал свою работу, борьба КПП за единый фронт увенчалась многообещающим успехом — после ряда неофициальных встреч на уровне варшавских областных комитетов состоялась, наконец, официальная встреча представителей ЦК КПП и ЦИК ППС. Переговоры³⁰ закончились принципиальным устным согласием насчет необходимости заключить «пакт о

падноукраинской деревне, ценное тем, что дано сугубо антисоветским и антикоммунистическим органом местных украинских националистов, газетой «Діло». В статье «Поворот к коммунистическим настроениям» эта газета в декабре 1935 г. писала: «Важнейшее явление нашей жизни — это постепенный, но неуклонный рост коммунистических, точнее советских, настроений в украинских массах... Все сомнения заглушаются одним, все более растущим в украинских массах убеждением: там, в советской стране, за рубежом, становится все лучше», тогда как их жизнь «с каждым годом тяжелее и хуже» (цит. по «Правде» от 11 XII 1935).

²⁷ J. N a u m i u k. Walka KPP o jednolity front klasy robotniczej i front ludowy na Lubelszczyźnie. Lublin, 1959, s. 25.

²⁸ Ibid., s. 26—27.

²⁹ Еврейское население в Варшаве насчитывало (1939 г.) примерно 380 тыс., в Лодзи — свыше 230 тыс. Подавляющее большинство еврейского населения в Польше составляли мелкобуржуазные элементы в городах и местечках — ремесленники, кустари, мелкие торговцы, так называемые «халупники» и т. п. См.: «Biuletyn Żydowski-go Instytutu historycznego», 1952, № 1; 1955, № 13—14.

³⁰ «Письмо из дома» с изложением хода и содержания состоявшихся переговоров опубликовано в журнале «Najnowsze dzieje Polski», т. II. Warszawa, 1959, s. 250—253. ЦИК ППС представляли М. Недзялковский — главный редактор центрального органа ППС газеты «Роботник» и член ЦИК Чапинский; ЦК КПП — Константы Гресер-Калицкий, возглавлявший в тот момент Краевой секретариат, и коммунист, имя которого еще не расшифровано.

ненападении», т. е. прекратить взаимные нападки в печати и на собраниях, а также совместно провести День женщин и вербовку в объединенные профсоюзы, активизировать кампанию против гитлеризма и за освобождение политзаключенных из концлагеря в Березе. Представители ППС обязались представить в ближайшие дни на рассмотрение ЦИК ППС заявление коммунистов, что «пакт о ненападении» и обещание предоставлять коммунистам слово на собраниях, организуемых ППС, — «это еще не единый фронт», что необходимо установить единство действий в повседневной борьбе с общим врагом, в частности, совместно подготовить и провести кампанию активного бойкота и всеобщую стачку протеста накануне выборов (лично от себя делегаты-пепезовцы одобрили идею стачки). Наконец, представители ППС обещали, что их ЦИК постарается привлечь к соглашению и руководство Стронництва людowego.

Итоги встречи открывали перспективу реального и широкого продвижения в близком будущем к единому рабочему и народному антифашистскому фронту. Весть о достигнутом соглашении молнией облетела страну. Она вызвала большой энтузиазм³¹ и дальнейший подъем единого фронтового движения, а с другой стороны, — серьезную тревогу властей³².

Таково, в общих чертах, было положение в Польше, когда в Москве заседал VII конгресс Коминтерна.

Решения конгресса восстановили и развили ленинский подход к основным проблемам классовой и общедемократической борьбы пролетариата. Конгресс определил новую стратегическую линию борьбы за социализм, за мир, против империалистической реакции и фашизма, за сохранение и развитие демократии на основе единого рабочего и народного антифашистского, антиимпериалистического фронта. Конгресс подчеркнул взаимосвязь борьбы за мир и за демократию с борьбой за социализм, указал на опасность догматизма и сектантства³³.

Коммунистическую партию Польши на VII конгрессе представляли ее ведущие деятели — Юлиан Ленский, Бронислав Бронковский, Генрик Генриковский, Густав Рваль, Эдвард Прухняк, Ян Пашин, Стефан Скульский. Это была группа самоотверженных борцов за дело рабочего класса, сочетавших в себе пламенный пролетарский интернационализм с безграничной преданностью народу, верность марксизму-ленинизму со способ-

³¹ Упомянем хотя бы о митинге, которым 4 августа комсомол, ОМ ТУР и Цукунфт отметили в Варшаве достигнутое партиями соглашение. На митинге присутствовало около 1 тыс. чел., в том числе примерно половина — комсомольцы. Резолюция и ораторы были согласованы. Чапинский заявил в речи, что «если Польша пойдет в союз с Гилером, то мы будем защищать СССР». Один из вожakov левицы в ППС и руководителей ОМ ТУР Дюбуа говорил о неотложности единого фронта и союза с крестьянской молодежью. «Если Польша, — заявил он, — в союзе с Гитлером нападет на СССР, мы, как сказал товарищ Ленин, превратим войну империалистическую в войну гражданскую». В эти же дни в Лодзи КСМ и ОМ ТУР заключили едифронтовое соглашение в окружном масштабе (AZHP, Lzd 15 VIII 1935).

³² Министр внутренних дел публично заявил: «Новая тактика коммунистов требует большого напряжения сил со стороны органов безопасности, тем более, что сопротивляемость общества в результате тяжелого экономического кризиса ослабла» (см. статью Ю. Ленского в журнале «Коммунистический Интернационал», 1936, № 5—6, стр. 85). Воевода келецкий в отчете МВД за август 1935 г. сообщал, что «на территории Домбровского бассейна компартия удалось за отчетный месяц окончательно установить контакт с ЦИК ППС... Напряжение антиизбирательной акции со стороны коммуны было очень сильным, выражением этого явились многочисленные закрытые собрания..., а также публичные собрания, в которых коммуна вместе с ЦИК ППС принимала активное участие» («Materiały źródłowe do historii KPP w Zagłębiu Dąbrowskim w latach 1920—1939». Katowice, 1961, s. 306).

³³ Подробнее об этом см.: А. Р у м я н ц е в. Историческое значение VII конгресса Коминтерна и современное коммунистическое движение. — «Коммунист», 1965, № 15; Б. П о н о м а р е в. Исторические уроки VII конгресса Коминтерна и современность. — Там же, 1965, № 16.

ностью творчески развивать его применительно к новым условиям. Польская делегация (почти все ее участники выступали на конгрессе) проявила глубокое понимание новых задач, необходимости критического пересмотра опыта КПП и отыскания новых путей к единству рабочего и демократического движения в конкретных условиях Польши. Полностью поддержав тезис Г. Димитрова, что в таких странах, как Польша, с преобладанием крестьянского населения и с мощным национально-освободительным движением, вопрос о создании народного фронта стоит особенно остро, польские делегаты развивали конкретную программу строительства этого фронта. Окончательно порывая с распространенным прежде в партии представлением, что фашистская диктатура будет обязательно и непосредственно сменена пролетарской диктатурой, Ю. Ленский в своей речи подчеркнул, что в Польше «еще менее, чем в таких странах, как Франция, вероятен и возможен непосредственный переход к диктатуре пролетариата... Возможны разные варианты переходных правительств вплоть до правительства народного фронта с участием крестьянской партии»³⁴. «...Коммунисты готовы поддержать демократические мероприятия каждого антифашистского правительства, которое осуществляло бы платформу народного фронта», а в определенной конкретной обстановке и участвовать в таком правительстве³⁵.

Сегодня мы можем в широком историческом аспекте оценить, каким большим теоретическим и практическим достижением польских коммунистов и Коминтерна в целом были эти выводы³⁶. Ныне ясно, что уже на VII конгрессе была выдвинута идея народной демократии. Уже через год-два эта идея получила практическое развитие в Испании, в итоге второй мировой войны полностью восторжествовала в ряде государств Восточной и Центральной Европы, включая Польшу, и продолжает плодотворно развиваться в наши дни.

Здесь нет возможности полностью излагать широкий перечень демократических и социальных требований, включенных польскими коммунистами в платформу народного фронта. Отметим лишь важнейшие особенности последних. Во-первых, в отличие от прежних, подчас механических и декларативных, не соответствующих реальному напряжению борьбы, уровню сознания и настроениям масс лозунгов (вроде «ни гроша налогов», «не идти на шарварки», «никакой комасации земли» и т. п.), новые лозунги отличались реализмом, стремлением хотя бы частично улучшить жизнь рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и средних слоев; мобилизовать и сплотить эти массы вокруг выдвигаемых ими самими частичных требований. Особое внимание уделялось крестьянским требованиям. Во-вторых, место отвлеченной пропаганды диктатуры пролетариата заняла продуманная защита демократических прав трудящихся. Заслуживает внимания включенный КПП в платформу народного фронта лозунг созыва учредительного собрания для разработки конституции, соответствующей воле народа. Этот лозунг, как демократическая альтернатива предстоящим выборам в фашистский сейм, имел шансы приобрести всенародную популярность. В-третьих, КПП продолжала стремиться к ликвидации всех препятствий на пути к единству действий с социалистами, как важнейшей

³⁴ «Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт». Партиздат, 1935, стр. 24.

³⁵ Там же, стр. 22, 26.

³⁶ Материалы Коминтерна, в частности программный доклад Г. Димитрова на конгрессе, дают все основания утверждать, что опыт КПП привлекал к себе пристальное внимание Интернационала — и как опыт партии, ранее других оказавшейся в условиях фашистского режима, и в силу политико-географического значения Польши — соседки Советского Союза — для развития пролетарской революции в Европе, и, наконец, как опыт одной из самых боевых, инициативных секций Интернационала.

основе строительства народного фронта. Учитывая, что одним из главных аргументов против единого фронта со стороны правых социалистов стало нелегальное положение КПП, польские коммунисты заявили, что готовы по-деловому обсудить этот аргумент, что они кровно заинтересованы в сохранении легальности социалистических организаций, готовы ее всемерно защищать, проявить величайшую гибкость в этом вопросе, пойти на максимальные уступки в отношении организационных форм, лишь бы наладить единство действий³⁷. В-четвертых, польская делегация резче, чем в прошлом, подчеркнула в своей платформе необходимость борьбы против военной политики польского фашизма, в частности против его военно-го союза с «германским империализмом — смертельным врагом независимости польского народа» (Ю. Ленский).

Польские делегаты подчеркнули особую важность для успешного строительства народного фронта в условиях Польши задачи убедить самые широкие массы, что коммунисты являются лучшими защитниками национальных интересов вообще, национальной независимости в частности³⁸. (После конгресса на мартовском пленуме 1936 г. ЦК КПП поставил вопросы национальной независимости и национальных традиций польского народа перед партией в ленинской интерпретации, со всей широтой и конкретностью.) Ю. Ленский отметил в своей речи³⁹, что КПП недооценивала польский фашизм и его социальную демагогию, а поэтому со всем вниманием отнесется к советам Г. Димитрова отыскать и изучить в каждой стране национально-специфическое в фашизме, учесть его способность утонченно, иезуитски использовать национальные чувства и предрассудки масс и их антикапиталистические настроения в интересах крупного капитала, чтобы соответственно найти действенные методы и формы борьбы с данной разновидностью фашизма. Действительно, после VII конгресса ЦК КПП начал уделять серьезное внимание этим вопросам, весьма существенным для строительства народного фронта.

Таковы, на наш взгляд, главные моменты того вклада, который внесла польская делегация в работу конгресса, и уроков, которые она извлекла из его опыта для антифашистской борьбы в Польше. Значение VII конгресса в развитии мирового коммунистического и антифашистского движения невозможно переоценить. Проводя в жизнь политику конгресса, коммунистическое движение добилось значительных успехов в борьбе за единый рабочий и народный фронт.

³⁷ Там же, стр. 18, 50.

³⁸ «Нам, полякам, — сказал в своей речи Бронковский, — надо особенно учесть указания товарища Димитрова, что нельзя пройти мимо или отдавать в руки врагов все живущие в массах традиции борьбы прошлых поколений. Массы должны видеть в нас единственных действительных наследников революционной борьбы пролетариата, наследников крестьянских восстаний и борьбы. Но мы ведь также наследники лучших демократических традиций национально-освободительных боев. Разве имеют какое-либо право на это наследство нынешние палачи трудящихся масс, издевающиеся над всем, за что боролись лучшие представители национально-освободительной борьбы в Польше?» (Там же, стр. 56).

³⁹ Там же, стр. 38, 39.

ЕКАТЕРИНА ДАСКАЛОВА

АЛЕКСАНДР БЛОК И БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

С начала века до наших дней Александр Блок — один из самых читаемых и переводимых русских поэтов в Болгарии. Блоковская поэзия была постоянным спутником замечательного лирика начала XX в. Димчо Дебелянова. Творчество русского поэта увлекло болгарского писателя, гуманиста, борца за мир Людмила Стоянова, начавшего свой путь в рядах символистов и перешедшего на сторону революции. Пламенный поэт Гео Милев, вслушиваясь в голос народа, во многом следовал примеру автора поэмы «Двенадцать», которого назвал «эманацией народной души». Для поэта-антифашиста Николая Хрелкова, создателя знаменитой антивоенной поэмы «Полуночный конгресс», Блок является «самым любимым русским и мировым поэтом».

Для болгарской общественности чрезвычайно важно и то, что великий русский поэт проявил в свою очередь отзывчивость к судьбе болгарского народа, сочувствие к его освободительной борьбе. В поэму «Возмездие» Блок включил отрывок, посвященный русско-турецкой войне, воссоздавая картины освобождения Болгарии.

Проблема связей Александра Блока с болгарской литературой до сих пор специально не рассматривалась. Она частично затрагивалась в трудах общего характера некоторых болгарских и советских литературоведов — С. Русакиева, В. Велчева, Д. Ф. Маркова, В. И. Злыднева, Хр. Дудевского. Было уделено внимание рецензии Блока в Болгарии после Октябрьской революции. В меньшей степени был затронут вопрос о Блоке и болгарском символизме. Не была поставлена в работах о болгаро-русских литературных связях важная проблема об отношении к Блоку болгарских пролетарских поэтов.

В данной статье делается попытка проследить взаимоотношения Александра Блока с болгарской литературой на различных этапах общественного и литературного развития Болгарии. Ввиду ограниченного размера статьи, здесь намечены лишь основные линии развития этих взаимоотношений.

Знакомству с поэзией Блока в Болгарии было положено начало в первом десятилетии нашего века. Его произведения читались в подлиннике, ими увлекались известные болгарские поэты того времени — Теодор Траянов, Николай Лилив, Людмил Стоянов, Димчо Дебелянов и др.

По свидетельству современников, раньше всего получили известность в Болгарии блоковские произведения, опубликованные в журналах «Весь» (1904—1909) и «Золотое руно» (1906—1909). Первые блоковские книги, с которыми познакомилась болгарская интеллигенция¹, — «Не-

¹ Об этом акад. Н. Лилив сообщил в беседе с автором статьи (июнь 1957 г.).

чаянная Радость» (1907) и «Ночные часы» (1911). Как замечает Николай Лилиев, русский поэт пришел в Болгарию «со стихотворениями, выражающими любовь к жизни, к людям, к Родине»².

Многие молодые болгарские поэты хорошо знали стихи Блока. По свидетельству Л. Стоянова, выучивалась наизусть «Незнакомка», воспринимавшаяся как своеобразный бунт против пошлой буржуазной действительности³. Накануне и во время войны особенно актуальными были патриотические стихи Блока «Россия», «На поле Куликовом» и др., позже собранные в цикле «Стихи о России» (1915). Большой интерес вызвали блоковские статьи о Толстом — «Солнце над Россией»⁴ и особенно в защиту Горького — «О реалистах»⁵, где Блок назвал Горького настоящим русским писателем, воплощающим «громадную человеческую скорбь и великую искренность». Блок сочувственно относился и к другим писателям-реалистам, идущим в ногу с Горьким. Знакомство с Блоком в Болгарии объективно способствовало борьбе за распространение среди болгарской литературной общественности демократических традиций русской литературы, традиций Горького.

Параллельно с распространением Блока в подлиннике появляются первые переводы его произведений на болгарский язык. В газете «Балканско ехо» (1908, № 133) помещен первый болгарский перевод Блока — «Твой образ чудится невольню»⁶, сделанный Иваном Арnaudовым. Болгарская печать знакомила читателей и с литературными взглядами Блока, с его выступлениями в спорах о символизме, которые велись тогда в России. В журнале «Съвремена мисъл» (1911, кн. 8) был помещен отрывок из доклада «О современном состоянии русского символизма» (1910).

В период 1907—1918 гг. воздействие поэзии Блока затрагивает по преимуществу поэтов-символистов: Николая Лилиева, Людмила Стоянова, Димчо Дебелянова.

Николай Лилиев явился первым популяризатором русского поэта в Болгарии. Блок был близок ему своими описаниями городского быта с его резкими противоречиями, своей симпатией к трудовым людям, патриотическими мотивами (циклы «Город», «Родина»). Людмил Стоянов посвятил Блоку цикл «Предчувствия» в своем сборнике стихов «Видения на перепутье» (1914). В этом сборнике, «написанном по заветам символизма», как определяет сам автор, чувствуются настроения, очень близкие к идейно-эмоциональному строю блоковской «Нечаянной Радости».

Характерно, что восприятие Блока в Болгарии было связано по существу своему не с утверждением и расцветом болгарского символизма, а с его распадом как течения. Н. Лилиев, Л. Стоянов, Д. Дебелянов видят в творческом пути Блока аналогию собственным творческим поискам. Своим обращением к жизненным проблемам, социальным протестом, обращением к народу Блок содействовал освобождению этих поэтов от буржуазно-индивидуалистического сознания и выработке у них нового отношения к действительности.

Для всех этих поэтов, как и для дореволюционного Блока, характерно в той или иной степени трагическое ощущение несоответствия между идеа-

² В неопубликованном письме Н. Лилиева к автору (май 1960 г.).

³ Л. Стоянов. Димчо Дебелянов, поет на жизнения подвиг. София, 1926, стр. 7.

⁴ А. Блок. Солнце над Россией (Восьмидесятилетие Л. Н. Толстого). — «Золотое руно», 1908, № 7 и 8.

⁵ А. Блок. О реалистах. — «Золотое руно», 1907, № 6, стр. 87—88.

⁶ Этот же перевод помещен позже под заглавием «Чистота» в журн. «Просвета» (1911, кн. 9—10).

лом и действительностью⁷. С Блоком их роднит подчеркнуто резкое отрицание буржуазного общества, калечащего человеческую личность. Но при наличии этого сходства, у Н. Лилиева, например, страдание не возвышается до трагического пафоса, который перерос бы в восстание против действительности («Толпы»). У Л. Стоянова на первый план выступает духовный бунт личности, начинающей смутно осознавать себя частью коллектива («Родина»). У Д. Дебелянова, в чьих стихах всего заметнее блоковское трагедийное начало, этот бунт достигает социального осознания («Светлая вера»). В его прогрессивном романтизме назревают тенденции, которые свидетельствуют, что он мог бы перерасти в социально-активный, революционный романтизм.

Таким образом, пришедшая в Болгарию в начале XX века, накануне бурных общественных потрясений, поэзия Блока оказала воздействие на целое поколение болгарских поэтов-символистов. Особенно близки им оказались блоковские мотивы социального трагизма, тревожные поиски новых путей в жизни и литературе.

В новых социально-исторических условиях, после победы социалистической революции в России и революционных событий в Болгарии, Блок воспринимается болгарской общественностью как поэт революции. Интерес к его творчеству значительно возрастает. Широко распространяется в подлиннике и в болгарском переводе знаменитая поэма «Двенадцать». Ее переводят видные болгарские поэты, ее печатают в партийных изданиях, распространяют в тюрьмах⁸. Поэма оказывала революционизирующее воздействие, звала на борьбу во время Сентябрьского восстания 1923 г. Один из участников восстания Марко Темнялов отмечает: «И в сентябре 1923 г., когда по призыву партии и наше Гложене (родное село мемуариста.— Е. Д.) поднялось на вооруженное восстание, Христо Мазаджиев и я, шагая белой сентябрьской ночью, декламировали:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

.....
Мы на горе всем буржуам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови . . .

.....
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Это были счастливые, незабываемые дни: от радости мы как будто не ступали по земле, а летели»⁹.

Отдельной книгой поэма «Двенадцать» выходит на русском языке в Болгарии в 1920 г.¹⁰ В том же году Димитрий Николов (Осинин) делает первый болгарский перевод поэмы и публикует его в партийном органе «Червен смях»¹¹. В 1921 г. печатается отдельным изданием и перевод Гео Милева¹². Распространяется также стихотворение Блока «Скифы», трижды переведенное за короткое время¹³, его публицистические статьи, собран-

⁷ См. Д. Ф. Марков. Болгарская поэзия первой четверти двадцатого века. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 27.

⁸ См. С. Комбов. Съветската книга в затвора. Сб. «Съветската литература в България. 1918—1944», т. I. БАН, 1961, стр. 383; Н. Ланков. Спомен за съветската книга. Там же, т. II, 1964, стр. 140.

⁹ М. Темнялов. Октомври и съветската книга. Там же, стр. 236—237.

¹⁰ А. Блок. Двенадцать. С пред. П. Сувчинского. София, 1920.

¹¹ А. Блок. Дванадесетте.— «Червен смях», 1920, № 37, стр. 2—3.

¹² А. Блок. Дванадесетте. «Везни», София, 1921. С илл. М. Ларионова и Н. Гончаровой.

¹³ «Пан», 1920, № 2 (пер. Ф. Чолакова); «Книгопис», 1928, № 2 (пер. К. Димитрова); «Наковалиня», 1926, № 39, стр. 5 (пер. Д. Полянова).

ные в книге «Россия и интеллигенция»¹⁴, драматический диалог «О любви, поэзии и государственной службе» (в двух переводах)¹⁵, цикл «На поле Куликовом»¹⁶ и др.

Блока широко популяризирует партийная и антифашистская пресса — «Работнически вестник», «Ново време», «Наковалня», «Пламяк». Произведения его пропагандируют пролетарские и революционные поэты — Димитрий Полянов, Христо Смирненский, Гео Милев, Николай Хрелков. В ряде случаев переводы блоковских произведений связываются с агитационными задачами революционно-освободительной борьбы.

В передовой критике 20-х годов отношение к Блоку определялось тем значением, которое имели его произведения для революционной борьбы. Очень характерна в этом смысле статья критика-марксиста Георгия Бакалова «Поэма русской революции», в которой говорится о Блоке: «Душа романтическая, жаждущая новых миров, рожденных в бурях и пламени, он воспринял Революцию как великую обновительницу. Каковы бы ни были ее пути, его пленяют ее конечные цели»¹⁷. Автор статьи рассматривает Блока как поэта социальной революции, «творимой миллионами». Был опубликован также перевод статьи П. Когана «Александр Блок и революция»¹⁸. Оценка Блока болгарской критикой определялась происходившей тогда общественной борьбой. Так, Г. Цанев в полемической статье «Падение» Александра Блока»¹⁹ дает достойный отпор злобным нападкам реакционной газеты «Слово», использовавшей «Воспоминания» З. Гиппиус о Блоке, чтобы протолкнуть тезис о якобы наступившем разочаровании поэта в большевиках²⁰.

Борьба вокруг Блока превращается в борьбу за или против революции. Показательно, что в ряде случаев отзывы о Блоке становятся поводом для пропаганды их авторами нового общественного идеала. В страстной статье, явившейся откликом на смерть русского поэта, Гео Милев связывает блоковское творчество с «пылающей Россией» — «грозовой», «спасительной» для всех народов. Он пишет, что настоящим поэтом может быть лишь тот, кто является «выражением коллективной души, народной души»²¹.

Революционная ситуация в Болгарии после первой мировой войны, достигшая своей кульминации в период Сентябрьского антифашистского восстания 1923 года, создает благоприятную почву для восприятия идей и образов русского поэта. К Блоку проявляют интерес болгарские пролетарские поэты Димитрий Полянов, который оставил нам известный перевод стихотворения «Скифы», и Христо Смирненский, содействовавший публикации первого перевода поэмы «Двенадцать» в журнале «Червен смях». Этим поэтам автор «Двенадцати» импонирует своим героико-романтическим пафосом, утверждением темы Октябрьской революции. В творчестве Христо Смирненского мы встречаем близкие Блоку настроения и образы,

¹⁴ А. Б л о к. Русия и интеллигенцията. Пер. Н. Хрелкова и Ламара. [София, «Червен Пантеон», 1921.

¹⁵ А. Б л о к. За любовта, поезията и държавната служба. Пер. Хр. Драганова. Враца, 1922; пер. Б. С. «Театрална библиотека», София, 1928, № 9.

¹⁶ А. Б л о к. На Куликовото поле. Пер. Н. Хрелкова.—«Листопад», 1921, кн. 2, стр. 56—58.

¹⁷ Г. Б а к а л о в. Поема за руската революция. — «Работнически вестник», 1922, № 3 (приложение к № 22).

¹⁸ П. С. К о х а н. Александр Блок и революцията.—«Ново време», 1921/22, кн. 9, стр. 284—288.

¹⁹ Г. Ц а н е в. «Падението» на Александр Блок.—«Работнически вестник», 1923, № 33 (недельное литературное приложение).

²⁰ Отрицание связи Блока с революцией содержится в статьях: Й. Стратиев. Рыцарь Прекрасной дамы.—«Златорог», 1921, кн. 7, стр. 415—425; А. Илиев. Трагедия эстета Блока.—«Изток», 1926, № 42, стр. 2—4.

²¹ Г. М и л е в. Александр Блок.—«Везни», 1921, кн. 1, стр. 1—3.

отражающие революционно-освободительный пафос эпохи («Красные эскадроны», «Россия») ²².

Блоком интересуются и поэты восстания 1923 года — так называемые «поэты-сентябристы» — Асен Разцветников, Никола Фурнаджиев, Ангел Каралийчев. Особенно плодотворным было общение с революционным Блоком для таких поэтов начала 20-х годов, как Христо Ясенов, Гео Милев, Ламар (Лалю Маринов), Эмануил Поддмитров, Людмил Стоянов, Николай Хрелков. Эти поэты под влиянием революционной действительности порывают с символизмом и постепенно приходят в лагерь революционной литературы. Пример Блока, принявшего революцию, имел для них огромное значение. О поэме «Двенадцать» и стихотворении «Скифы» Ламар пишет в своих воспоминаниях: «Это был новый путь в поэзии, и велика была заслуга Блока. С этого времени я окончательно определил свое место на стороне революции, которая потрясла весь мир» ²³. Подобно Блоку, еще в первые дни Октября Эмануил Поддмитров выразил свое восторженное отношение к борьбе революционного русского народа в поэме «Россия» (1920), в которой можно уловить переключку с поэмой «Двенадцать».

В период с 1930 по 1944 год восприятие Блока в Болгарии происходит в условиях нового этапа революционно-освободительного движения — развернутой борьбы против фашизма. Ведущее место в литературном процессе занимает пролетарско-революционная литература, вступившая в новую фазу развития ²⁴. Ее представители воспринимают Блока как союзника пролетарского дела, как большого гуманиста, чье творчество может содействовать объединению прогрессивных сил в борьбе против фашизма. Интересна с этой точки зрения судьба блоковского стихотворения «Скифы», широко распространенного в печати ²⁵. Это стихотворение переводят известные болгарские поэты Христо Радевский и Крум Пенев; народные артисты Н. О. Массалитинов, В. Трендафилов, а также С. Обретенов читают его на литературных вечерах и собраниях. По сведениям бывшего политзаключенного А. Александрова, оно было одним из самых любимых произведений узников Старозагорской тюрьмы во время войны: они часто декламировали его по-русски и по-болгарски ²⁶. В условиях тогдашнего режима пророческие слова автора «Скифов» о будущем Советской России и славянства — бастиона мира и революционных завоеваний человечества — обретают выразительное общественное звучание. Стихотворение звучит как призыв и как предупреждение буржуазному миру:

Не щете ли, — не губим нищо ний тогаз,
и ние можем с вероломство!
Ще ви проклина вечно, вечно вас
измъченото, късното потомство!

Елате с нас! От кървавата сеч
елате в мирните обятия!
Доде е рано — в ножницата старий меч!
Другари! Ние ще станем братя! ²⁷

²² См. Е. Даскалова. Смирненски и Блок. — «Славяни», 1959, кн. 1.

²³ Ламар (Л. Маринов). С Блок и Маяковски и Есенин. Сб. «Съветската литература в България», т. I, стр. 169.

²⁴ См. «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков». Под ред. В. И. Злыднева, Д. Ф. Маркова, С. В. Никольского. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 303 (Ин-т славяновед. АН СССР).

²⁵ Известны три перевода «Скифов» — Хр. Радевского в РЛФ (1931, № 33), Кр. Пенева в газете «Зора» (1934, № 145), Кр. Йорданова в газете «Литературен глас» (1939, № 422).

²⁶ См. В. Колевский. РЛФ — борец за партийную литературу. София, 1964, стр. 155.

²⁷ Перевод Христо Радевского.

Неоднократно переводилось и весьма популярное в Болгарии стихотворение «Россия»²⁸. Одновременно с широким распространением произведений современных советских писателей — Маяковского, Островского, Шолохова, Твардовского, Исаковского, не раз попадавших под удары фашистской цензуры, популяризация Блока в Болгарии выходила за собственно литературные рамки: творчество русского поэта как бы вливалось в революционное бытие народа.

Переводы произведений Блока и критические статьи о нем помещает ряд прогрессивных изданий общедемократической и антифашистской ориентации — «Щит», «Брод», «Час», «Лик», «Светлоструй», «Нова камбана». Особенно активно пропагандируют творчество поэта революционные издания: «РЛФ» (Рабочий литературный фронт), «Нова литература». Произведения Блока вошли в чрезвычайно популярную тогда книгу «Антология на съвременната руска поезия», под редакцией Христо Радевского (1938). Как популяризаторы и ценители Блока выступают, наряду с Л. Стояновым, Н. Хрелковым, Ламаром, — Крум Пенев, Христо Радевский, Атанас Смирнов.

В критических оценках Блока поляризация мнений проявляется еще сильнее, чем раньше. Прогрессивная критика видела в авторе поэмы «Двенадцать» одного из зачинателей советской литературы и искусства. Ведущую роль играла с этой точки зрения пролетарская литературная пресса, которая связывала демократизм Блока с коренными интересами рабочего класса в России. В статье, посвященной 10-й годовщине смерти Блока, Христо Радевский пишет: «Блок искренне сочувствует пролетарскому освободительному движению, и оно платит ему за это своим признанием»²⁹. Против такой оценки творчества певца революции выступали реакционные критики. Отзвуком усилившейся антисоветской кампании явился, например, ряд статей с показательными заглавиями — «Религиозная драма Александра Блока»³⁰, «Поэт безнадежной скуки»³¹, «Трагедия Александра Блока»³² и пр.

Болгарские пролетарские поэты 30-х годов, интересующиеся Блоком, воспринимали его двояко. С одной стороны, их последовательная революционность, коммунистическая партийность и ясная историческая перспективность вступают в своеобразную идеологическую полемику с трагизмом Блока, отразившего непримиримые противоречия своего времени. С другой стороны, именно пролетарские поэты-антифашисты раскрывают исторический смысл и характер его революционности. Они обращаются к Блоку как к плодотворной литературной традиции, сочетающей высокогражданские и гуманистические начала.

Пролетарским поэтам-антифашистам близок революционно-романтический пафос поэзии Блока. Эти поэты сочетают революционную устремленность блоковского эстетического идеала с приобщением к практике революции, развивающейся вплоть до победоносного завершения. И это обогащает революционно-романтическую традицию новым содержанием.

После победы социалистической революции в Болгарии произведения Блока становятся достоянием широких народных масс. В периодической печати появляется новый перевод поэмы «Двенадцать»³³. Она выходит

²⁸ Известны переводы Н. Хрелкова («Щит», 1933, № 3), А. Смирнова («Светлоструй», 1937, № 5, 6).

²⁹ РЛФ, 1931, № 63, стр. 2.

³⁰ «Нов женски свят», 1931, № 7—8, стр. 6.

³¹ «Зора», 1936, № 5132, стр. 8.

³² «Литературен свят», 1935, № 10, стр. 2.

³³ «Мир», 1944, № 13078, стр. 2 (пер. Кр. Йорданова).

отдельной книгой³⁴. Произведения Блока входят в целый ряд сборников, антологий и т. д.³⁵ В последнее время появились два отдельных издания «Избранных стихотворений и поэм»: одно — в переводе Младена Исаева³⁶, другое — в переводах Николая Хрелкова, Елисаветы Багряны, Николая Фурнаджиева, Тодора Харманджиева, Ивана Радоева, Пырвана Стефанова и др.³⁷ Своим высоким нравственным идеалом, своим страстным отрицанием всего старого, античеловечного, своей устремленностью к будущему, своим проникновенным лиризмом поэзия Блока плодотворно вступает в творческое взаимодействие с исканиями ряда молодых поэтов социалистического реализма, способствуя углублению активного гуманизма и социалистической романтики в болгарской поэзии.

Имя Блока, его творческое наследие неразрывно связано для нас с делом Великого Октября, со всем тем, что принесла народам мира Октябрьская революция. Пафос его произведений, особенно «Двенадцати» и «Скифов», является источником революционного вдохновения для болгарского народа.

³⁴ А. Б л о к. Дванадесетте. Пер. Д. Осинина. София, Нариздат, 1945.

³⁵ См. «Славянски поети». Стихотворен сборник. София, 1946, стр. 100—113; «Руска съветска поезия, антология по случай 40 години от Октомврийската революция». София, 1957.

³⁶ А. Б л о к. Избрани стихотворения и поеми. Пр. Мл. Исаева. София, изд. Български писател, 1960.

³⁷ А. Б л о к. Избрани стихотворения и поеми. Под ред. Хр. Радевского. Библ. Съветски поети. София, изд. Народна култура, 1965.

Е. З. ЦЫБЕНКО

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ПРУСА

Сопоставительное изучение творчества представителей разных национальных литератур имеет большое значение для выявления закономерностей литературного процесса, для определения исторической и национальной специфики отдельных художественных произведений, индивидуального своеобразия их авторов. Оно включает в себя изучение контактных связей (влияния одного писателя на другого) и типологических, представляющих собой, по словам В. М. Жирмунского, «историко-типологические аналогии»¹. Конечно, принципиально различая эти два типа связей, не следует в каждом конкретном случае их абсолютизировать; границы между ними текучи, подвижны, одна форма легко переходит в другую.

Взаимные связи с другими литературами — это органическая сторона национального литературного развития. Изучение этого процесса невозможно без учета контактов одной национальной литературы с другими, без учета того, как она усваивала художественный опыт других народов и в свою очередь влияла на него.

Ни одна национальная литература не развивалась, да и не могла развиваться в изоляции от внешнего мира. Напротив: чем выше культура того или иного народа, тем интенсивнее ее контакты с культурой других народов. Поэтому сам факт выявления связей какой-либо национальной литературы с другой отнюдь не умаляет ее значения и национальной самобытности.

Современное польское литературоведение ставит перед собой задачу изучения родной литературы в общем контексте развития европейских литератур. В этом отношении особенно привлекает исследователей творчество Болеслава Пруса, ибо, по справедливому мнению польской критики, «Прус является наиболее европейским писателем своего поколения. Его характеризует умственная зрелость человека современной культуры, он эту культуру понимает и чувствует»².

Однако большинство исследователей склонно преувеличивать влияние западноевропейских писателей на его творчество. Так, литературовед старшего поколения Зыгмунт Швейковский в обширном исследовании о романе «Кукла» (1927), а позже в монографии о Прусе (1947)³ среди

¹ В. М. Ж и р м у н с к и й. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур. В сб.: «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур». М., 1961, стр. 52.

² S. B r z o z o w s k i. B. Prus. «Współczesna powieść polska». Stanisławów — Warszawa, 1906, s. 92.

³ Z. S z w e y k o w s k i. «Lalka» Bolesława Prusa. Warszawa, 1927; «Twórczość Bolesława Prusa», t. I—II. Poznań, 1947.

писателей, оказавших на него влияние, называет Мольера, Сервантеса, Гюго, Сю, Диккенса, Шпильгагена, Доде, Флобера, Золя, Мора Йокаи. Причем З. Швейковский имеет в виду прежде всего сюжетные совпадения, сходство отдельных мотивов, иногда деталей. Так, если Вокульский в романе Пруса «Кукла» помогает уличной женщине, то это, конечно, заимствовано из романа Гюго «Отверженные», где то же самое делает Жан Вальжан. Любовь аристократки Заславской к бедному офицеру в «Кукле» (короткий эпизод-воспоминание) дает повод исследователю Пруса в свою очередь вспомнить о любви светской дамы Шарлотты к леснику Фрицу Гутману из романа Ф. Шпильгагена «Сомкнутыми рядами». Надпись на могиле героя романа Мора Йокаи «Сдвинем землю с основания» обнаруживает сходство с фразой из письма, найденного в кармане умершего Жецкого («Кукла»). Любовные перипетии Елены Ставской в «Кукле» похожи на историю героини романа Золя «Страницы любви» (обе вдовы, обе выходят замуж не за тех, кого любят). На подобных чисто внешних аналогиях — и только на них! — З. Швейковский строит свой вывод о влиянии перечисленных писателей на Пруса.

Литературовед Игнацы Гурский к этому длинному перечню имен западноевропейских писателей, влиявших на Пруса, добавляет еще Альфреда де Мюссе. И. Гурский написал специальную статью, чтобы доказать, что Прус в романе «Кукла», изображая любовь Вокульского к Изабелле, «позаимствовал много деталей и из романа Мюссе «Исповедь сына века»⁴. Вокульский у Пруса, как и Октав у Мюссе, тяжело переживает измену любимой женщины, он ее любит и презирает одновременно, он не может понять, зачем свободной, незамужней женщине надо было обманывать его. Октав готов убить Бригитту (кстати, вторую женщину, которую он полюбил — биографическая «деталь», совершенно немислимая для цельного характера Вокульского, сразу же ставящая под сомнение всю сопоставительную схему исследователя), а герой Пруса взрывает камень, около которого происходили его встречи с Изабеллой, и т. д. и т. д. И. Гурский не учитывает того, что в данном случае некоторое сходство (в сущности весьма отдаленное) в обрисовке душевного состояния и поступков героя навеяно сходством жизненных ситуаций, в которых герои оказываются. Прусу совсем не обязательно было обращаться к Мюссе, чтобы описать, например, как влюбленный Вокульский стоит вечерами под окнами дома, где жила Изабелла. Таких совпадений в литературе множество. Не случайно и сам автор работы отмечает, что подобные описания различных нюансов и перипетий любви можно встретить и у Мальчевского в «Марии», и у Берента в «Озими», и у лирика Асныка, у Гете, Сервантеса, Гейне...

Видный польский литературовед Габриэль Корбут, считая исследование влияния иностранных писателей на польских важной и необходимой задачей, подчеркивал, однако, что в этой области «нужно быть чрезвычайно осторожным в наблюдениях и не стремиться увидеть влияние там, где есть единственно случайное сходство; ибо не нужно забывать, что с незапамятных времен проявления жизни в одинаковых условиях повторяются. Отсюда происходят аналогии и сходства»⁵.

В этой связи небезынтересно напомнить высказывание другого польского литературоведа Эдварда Порембовича (1862—1937) — признанного специалиста в области сравнительного изучения европейских литератур, предостерегавшего от чрезмерного увлечения этим методом: «Тот же самый метод может и всестороннего знатока своего предмета, особенно, если тот

⁴ I. G ó r s k i. «Lalka» Prusa a «Confession d'un enfant du siècle» Musseta. — «Przegląd współczesny», t. XL (styczeń — marzec 1932), Kraków, s. 66.

⁵ G. K o r b u t. Wstęp do literatury polskiej. Warszawa, 1924, s. 34.

не обладает способностью трезво анализировать факты, превратить в своеобразного сыщика, который в духе своей профессии в дальнейшем всюду начинает подозревать литературное воровство и даже в самых естественных ситуациях усматривает чужое влияние»⁶.

Вслед за З. Швейковским и И. Гурским склонность к надуманным компаративистским схемам проявляет и современный польский литературовед Мария Стшалкова в своей работе «Прус и Бальзак» (1961). Основываясь на чисто внешнем сходстве некоторых сюжетных ситуаций, автор этой работы спешит сделать далеко идущий вывод о прямом влиянии на роман Пруса «Кукла» повести Бальзака «Загородный бал» (1830). В том и другом произведении есть следующий эпизод: аристократка посещает галантерейный магазин и видит там за кассой — одна (у Бальзака) своего возлюбленного, о профессии которого она раньше не догадывалась, другая (у Пруса) — добывающегося ее руки буржуа. Кстати, у Бальзака (в отличие от Пруса) эта встреча стала началом разрыва между героями. Графиня Эмилия так и не смогла простить своему избраннику его «низкого» занятия. Это случайное совпадение побуждает автора работы искать и другие ситуации, которые могли бы подтвердить ее тезис о «зависимости» романа Пруса от повести Бальзака. Все сопоставление строится на выписывании внешнего, чисто формального сходства. А самое основное — различия между произведениями и их главными героями — в исследовании не учитывается. Вокульский в «Кукле» — не просто буржуа, добывающийся руки аристократки, это незаурядный человек со сложным, противоречивым характером; столкновение с буржуазно-шляхетским обществом приводит к личной и общественной трагедии героя. В повести же Бальзака показана блестящая карьера аристократа, который, отказавшись от своей доли наследства в пользу старшего брата, вынужден был вначале заняться мелкой торговлей, но потом разбогател, а после смерти отца и брата даже получил титул пара Франции.

Только игнорируя это идейно-художественное своеобразие сопоставляемых произведений, можно было прийти к выводу о влиянии ранней, далеко не совершенной повести Бальзака на роман Пруса. Прийти к выводу тем более странно, что, как пишет сама М. Стшалкова, нет никаких данных, свидетельствующих о знакомстве Пруса с этим произведением Бальзака, которое, кстати, было переведено на польский язык только в 1957 г.

Обращение к Бальзаку, конечно, не случайно для каждого исследователя, занимающегося проблемой — Прус и западноевропейская литература. Богатый художественный опыт творца «Человеческой комедии» — могучего синтетического цикла социально-психологических романов, несомненно, должен был привлечь внимание автора «Куклы». Бальзак, который, по его собственным словам, стремился «уловить скрытый смысл огромного скопища типов, страстей и событий», одним из первых в европейской литературе дал критический художественный анализ буржуазного общества. У него мог учиться Прус мастерству социальной типизации. В таком широком плане, отнюдь не имея в виду сюжетных совпадений, и можно говорить о влиянии Бальзака на творчество Пруса.

Об этом уже писалось в польской критике. Так, Игнацы Матушевский, подчеркивая, что в данном случае он абстрагируется от проблемы влияния, замечает: «Это натуры, родственные по таланту. Бальзак на Висле стал бы, возможно, Прусом, а Прус на Сене — Бальзаком...»⁷.

⁶ «Polska krytyka literacka», t. IV. Warszawa, 1959, s. 384.

⁷ I. Matuszewski. Artysta i filozof. В кн. «Swoi i obcy». Warszawa, 1898, s. 47.

Другой видный критик конца XIX — начала XX в. Станислав Бжозовский отмечал: «Прус больше всех писателей нашей эпохи прилагает усилия для того, чтобы понять социальные процессы, происходящие вокруг него... Прус, как и Бальзак, не ограничивается созданием отдельных образов. Он создает целые общества, которые, изменяясь и развиваясь, формируют людей»⁸.

Интересную попытку сопоставления творчества Пруса с Бальзаком (и Стендалем) делает современный критик Ян Котт в своей монографии «О „Кукле“ Болеслава Пруса» (1948). «В „Кукле“ есть много от Бальзака» — пишет он⁹. Ян Котт имеет в виду глубокий критический анализ социальной жизни современного Прусу буржуазного общества. «Как „Красное и черное“ и „Утраченные иллюзии“, „Кукла“, — пишет Ян Котт, — это выдающийся роман об общественном перевороте, который принес капитализм, и одновременно — выдающийся роман разочарования»¹⁰.

В книге Яна Котта «О „Кукле“ Болеслава Пруса» есть много верных наблюдений. Автор, можно сказать, впервые рассматривает роман Пруса в социологическом плане, во многом как бы заново его прочитывает. Но в ряде случаев Ян Котт недооценивает Пруса-художника, в частности его верность художественной правде при создании образа главного героя. Он ставит под сомнение жизненность этого центрального образа романа. В Вокульском критик хочет видеть только купца, потом миллионера, типичного представителя своего класса. Но в том-то и дело, что герой Пруса таким не был. Вокульский, проведший молодость в нужде и лишениях, просиживавший ночи над книгами, чтобы поступить в университет, член тайного молодежного кружка, участник польского восстания 1863 г., ссыльный в Сибири, продолжающий и там свои научные опыты, Вокульский, который стал купцом в сорок пять лет, когда взгляды его уже сформировались, — такой Вокульский не мог стать и не стал заурядным капиталистом. Он не считает приобретение целью своей жизни, он видит бедственное положение народа, стремится ему помочь, мечтает об активной общественной деятельности, о большой любви. Однако эти стремления оказываются в трагическом противоречии с его собственным положением капиталиста и со всем укладом буржуазного общества. Вокульский чувствует себя одиноким в этом обществе — он должен из него уйти. Такой трагический финал — свидетельство последовательного реализма Пруса — еще более усиливает критику капитализма, содержащуюся в его романе. Ян Котт, не считаясь с общим замыслом романа, упрекает Пруса в идеализации своего героя, в стремлении набросить на него романтический плащ (такую функцию, как считает Ян Котт, выполняет в романе любовь Вокульского к Изабелле). «Романтический костюм, — пишет критик, — трещит на купце. Трудно поверить, чтобы крупный делец, делец международного масштаба, мог быть одновременно таким чувствительным, несчастным и беспомощным влюбленным. Такие дельцы у Бальзака выглядят иначе»¹¹.

То, что Прус не сделал своего героя преуспевающим и довольным собой, а показал (согласно своему замыслу, который не принимает во внимание критик) в конце романа его трагическое одиночество, тот социальный и моральный тупик, в котором он оказался, наконец, его бегство из враждебного ему общества, представляется Яну Котту отходом от реализма. «В конце романа идеолог побеждает писателя, — пишет критик, — кон-

⁸ S. Brzozowski. Ibid., s. 89.

⁹ J. Kott. O «Lalce» Bolesława Prusa. Warszawa, 1948. Цит. по «Kuźnica», 1947, № 14.

¹⁰ Ibid., № 13.

¹¹ Ibid.

чается реализм „Куклы“. Прус не решается обдумать и решить до конца судьбу своего героя. Он отступает от последовательной критики капитализма. Не решается ни на осуждение, ни на апологию героя»¹². Ян Котт считает, что реалистическое произведение должно было бы кончиться иначе. Бальзак, по мнению критика, снабдил бы роман другим концом. Он отдал бы Вокульскому панну Изабеллу, приказал бы ему кушать графский титул, сделал бы из него еще одного Нусингена, избавил бы, как Растиньяка, от всех иллюзий молодости, показал бы, как из него вырастет негодяй и бросил бы миллионером и столпом соглашательской партии.

Существенную поправку в это рассуждение Яна Котта вносит Казимеж Будзык. Он совершенно справедливо замечает, что, обвиняя Пруса, Котт не учитывает того, что в Польше буржуазия не была так сильна, как во Франции. «Изображение именно такого варианта развития капитализма, — пишет К. Будзык, — это заслуга, а не вина Пруса, который остался верен действительности и не допустил, чтобы литературная традиция, хотя бы это была традиция Бальзака, привела его к ошибке»¹³.

Ян Котт верно подмечает главную особенность творчества Бальзака — умение показать, как буржуазное общество уродует и извращает личность. Но разве это единственный путь реалистического изображения сложных противоречий общества? Современник Бальзака Стендаль, например, находит другое решение. В центре его творчества яркая и богатая личность, которая противостоит буржуазному обществу. Герой «Куклы» в этом отношении бесспорно ближе героям Стендаля, чем Бальзака¹⁴. Таким образом, при сравнительном рассмотрении творчества представителей разных национальных литератур необходимо учитывать своеобразие их подхода к одной и той же теме, авторский замысел и, в большей степени, чем это делает Ян Котт, учитывать специфику времени и условий, изображенных в произведении.

Говоря о связях Пруса с западноевропейской литературой, польские критики неоднократно отмечали близость многих рассказов Пруса творчеству Диккенса. Особенно это относится, как справедливо замечает Янина Кульчицкая-Салони в своей монографии о Прусе, к его ранним рассказам, в которых можно увидеть прямое влияние английского реалиста. «Некоторые эпизоды в повести „Дворец и хижина“ как бы целиком перенесены из Диккенса», — пишет Я. Кульчицкая-Салони¹⁵. По мере созревания таланта Пруса растет и его самостоятельность как художника. В его более поздних рассказах уже нет прямого подражания своему предшественнику, но некоторая близость Диккенсу остается. Судьба Яся в повести «Сиротская доля» во многом напоминает историю Оливера Твиста. «Прус, который возлагал надежды на доброе сердце и простого человека, а не на капиталистический прогресс, — пишет по этому поводу Я. Кульчицкая-Салони, — был ближе к Диккенсу, чем к своим современникам»¹⁶.

Особенно сближает Пруса с Диккенсом теплый, доброжелательный юмор. В частности, в образе старого приказчика Жецкого критики спра-

¹² Ibid.

¹³ K. B u d z y k. Jeszcze dyskusja nad przedmową do «Lalki». — «Kuźnica», 1947, № 50.

¹⁴ Интересный сопоставительный анализ романов Стендаля «Красное и черное» и «Куклы» Пруса с точки зрения изображения в том и другом мотива любви плебей и аристократки делает современный польский литературовед Эва Кожженевская. Считая, что того и другого писателя, «несмотря на принадлежность к разным национальностям, разное время написания романов и различия в художественном складе, толкнуло на использование одного и того же мотива одинаковое отношение к обществу»; Э. Кожженевская показывает отличия в развитии этого мотива у французского и польского писателей. См. E. K o r z e n i e w s k a. Z zagadnień realizmu. — «Kuźnica», 1947, № 20.

¹⁵ J. K u l c z y s k a - S a l o n i. Bolesław Prus. Warszawa, 1964, s. 59.

¹⁶ Ibid., s. 61.

ведливо видят продолжение традиций Диккенса, создателя образов старого бухгалтера, фанатически привязанного к фирме Тима Линкинуотера («Жизнь и приключения Николаса Никльби»), и бескорыстного, наивного, любящего чудака Тома Пинча («Жизнь и приключения Мартина Чезлвита») ¹⁷.

Вместе с тем польские исследователи отмечают и своеобразие юмора писателя, его особую роль в творчестве Пруса по сравнению с функцией юмора в произведениях Диккенса. «...Юмор не образует у Пруса, как это часто было у Диккенса, основы, скелета романа, — пишет И. Матушевский, — но самое большее — орнамент, без которого произведение, хоть и лишилось бы определенной, пусть даже очень важной, характерной черты, однако при этом не нарушилась бы ни в чем внутренняя его сущность, основанная на совершенно других элементах» ¹⁸.

Сходство и различие познаются в сравнении, которое является обязательным для всякого исторического исследования. Чтобы выявить специфику того или иного явления литературы, его нужно сопоставить с другим. Поэтому представляется крайне существенным сопоставление отдельных литературных фактов, независимо от их генетической общности или влияний.

В этом отношении вызывает большой интерес новая работа Янины Кульчицкой-Салони «Два купеческих романа: „Дамское счастье“ Эмиля Золя и „Кукла“ Болеслава Пруса» (1963), свидетельствующая о критическом отношении автора к своим прежним работам, где делалась попытка установить прямую зависимость между романом Пруса и Диккенса в одном случае ¹⁹ и Пруса и Доде — в другом ²⁰. В своей последней работе Я. Кульчицкая-Салони ставит перед собой совершенно новые задачи. Возражая Зыгмунту Швейковскому, который пишет о влиянии на «Куклу» романа Золя «Дамское счастье», она делает интересный сравнительный анализ идейно-художественного содержания сходных тематически произведений польского и французского писателей, убедительно показывая глубокое отличие замысла Пруса, его отношения к изображаемому по сравнению с романом Золя. «Кукла» и «Дамское счастье», отмечает Кульчицкая-Салони, могли бы служить прекрасным материалом для компаративистских изысканий: у Пруса — магазин и у Золя — магазин, у Пруса — герой-вдовец и у Золя — вдовец. Поразительное, казалось бы, сходство и в деталях. Оба героя — новички в большом городе, оба ищут пути к карьере, оба делают предметом внимания немолодых богатых женщин, оба женятся и остаются вдовцами, оба как будто одинаково стремятся увеличить капитал, доставшийся им после смерти жен, оба затем влюбляются с тем большей страстью, что не знали до этого настоящей любви, оба сначала не получают взаимности, пытаются найти успокоение в вине и разврате, но затем возвращаются к возлюбленным и т. д. и т. д. Однако, как показывает автор работы, это только внешнее, случайное совпадение биографий героев. В действительности между ними гораздо больше различия, чем сходства. Прежде всего Муре у Золя делает блестящую финансовую карьеру, он к ней стремился, он счастлив. Муре вполне доволен

¹⁷ На это сходство указывает Г. Маркевич в своей статье «Pan Ignacy Rzecki». — «Twórczość», 1958, № 11.

¹⁸ I. Matuszewski. Ibid, s. 47.

¹⁹ J. Kulczycka-Saloni. Z dziejów Dickensa w Polsce: «Emancypantki» a Bleak House. — «Prace polonistyczne», seria V, Łódź, 1947.

²⁰ J. Kulczycka-Saloni. «Lalka» a powieść mieszczańska Daudeta. — «Prace polonistyczne», seria VI. Łódź, 1948. Насколько неубедительна здесь попытка найти сходство между романом Пруса «Кукла» и романом Доде «Фромон младший и Рислер старший», настолько удачны наблюдения об отличии этих произведений, сделанные во второй части работы.

своей профессией купца, он ее по-своему даже поэтизирует. Роман Золя — это «триумфальный гимн» купцу, оказавшемуся победителем в соревновании с мелкими лавочниками. Судьба же Вокульского трагична. «С одной стороны — карьерист, гордый своим триумфом, уверенный, что сильный имеет право пожирать слабых, деятель торжествующего капитализма, убежденный в своей цивилизаторской миссии, — пишет автор исследования, — а с другой — мечтатель, конспиратор, потенциальный ученый, втянутый в мир интересов, которые он презирает, пораженный моральным и общественным аспектом своего триумфа»²¹.

Если этот роман Золя (в отличие от его других произведений) производит впечатление своеобразного гимна цивилизации и победившей буржуазии, то «Кукла» Пруса — это роман о глубоких противоречиях буржуазного прогресса, это художественное обвинение капитализма. Автор работы обращает внимание и на различие между Прусом и Золя как художниками. Польский писатель в большей степени стремится к психологической характеристике своих героев. Золя же увлекается описанием мира вещей. Сопоставительный характер анализа двух произведений в работе Я. Кульчицкой-Салони помогает глубже раскрыть идейную концепцию романа Пруса, своеобразие его художественной манеры.

Несколько меньше внимания уделяют польские исследователи связям творчества Пруса с русской литературой. Конкретных работ в этой области, за исключением содержательной, богатой материалами статьи современного польского литературоведа Антони Семчука «Прус о Льве Толстом» (1954)²², нет. Поэтому представляет особый интерес статья американского слависта Мечислава Гергелевича «Прус и Гончаров», предложенная в качестве доклада на V Международном конгрессе славистов в Софии²³.

Исходя из того, что взаимосвязи польской и русской литератур представляют интереснейшую проблему для сравнительного литературного исследования, автор решительно оспаривает тезис Александра Брюкнера, утверждавшего, что польское общество XIX в. в результате национального гнета и политических преследований со стороны царского самодержавия якобы не интересовалось русской литературой. «Известно, что многие культурные поляки XIX в., — пишет американский славист, — были хорошо знакомы с классическими произведениями русской литературы и давали им высокую оценку, даже в период наиболее активного проведения антипольской политики в России. Выдающиеся польские писатели всегда проводили разграничительную черту между политическим антагонизмом и культурными связями»²⁴.

Подчеркивая большое значение тесных русско-польских культурных связей в XIX в., М. Гергелевич расходится со своим американским коллегой, профессором Вильямом Эджертоном, который на том же V Международном конгрессе славистов в докладе, названном им «Проникновение русской литературы в другие славянские литературы в XIX в.», ссылаясь на пример польской литературы, отрицал наличие этих связей, пытался доказать, что русская литература была якобы чужда славянским народам.

Однако в целом работа М. Гергелевича основана, как нам представляется, на ошибочных методологических посылках, проникнута субъекти-

²¹ J. Kulczycka-Saloni. «Au bonheur des dames» Emila Zoli i «Lalka» Bolesława Prusa. — «Przegląd humanistyczny», 1963, № 1, s. 59.

²² A. Semczuk. Prus o Lwie Tołstoj. — «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, № 3.

²³ M. Gięrgielewicz. Prus and Gončarov. American contributions to the fifth international congress of slavists. Sofia, 1963, p. 129—146.

²⁴ Ibid., s. 129.

визмом в подборе материалов и в выводах. Игнорируя идейно-художественное своеобразие романов Пруса и Гончарова, автор сводит анализ к искусственному построению параллелей, выискивая в произведениях польского и русского писателей внешне сходные сюжетные ситуации и детали.

Стараясь обосновать сходство романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история» и Б. Пруса «Кукла», он, по существу, неверно интерпретирует роман польского писателя. По его мнению, в этом произведении «Прус сосредоточивается на переходе от романтической мечтательности к трезвому, практическому реализму, стремясь согласовать оба течения»²⁵.

Здесь автор работы неправоммерно обедняет замысел романа, не видя в нем главного — сложной картины социальных противоречий буржуазного общества. В духе той же идеалистической концепции М. Гергелевич анализирует образ центрального героя романа «Кукла» лишь с точки зрения борьбы романтизма и позитивизма, «возлагая ответственность» за трагедию Вокульского всецело на польский романтизм²⁶.

К таким же искусственным построениям прибегает автор работы при доказательстве сходства романа «Кукла» с романом Гончарова «Обломов». Правильно заметив, что общество в том и другом романе «играет негативную роль»²⁷, автор в дальнейшем даже не пытается разобраться в характере этого общества. М. Гергелевич как будто соглашается, что буржуа-предприниматель Вокульский с его кипучей энергией отнюдь не напоминает Илью Обломова. Он даже пишет, что «кипучая энергия Вокульского служит контрастом по сравнению с пассивностью „лишних людей“, изображенных в русской литературе»²⁸. Однако это не мешает ему проводить параллели между образами Вокульского и Обломова, доказывающие якобы «поразительное сходство этих романов»²⁹. Для американского исследователя достаточно одного факта, что у Вокульского был период, когда он впал в состояние апатии, чтобы сейчас же сделать вывод о близости этого образа образу центрального героя романа Гончарова. А то, что апатия Вокульского была результатом глубокого разочарования деятельного по своей натуре человека в буржуазно-шляхетском обществе и в аристократии — продукте этого общества, а апатия и бездельность Обломова, ничем не похожего на героя польского романа, были порождены совершенно иными причинами — все это для автора уже не имеет значения. Подметив только, что у Вокульского состояние депрессии вызвано разочарованием в любви, автор исследования заключает: «В обоих произведениях любовь выступает как некое тонизирующее средство и приводит к одинаковым результатам — за временным оживлением следует новое падение»³⁰. Чисто внешнее сходство в поведении этих двух героев дает М. Гергелевичу повод для создания схемы, на основании которой делаются выводы о влиянии одного писателя на другого.

Еще более субъективны и необоснованны сопоставления романа Пруса с романом Гончарова «Обрыв», столь же далеким от «Куклы» по своему замыслу, как «Обыкновенная история» и «Обломов». Некоторое сходство портретов молодых красивых женщин Изабеллы Ленцкой и Софии Пахотиной, то, что для той и другой характерен «холодный темперамент» и что обе увлекаются итальянцами, которые обладают одинаковым музыкальным дарованием (оба — скрипачи) и носят почти одинаковые фамилии

²⁵ M. Giergielewicz, *Ibid.*, s. 146

²⁶ *Ibid.*, s. 145.

²⁷ *Ibid.*, s. 136.

²⁸ *Ibid.*, s. 134.

²⁹ *Ibid.*, s. 135.

³⁰ *Ibid.*

(Милари — Молилари)³¹, оказывается основанием для вывода о влиянии Гончарова на Пруса. Столь же случайным совпадением представляется нам то обстоятельство, что Вокульский и Райский (сами по себе очень разные люди) в один прекрасный день отправляются из столицы в деревню, где их принимают пожилые хозяйки имений, что в том и другом случае хозяйки имений рассказывают о своем прошлом и что в финале обоих романов предаются уничтожению своеобразные памятники любви героев — камень Вокульского и беседка Веры.

Конечно, романам «Кукла» и «Обрыв» (собственно, его первой части) присуще нечто общее: критическое изображение аристократии. Однако подобная общность не является результатом влияния — она объясняется сходством той среды, которую изображали польский и русский писатели. Пустота и бессодержательность светской жизни, пренебрежение к нуждам народных масс, эгоизм и сословная спесь — все это было одинаково характерно для дворянства как в Варшаве, так и в Петербурге. Автор же работы «Прус и Гончаров» меньше всего склонен вникать в реальное содержание сопоставляемых произведений, считаться с особенностями взглядов обоих писателей. Свой анализ он сводит к искусственно конструируемым параллелям, к чисто формальному рассмотрению художественных текстов. В результате цепь внешних сюжетных совпадений в романе «Кукла» и трех (совершенно разных по замыслу!) романах Гончарова, развернутая М. Гергелевичем, мало что дает исследователю польской и русской литературы и уж во всяком случае никак не убеждает в том, что «творчество Гончарова оказало самое непосредственное влияние на автора „Куклы“»³². Если же к этому добавить, что высказываний о Гончарове у Пруса нет и что вообще неизвестно, читал ли Прус его романы, то станет ясно, насколько неосновательны выводы американского слависта³³.

Все сказанное отнюдь не означает, что русская реалистическая литература не могла оказать определенного воздействия на Болеслава Пруса. Польский писатель знал и ценил русскую литературу, особенно творчество Л. Толстого³⁴. Однако это влияние выразилось не в поверхностном заимствовании сюжетных ситуаций или типов, а в творческом усвоении опыта лучших русских реалистов. В частности, могли быть полезны польским писателям достижения русской литературы в изображении народа; эта тема одинаково волновала представителей той и другой литератур. Советский исследователь Т. Л. Мотылева справедливо отмечает, что новаторство Л. Толстого в художественной трактовке народа не прошло бесследно для Пруса, автора рассказов из жизни польского крестьянства и повести «Форпост»³⁵.

Мог быть использован Прусом и опыт русской литературы в создании многопланового романа, широко охватывающего жизнь целых эпох и поколений. Подобного рода аналогии не раз устанавливались и в польском литературоведении. Так, рецензент журнала «Край» писал еще в 1890 г.: «„Кукла“ — синтез национальной жизни, вобравший историю целой эпохи, легионы судеб, многообразные ряды отношений. Прототипом такого романа является „Война и мир“ Толстого»³⁶. Тот же рецензент, видя в

³¹ Ibid., s. 144.

³² Ibid., s. 145.

³³ Ошибочность исходных методологических посылок М. Гергелевича и необоснованность его выводов отмечала в своем выступлении на съезде славистов в Софии и Я. Кульчицкая-Салони.

³⁴ См. подробнее об этом в статье Е. З. Цыбенко «Болеслав Прус и русская литература». Вестн. МГУ, серия «Филология и журналистика», 1963, № 4.

³⁵ Т. Л. Мотылева. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., «Советский писатель», 1957, стр. 655.

³⁶ «Luźne kartki (O „Lalce” słów kilka)». — «Kraj», 1890, № 15.

Прусе прежде всего глубокого психолога, считает, что в этом «на Пруса оказал влияние русский роман, глубина которого не могла не увлечь и не восхитить автора „Куклы“. Это влияние чувствуется во всей психологической технике, которая точно соответствует классическим образцам Толстого и Достоевского»³⁷.

Современные польские исследователи Генрик Маркевич и Данута Бжозовская отмечают, что опыт Л. Толстого в создании романа-синтеза, каким, например, была «Анна Каренина», бесспорно учитывался Прусом в его работе над «Куклой»³⁸ и «Эмансипированными женщинами»³⁹.

Некоторые русские и зарубежные критики обращают внимание на близость отдельных произведений и образов Пруса и Тургенева. «„Кукла“ как „роман эпох“ связывается с романом Тургенева, например, „Отцы и дети“, само название которого передает основную проблематику произведения — столкновение двух поколений»⁴⁰, — пишет современный польский литературовед Мечислава Романкувна.

Известный историк русской литературы проф. Д. Овсянико-Куликовский⁴¹ посвящает целый раздел своей работы «Тургенев и Толстой» сравнению образов тургеневской Лизы Калитиной и Мадзи Бжеской из романа «Эмансипированные женщины». Отметив общее (и отличное) в этих родственных «по духу натурах», исследователь, однако, не спешит на этом основании делать заключение о влиянии Тургенева на Пруса. Сопоставительный анализ в данном случае помогает ему глубже понять образы, созданные писателями. «Обе героини, русская и польская, — пишет он, — представляя две разновидности одного и того же душевного уклада, дополняют друг друга... Лиза и панна Магдалена являются характерными выразителями особенностей творческого гения обоих художников, Тургенева и Пруса»⁴². Природой своего таланта, по мнению русского исследователя, Прус несравненно ближе Толстому, чем Тургеневу.

Заметив, что по силе и глубине художественного изображения образ панны Магдалены можно сопоставить с Наташей в «Войне и мире», Д. Овсянико-Куликовский пишет: «В противоположность Тургеневу (а у него, как считает автор работы, „аналитическая сторона доведена до минимума“. — Е. Ц.) и подобно Толстому, Прус — это художник, в творчестве которого анализ занимает очень важное место: наряду с даром изобразительности, он рисует и тут же производит глубокое психологическое исследование того, что нарисовал»⁴³.

Таким образом, плодотворными оказываются те работы, в которых исследователи отмечают не какую-либо непосредственную зависимость польского писателя от того или иного зарубежного художника, а «родство» талантов, общее творческое усвоение художественного опыта другой литературы. Вывод же о влиянии должен быть аргументирован не случайным сходством отдельных деталей и мотивов, а конкретным историко-литературным материалом, глубоким проникновением в замысел художника.

«Кто внимательно читал его произведения, — говорит о Прусе писатель Адольф Дыгасиньский, — тот несомненно видит, что все лучшее в них не есть результат чтения иностранных литератур или путешествия по чужим странам, это лучшее — во впечатлительной душе художника, которая здесь, на месте, из соков родной почвы выработала свою основу»⁴⁴.

³⁷ Ibid.

³⁸ Wstęp H. Markiewicza. к кн.: В. P r u s. «Lalka», t. I. Warszawa, 1959, s. 2.

³⁹ Wstęp D. Brzozowska. к кн.: В. P r u s. «Emancypantki», t. I. W., 1960, s. 21.

⁴⁰ М. R o m a n k ó w n a. «Lalka» Bolesława Prusa. Warszawa, 1960, s. 43.

⁴¹ Д. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Тургенев и Толстой. — «Северный Вестник», 1895, № 10.

⁴² Там же, стр. 64.

⁴³ Там же, стр. 65.

⁴⁴ A. D y g a s i ń s k i. Prus humorysta. — «Kurier codzienny», 1897, № 1.

Г. П. НЕЩИМЕНКО

ЯВЛЕНИЕ АСИММЕТРИИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Существительные со значением лица представляют собой лексический разряд, четко организованный в структурном отношении. В подавляющем большинстве случаев к этому разряду относятся парные имена существительные, соотнесенные в структурно-семантическом отношении и противопоставленные друг другу с точки зрения присущей им родо-половой характеристики. В качестве производящей основы существительных женского рода со значением лица, как правило, выступают реально существующие в языковой практике и зафиксированные в словарях существительные мужского рода со значением лица, которые могут входить в состав производящей основы как в неизменном, так и в модифицированном виде (ср. русск. *музыкант* — *музыкантша*, *станочник* — *станочница*, *фрезеровщик* — *фрезеровщица* и др., чешск. *profesor* — *profesorka* 'профессор — женщина-профессор', *geolog* — *geoložka* 'геолог — женщина-геолог', *akademik* — *akademická* 'академик — женщина-академик' и другие). В чешском языке практически каждое существительное мужского рода со значением лица может быть трансформировано (путем определенной словообразовательной процедуры) в существительное женского рода со значением лица, идентичное в стилистическом и семантическом отношении и отличающееся лишь родо-половой характеристикой (в русском языке это правило имеет ряд исключений, которые мы здесь не будем рассматривать). Однако в чешском языке имеется некоторое, относительно ограниченное число существительных со значением лица, у которых родо-половая коррелятивность нарушена. Анализу данного типа лексик и будет в основном посвящена настоящая статья.

Случаи нарушения родо-половой симметричности при образовании обозначений лица отмечаются у существительных как мужского, так и женского рода; таким образом, имеются непарные существительные мужского и женского рода. Анализируя случаи нарушения родо-половой коррелятивности в кругу обозначений лиц, мы можем установить два типа явлений: а) частичную асимметрию, при которой отсутствие структурно-семантического коррелята восполняется его семантическим заместителем; б) полную асимметрию, которая выражается в отсутствии как структурного, так и семантического коррелята. Рассмотрим оба эти типа.

Говоря о частичной асимметрии, мы имеем в виду прежде всего гетеропимные образования, представляющие собой родовые пары, члены которых, соотнесенные семантически, в структурном отношении являются независимыми образованиями, например: *muž* — *žena* 'муж —

жена', *bratr* — *sestra* 'брат — сестра', *otec* — *matka* 'отец — мать', *ženich* — *nevěsta* 'жених — невеста', *děd* — *bába* 'дед — баба', *dědeček* — *babička* 'дедушка — бабушка' (в последнем случае это — исконно уменьшительно-эмоциональные образования, утратившие в результате высокой частотности употребления данных слов уменьшительно-эмоциональное значение¹ и превратившиеся в результате этого в нейтральные обозначения лиц). Гетеронимные образования в современном языке немногочисленны и относительно замкнуты в семантическом отношении; в частности, они преимущественно обозначают лиц, находящихся в состоянии родства.

‡ На границе между лексикой, характеризующейся частичной асимметрией, и лексикой, характеризующейся полной асимметрией, находятся существительные мужского рода со значением лица (немногочисленные в чешском языке), которые не имеют соответствующих образований женского рода. Промежуточное положение этой группы существительных мужского рода обусловлено, во-первых, тем, что в принципе возможно образование соответствующих коррелягов женского рода в будущем (тем самым асимметрия может сниматься вообще), а во-вторых, потенциально возможному появлению коррелятивного существительного женского рода обычно предшествует описательная заместительная конструкция, которая соотносится с соответствующим существительным мужского рода в семантическом, а не в структурном отношении (ср. *důstojník* 'офицер' > *žena-důstojník* 'женщина-офицер' > *důstojnice* 'женщина-офицер'; *ministr* > *žena-ministr* > *ministryně*²).

Существительные мужского рода со значением лица, не имеющие структурно-семантических соответствий женского рода, встречаются главным образом среди обозначений лиц по профессиональному признаку, титулу, званию, выполняемой общественно-политической функции и т. д. и как бы отражают естественное разделение труда, традиции распределения общественных, экономических и культурных функций между мужчиной и женщиной. Так, отсутствуют корреляты женского рода для ряда существительных мужского рода, обозначающих служителей культа (например, *biskup* 'епископ', *arcibiskup* 'архиепископ', *papež* 'папа'), носителей некоторых высших воинских званий (ср. *admirál* 'адмирал', *generál* 'генерал'³), носителей чисто мужских профессий или занятий (ср. *rohovník* 'боксер', *foťbalista* 'футболист' и некоторые другие). Закрепление указанных обозначений за представителями лиц мужского пола может быть обусловлено либо определенными традициями, обычаями жизни общества, либо спецификой физиологии мужчины. Впрочем, по мере расширения сферы приложения женского труда потенциальная возможность образования коррелятивных существительных женского рода реализуется, давая жизнь таким производным, как *dispečerka* 'женщина-диспетчер', *jeřábnice* 'экскаваторщица', *technoložka* 'женщина-технолог', *geoložka* 'женщина-геолог', *fonetička* 'женщина-фонетист', *filozofka* 'женщина-философ', *akademička* 'женщина-академик', *minist-*

¹ Пополнение состава существительных со значением лица за счет лексики иного типа, в частности, лексики со значением субъективной оценки — явление не редкое. Ср. хотя бы судьбу существительного *děvečka*, соотношенного в структурном отношении с *děva*, но отличающегося от этого слова семантически: *děvečka* означает ныне 'служанка, прислуга'.

² Ср. «Až dosud měla Anglie pouze jednoho ženského důstojníka. Byla jím královna Alžběta, čestný plukovník skotského pluku» («Rozsevačka», 1938, № 6, s. 3); «Španělské diplomatky, žena-ministr a poslankyně» (Ibid., № 2, s. 8).

³ Соответствующие им в структурном отношении существительные женского рода имеют иное семантическое «наполнение»: ср. *farář* 'священник' — *farářka* 'жена священника'.

ryně 'женщина-министр', *důstojnice* 'женщина-офицер', *plukovnice* 'женщина-полковник', и многим другим новообразованиям, возникшим в недавнее время.

В ряде случаев причина отсутствия коррелята женского рода для соответствующего существительного мужского рода со значением лица коренится в закономерностях развития языка, в существующих языковых традициях образования обозначений. Так, в чешском языке количество случаев родо-половой асимметрии сведено до минимума. Это означает, что при словопроизводстве существительных со значением лица соблюдается, как правило, принцип родо-половой корреляции: за исключением отмеченных выше ограничений, каждому существительному мужского рода со значением лица соответствует коррелят женского рода. При этом нормой литературного чешского языка отвергаются различного рода описательные конструкции типа *žena-voják*, *žena-ministr*, а отдается предпочтение суффиксации⁴ (господство суффиксальных образований в кругу обозначений лиц характерно и для разговорной речи, и для диалектов). Русский язык также отдает предпочтение суффиксальным образованиям, однако в нем для обозначения лиц женского пола нередко используются и описательные конструкции, например, *женщина-геолог*, *врач*, *министр* и т. д. Причем характерно, что в этом случае деривативное существительное женского рода, возникшее на базе существительного мужского рода со значением лица, воспринимается нередко носителями языка как шутка, своеобразный парадокс: «Познакомьтесь с нашей *геологиней*: Тамара Петровна Скрябнева. Василий Цехмистер улыбается, довольный удавшейся шуткой» («Огонек», 1963, № 51, стр. 25). Таким образом, в русском языке система родо-половых коррелятов не является столь всеобъемлющей, как в чешском языке.

Чисто языковыми причинами объясняется, в частности, отсутствие коррелятивных существительных женского рода со значением лица для некоторых заимствованных существительных мужского рода, еще не освоенных языком, т. е. временно не вовлеченных в словообразовательный процесс⁵.

В данной статье мы не будем подробно анализировать причины отсутствия и условия употребления существительных женского рода со значением лица. Нас интересует, собственно, сам факт наличия явления асимметрии вообще. Считаю необходимым заметить, что указанная асимметрия является в значительной мере преходящей, нестабильной, так как по мере расширения сфер приложения женского труда образуются новые существительные женского рода со значением лица.

⁴ Необходимость обозначения лиц женского пола существительными женского рода, коррелирующимися с соответствующими существительными мужского рода, является закономерностью не только современного чешского языка. Она отчетливо ощущалась и в прошлом. Ср. позицию автора рассказа, помещенного в юмористическом журнале «Paleček» эпохи Возрождения (т. XIV, 1845, стр. 25): «...он сказал о женщинах, что они *pytláci* (браконьеры — в тексте употреблено существительное мужского рода. — Г. Н.). Но он ошибся — ему следовало бы сказать, что они *pytlačky* (т. е. буквально 'браконьерки': существительное женского рода. — Г. Н.), говоря о женщинах *pytlák*, он грешит против грамматики».

⁵ Характерно, что в чешском, как и в других славянских языках, состав существительных женского рода со значением лица, как правило, не пополняется за счет заимствования лексики из других языков. Обычно заимствуются существительные мужского рода, которые затем преобразуются, по мере их освоения носителями языка, в существительные женского рода путем применения наиболее продуктивных приемов словообразования. Лишь в виде исключения заимствуются или калькируются существительные женского рода из близкородственных языков, например из русского в чешский. Ср., в частности, проишедшие в язык, но не укрепившиеся в нем слова *vyzdviženka* 'выдвиженка', *děldopka* 'рабкорка', *ženoddělka* 'женотделка' и т. д.

Явление полной асимметрии наблюдается в кругу обозначений лиц женского пола, не имеющих соответствий среди обозначений лиц мужского пола. В численном отношении эта группа непарных существительных женского рода невелика. Включаемая в нее лексика довольно рельефна в семантическом отношении. В большинстве своем это обозначения лиц женского пола по профессиональному признаку, роду занятий, душевным качествам, более характерным для женщин, чем для мужчин, и пр. Так же, как и в рассмотренном выше случае, чаще всего этот факт является языковым отражением последствий либо естественного разделения труда по половому признаку, либо традиционного разграничения функций между мужчиной и женщиной.

Приводимые ниже непарные существительные женского рода со значением лица извлечены из словарей или изданий художественной, публицистической и прочей литературы, а затем выверены по словарям: *batikářka* 'женщина, занимающаяся ручной окраской ткани' (*PS*, *SSp*⁶ — нет); *běhna* 'женщина легкого поведения' (*PS* — народное, разговорное, *SSp* — вульгарное); *bombonářka* 'работница на шоколадной фабрике' (*PS*, *SSp*); *brusínářka* 'женщина, собирающая бруснику' (*PS*^{*}, *SSp*^{*}); *bylinářka* 'женщина, собирающая лекарственные травы и изготовляющая из них лекарства'⁷; *čepčářka* 'женщина, изготовляющая чепцы' (*PS*†, *SSp*†); *divoženka* 'фурия' (*PS*, *SSp* — нет); *chůva* 'нянька' (*PS*, *SSp*); *jezinka* 'злая лесная дева' (*PS*, *SSp*); *kojná* 'кормилица' (*PS*, *SSp*); *kredenecká* 'женщина, работающая в буфете ресторана, кафе' (*PS* — устаревшее, *SSp* — устаревшее, разговорное); *kuchyňská* 'женщина, работающая на кухне, кухарка' (*PS*†, *SSp*† приводит также и † *kuchyňský* 'повар'); *látačka* 'женщина, занимающаяся штопкой, починкой' (*PS*, *SSp*); *letuška* 'стюардесса' (*SSp*)⁸; *loupačka* 'женщина, занимающаяся чисткой картофеля' (*PS* — редкое, *SSp* приводит *loupačka* с иным значением); *mladšíňka* 'младшая прислуга в хозяйстве' (*PS* — народное, *SSp* — диалектное, устаревшее); *modelka* 'нагурщица' (*PS*, *SSp*); *napřilňovatelka* 'работница, заполняющая коробки' (*PS*^{*}, *SSp* — нет); *nedělnka* 'женщина после родов' (*PS*, *SSp* — редкое); *nevěstka*⁹ 'женщина легкого поведения' (*PS*, *SSp*); *omládnice* 'женщина после родов' (*PS*, *SSp*); *pakováčka* 'женщина, занимающаяся упаковкой сахара на сахароваренном заводе' (*PS* и *SSp* — фамильярное); *paličkářka* 'кружевница' (*PS*, *SSp*); *pěknice* 'красивая женщина' (*PS*^{*}, *SSp* — нет); *plačka* 'женщина, склонная к слезам, профессиональная плакальщица' (*PS*^{*}, *SSp* не сопровождает это слово пометой малой употребительности); *prosvětlovačka* 'женщина, проверяющая качество яиц' (*PS*, ср. данные *SSp*: *prosvětlovač* 'прибор для просвечивания яиц', *prosvětlovačka* 'специальная лампа, применяемая в кино для просвечивания, подсвечивания'); *předlice* 'пряжа' (*PS*,

⁶ *PS* — «Příruční slovník jazyka českého», d. I—IX. Praha, 1935—1957. *SSp* — «Slovník spisovného jazyka českého». Praha, 1958—1964. В статье используются пометы, принятые в данных словарях: звездочка (*) свидетельствует о малой употребительности слова, крест (†) сигнализирует, что данное образование мертвое, вышло из употребления.

⁷ Имеется расхождение между данными *PS* и *SSp*. *SSp* отмечает наличие *bylinář*—*bylinářka*, имеющих сходное значение; в *PS* *bylinář* пометается как неупотребительное образование (с пометой †) с указанием, что основное значение этого слова — 'книга о целебных травах', а дополнительное — 'знаток и собиратель целебных трав'.

⁸ *PS* данное образование не содержит. Существительное *letuška* возникло совсем недавно. Первоначально оно регистрировалось лишь в разговорной речи, а теперь уже включено в издающийся словарь литературного чешского языка.

⁹ Как уже отмечалось, в структурном отношении данное существительное восходит к существительному *nevěsta* 'невеста', однако возникшее между ними семантическое расхождение не позволяет нам устанавливать словопроизводственную связь их друг с другом.

SSp — нет); *přešivačka* 'женщина, занимающаяся перешиванием, переделкой одежды' (*PS, SSp*); *rodička* 'роженица' (*PS, SSp*); соответствующее в структурном отношении существительное мужского рода со значением лица *rodíč* 'родитель, отец' употребляется преимущественно в поэзии, в *SSp* оно помечается как устарелое, книжное); *rozpletačka* 'женщина, расплетающая невесте косы перед свадьбой' (*PS*, SSp* — нет); *rusalka* 'русалка' (*PS, SSp*); *růžičkářka* 'продавщица роз' (*PS*, SSp* — нет); *sáčkářka* 'работница, делающая пакеты, мешочки' (*PS*¹⁰); *sestřihovačka* 'монтажница в кино' (*PS*); *sklizečka* 'женщина, убирающая посуду' (*PS*); *staršíňka* 'старшая служанка в хозяйстве' (*PS* — народное); *stoličnā* 'официантка, продавщица или кассирша в кабачке или ресторане' (*PS* — устаревшее); *strojilka* 'женщина, любящая одеваться' (*PS* — народное); *šatařka* 'портниха, специализирующаяся на шитье платья' (*PS*); *šestinedělka* 'женщина после родов' (*PS*); *šněrovačkářka* 'портниха, шьющая корсеты' (*PS*); *šňůrkářka* 'работница, обшивающая каймой, изготовляющая кайму' (*PS*); *vědma* 'ведьма' (*PS* — народное); *vytaho-vačka* 'работница, поднимающая петли на чулках' (*PS* — профессиональное); *začist'ovačka* 'работница, занимающаяся заделкой швов' (*PS* — профессиональное); *zaplétačka* 'специалистка по женским прическам' (*PS**); *zapřádačka* 'работница, специализирующаяся на сворачивании сигарет' (*PS*); *zlice* 'злая женщина' (*PS**)¹¹.

Анализируя помещенный выше перечень, разумеется, не исчерпывающий всех непарных существительных женского рода со значением лица, мы не можем не заметить, что в большинстве своем эта лексика имеет относительно ограниченный круг употребления. Многие существительные употребляются лишь в народно-разговорной речи, диалектах, профессиональных жаргонах. Целый ряд других слов в настоящее время вообще не употребляется в живой языковой практике, а лишь фиксируется словарями. Доказательством низкой фреквентности многих непарных существительных женского рода со значением лица является и нестабильность помет, сопровождающих эти слова в различных словарях, особенно издававшихся с сравнительно небольшим хронологическим разрывом. Так, ряд слов, приводимых в *PS*, отсутствует или же имеет иные пометы в *SSp*. Таким образом, составители словарей по-разному квалифицируют частотность употребления рассматриваемого круга лексики. Показательно, что в большинстве случаев, судя по эволюции характера словарных помет, частотность употребления непарных существительных женского рода со значением лица снижается, уменьшается и общая численность этих существительных.

Удельный вес асимметрично организованной лексики по отношению к общему числу существительных со значением лица, сохраняющих родо-половую коррелятивность, уменьшается. Выходят из употребления отдельные устаревшие слова; в ряде случаев образуются коррелятивные существительные мужского рода со значением лица. Тем самым асимметрично организованная лексика превращается в симметричную. Так, в результате различного рода изменений в жизни общества, в результате перераспределения трудовой нагрузки (в частности, снижения роли ручного труда) создаются объективные предпо-

¹⁰ В последующих случаях комментарии *SSp* отсутствуют, так как соответствующие выпуски словаря еще не опубликованы.

¹¹ Существительное *zlice* в таком же значении неоднократно встречается в некоторых произведениях эпохи Возрождения. Например: «Nechte muži han a hněvu/ Na zlice...» (S. H n ě v k o v s k ý. Básně drobné. Praha, 1820, s. 106), «Litější žádná nebyla/Nad zlice Drahomíru» (Ibid., s. 155). В обоих случаях язык архаичен, даже для эпохи, когда это произведение создавалось.

сылки для устранения существенных различий между сферой приложения мужского и женского труда. В связи с этим, как мы уже наблюдали выше, возникает необходимость в обозначении женщин, занимающихся «мужским» трудом и наоборот. Сказанное, разумеется, не означает, что в недалеком будущем полностью исчезнут существительные женского рода со значением лица, охарактеризованные нами выше как слова с полной асимметрией, т. е. не имеющие структурно-семантических коррелятов среди существительных мужского рода со значением лица. Некоторое количество их останется, однако в целом удельный вес данной лексики будет меньше. Следует заметить, что в языке иногда, наряду с непарным существительным женского рода со значением лица, имеется дублированное образование, соотношенное в структурно-семантическом плане с соответствующим существительным мужского рода со значением лица. Например, *steward* — *stewardka* ‘стюард — стюардесса’ и непарное существительное *letuška*, которое не соотносится семантически с близким ему по структуре существительным мужского рода *letec* ‘лечник’.

Заключая сказанное, мы хотим еще раз подчеркнуть, что родо-половая коррелятивность, характерная для словообразования существительных со значением лица в чешском языке, — продуктивное, живое явление, организующее словообразовательную систему интересующей нас лексики. Ниже мы кратко остановимся на специфике словообразовательной структуры непарных существительных женского рода со значением лица. Говоря о словообразовательной структуре слова, мы имеем в виду не генетический процесс его возникновения, а интерпретацию словообразовательной оформленности слова с точки зрения синхронных словопроизводственных связей, обнаруживаемых методом структурно-семантического подобия производного и производящего слова.

Анализируя словообразовательную оформленность существительных женского рода со значением лица в целом (т. е. с наличием родо-половой корреляции и с нарушением ее), мы можем выделить три фазы словопроизводственного процесса, последовательность которых может интерпретироваться по-разному: фаза А — некоторое исходное производящее слово (чаще всего это существительное, обычно неличное¹², прилагательное, глагол и т. д.). В подавляющем большинстве случаев первая фаза представляет собой производящую словообразовательную основу соответствующего существительного мужского рода со значением лица. Фаза В — существительное мужского рода со значением лица. Фаза С — существительное женского рода со значением лица.

Следует заметить, что в словообразовательном цикле в принципе возможно опущение некоторых фаз. Так, в частности, может отсутствовать первая фаза (ср. случаи образования существительных женского рода со значением лица от непроемных существительных мужского рода: *doktorka* ‘женщина-доктор’ < *doktor* ‘доктор’, *profesorka* ‘женщина-

¹² Исключение составляет небольшая группа существительных, словообразовательная структура которых может быть раскрыта путем установления соответствия с другим существительным женского рода со значением лица. Так, например, в числе возможных производящих словообразовательных основ существительного *nadšenkyňě* ‘восторженная женщина’ может быть указано и дублированное образование *nadšenka* (в этом случае в качестве словообразовательного форманта выступает *-yňě*). Образование непосредственно от существительных женского рода со значением лица — не очень распространенный, но все же достаточно известный в языке способ производства существительных женского рода со значением лица. В статье «Přechylování v staročeštině» (см. «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», d. 5., № 4, Brno, 1956) А. Грегор отмечает в древнечешском языке существительное *přítelkyňice*, образованное от *přítelkyňě*. Аналогичным образом возникло диалектное *thalcovkyňě* от *thalcovka* ‘ткачиха’. Ряд исследователей, в частности Б. Летц («Kmeňoslovné úvahy», Turčianský Svätý Martin, 1943), расценивает существительное *Němkyně* как производное от *Němka*.

-профессор' < *profesor* 'профессор', *otrokyně* 'рабыня' < *otrok* 'раб' и т. д.). Отсутствует промежуточная, вторая, фаза¹³ при образовании непарных существительных женского рода со значением лица, в результате чего устанавливается непосредственное соотношение между первой и третьей фазами (ср. *pakovat* 'паковать' > *pakovačka* 'упаковщица', *plakat* 'плакать' > *plačka* 'плакальщица', *pěkný* 'красивый' > *pěknice* 'красивая женщина', *bylina* 'трава' > *bylinářka* 'собирательница трав' и многие другие).

Анализ словообразовательной структуры непарных существительных женского рода со значением лица позволяет выделить в составе последних две группы лексик: 1) непроеводные существительные, т. е. слова, не имеющие в современном языке словообразовательной структуры вообще (*vědma*, *jezinka*, *rusalka*); 2) существительные, имеющие словообразовательную структуру. В составе этой группы в свою очередь можно выделить две подгруппы: а) слова с простыми словообразовательными суффиксами, выделяемыми в результате установления однозначного соответствия с производящей основой, например с суффиксом *-ice*¹⁴: **pěknice*, **zlice* < *pěkný* (-á, -ě), *zlý* (-á, -ě); с суффиксом *-na*: *běhna*¹⁵ < *běhat*; с суффиксом *-ka*: *nedělka* < *neděle*, *plačka* < *pláč*, *plakat* и пр.; некоторые существительные представляют собой субстантивированные прилагательные [+*kuchyňská*, *kojná* и пр.]; б) слова с комплексными сложными словообразовательными суффиксами; это преобладающая часть непарных существительных женского рода со значением лица. Характерной особенностью имен существительных, объединенных нами в подгруппу б), является то, что даже при отсутствии соответствующих существительных мужского рода со значением лица (последние не зафиксированы известными нам словарями) они образованы так, как будто бы в языке существует вторая фаза словообразовательного процесса. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, рассмотрим последовательность словообразовательных фаз ряда существительных: *prodávat* 'продавать' > > *prodavač* 'продавец' > > *prodavačka* 'продащица'; *plánovat* 'планировать' > > *plánovač* 'плановик' > > *plánovačka* 'женщина-плановик'; *volit* 'избирать' > > *volič* 'избиратель' > > *volička* 'избирательница'; *vychovat* 'воспитать' > > *vychovatel* 'воспитатель' > > *vychovatelka* 'воспитательница'; *cukr* 'сахар' > > *cukrář* 'кондитер' > > *cukrářka* 'женщина-кондитер'; *milion* 'миллион' > > *milionář* 'миллионер' > > *milionářka* 'миллионерша'. Образование существительных *prodavačka*, *plánovačka*, *volička*, *vychovatelka*, *cukrářka*, *milionářka* предшествовало наличию соответствующих существительных мужского рода. Иначе обстоит дело в следующих случаях:

začíst'ovat 'зачищать' > [*začíst'ovač*]¹⁶ > *začíst'ovačka*
vytahovat 'поднимать' > [*vytahač*] > *vytahačka*
rozplétat 'расплетать' > [*rozpletač*] > *rozpletačka*
pakovat 'паковать' > [*pakovač*] > *pakovačka*
naplňovat 'наполнять' > [*naplňovatel*] > *naplňovatelka*
šňěrovačka 'корсет' > [*šňěrovačkář*] > *šňěrovačkářka*
sáček 'пакет' > [*sáčkář*] > *sáčkářka*

¹³ Как отмечалось выше, иногда опущенная вторая фаза может быть «восстановлена»: невозможные ранее по структурным или семантическим соображениям существительные мужского рода со значением лица со временем могут появиться.

¹⁴ Флексии *-e*, *-a*, включаемые в состав словообразовательного суффикса, в строгом смысле слова являются словоизменительной флексией.

¹⁵ Это слово постепенно утрачивает присущую ему словообразовательную структуру, лексикализуется.

¹⁶ В квадратные скобки мы заключаем не фиксируемые словарями, примысливаемые, существительные мужского рода со значением лица, придавая им такой вид, какой мы можем «реконструировать» на основе существительного женского рода.

В связи с тем, что при образовании этих и подобных существительных женского рода вторая фаза В не подтверждается словарями, их словообразовательная структура может интерпретироваться лишь через посредство первой фазы, т. е. в приведенных выше примерах через посредство слов *zачíst'ovat*, *vytahovat*, *rozplétat*, *pakovat*, *naplňovat*, *šněrovačka*, *sáček*. Вследствие этого в структуре указанных существительных выделяются следующие словообразовательные суффиксы: *-čka*, *-ářka*, *-telka*. Эти словообразовательные морфемы относительно регулярно функционируют в языке при образовании слов данного семантического профиля. Некоторые непарные существительные женского рода образуются, несомненно, по аналогии с симметричными существительными женского рода со значением лица.

Возможность установления непосредственной связи между первой и третьей фазами словообразовательного процесса имеет важные последствия и для интерпретации словообразовательной структуры симметрично образованных существительных женского рода со значением лица. По нашему мнению, словообразовательная структура последних может раскрываться путем установления одновременного соответствия как со второй, так и с первой фазами. Раскроем несколько подробнее данное положение.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой производное слово может одновременно соотноситься с несколькими производящими основами¹⁷. Проиллюстрируем сказанное примерами. Слово *bojovnice* 'женщина-борец' в современном чешском языке может соотноситься как производное образование со следующими словами: а) *bojovník* 'борец'; б) *bojovat* 'бороться'; в) *bojovní* 'боевой'; г) *boj* 'борьба, бой'. Существительное *falešnice* 'обманщица' может быть соотнесено с: а) *falešník* 'обманщик'; б) *faleš* 'обман'; в) *falešný* 'фальшивый, обманчивый'. Словообразовательная структура существительного *soudkyně* 'женщина-судья' может раскрываться путем непосредственного соотнесения с: а) *soudce* 'судья'; б) *soud* 'суд'; в) *soudit* 'судить'. И даже такие совершенно прозрачные в словообразовательном отношении производные, как *učitelka* 'учительница', *volička* 'избирательница', одновременно могут соотноситься либо с *učitel* 'учитель', *volič* 'избиратель'; либо с *učit* 'учить', *volit* 'избирать'.

В связи с тем, что приведенные выше существительные одновременно могут соотноситься с различными производящими основами, их словообразовательная структура может быть довольно разнообразной. Так, в существительном *bojovnice* могут быть выделены следующие структуры: а) *bojovnic-e* — при соотнесении с *bojovník* (в этом случае отмечаются следующие модификации: *i/i*, *k/c*; мена флексий *ø/e* с соответствующей меной парадигмы¹⁸); б) *bojov-nice* — при соотнесении с *bojovat* (суффикс *-nice*; изменение части речи производящего слова); в) *bojovn-ice* — при соотнесении с *bojovní* (суффикс *-ice*; изменение части речи производящего

¹⁷ Данная точка зрения высказывалась в литературе (см. Г. О. В и п о к у р. Заметки по русскому словообразованию. Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз., т. V, вып. 4. М., 1946). Подробно рассматривается этот вопрос в работах чешского языковеда М. Докулила, в частности в его книге «Tvoření slov» (Praha, 1962).

¹⁸ Учитывая, что чередования *i/i*, *k/c* являются лишь модификациями, совершающимися внутри производящей основы, где *i/i* и *k/c* — соответственно члены одних и тех же морфем, словообразовательным суффиксом в существительном *bojovnice* служит словоизменятельная флексия *-e*. Случаи функционирования словоизменятельной флексии в качестве средства словообразования не редки, ср., в частности, конверсионные образования женского рода со значением лица: *arbitr* 'арбитр' — *arbitra* 'женщина-арбитр', *magistr* 'магистр' — *magistra* 'женщина-магистр', довольно многочисленные собственные имена: *Jan* — *Jana*, *Miroslav* — *Miroslava* и т. д.

слова); г) *boj-ovnice* — при соотносении с *boj* (суффикс-*ovnice*; мена флексий \emptyset/e). У существительного *falešnice* выделяются следующие словообразовательные структуры: а) *falešnic-e* — при соотносении с *falešník* (комментарии см. выше); б) *faleš-nice* — при соотносении с *faleš* (суффикс-*nice*; мена флексий \emptyset/e); в) *falešn-ice* при соотносении с *falešný* (суффикс-*ice*; происходит изменение части речи). У существительного *soudkyně*: *soud-kyně*¹⁹ — при соотносении с *soudce* (при допущении, что произошло мена суффиксов *-ce/-kyně*; флексия формально не изменилась, однако произошло изменение парадигмы в целом). Словообразовательная структура *soud-kyně* остается аналогичной и при соотносении с другими производящими основами, например *soud*, *soudit*. Двойко может интерпретироваться и словообразовательная структура слова *učitelka*: *učitel-ka* (при соотносении с *učitel* выделяется суффикс *-ka*, меняется флексия \emptyset/a и парадигма в целом) и *uči-telka* (при соотносении с *učit* выделяется суффикс *-telka* и меняется часть речи производящего слова); также и *volička*: *volič-ka* и *voli-čka* (комментарии аналогичны).

Указанные выше мотивировки словообразовательной структуры ряда существительных женского рода со значением лица не устанавливаются произвольно, они строго регламентируются наличными структурно-семантическими нормами языка; модификации, которые претерпевают предполагаемые производящие основы, преобразуясь в новое производное слово, полностью укладываются в рамки допустимых в чешском языке фонетических чередований.

В настоящей статье мы не будем подробно останавливаться на причинах, обуславливающих подобное многообразие трактовки словообразовательной структуры слова (данный вопрос рассматривался нами ранее, правда, на другом материале)²⁰. Ограничимся лишь несколькими замечаниями.

Возможность неоднозначной интерпретации структуры слова, т. е. вскрытия в одном и том же слове нескольких параллельных словообразовательных структур, полностью определяется закономерностями функционирования слова в языке — способностью слова вступать в структурно-семантические ассоциации одновременно с несколькими словами (разумеется, в рамках допустимых фонетических модификаций). Так, несмотря на то, что существительное *balerina* семантически бесспорно соотносится с *balet*, тем не менее мы не можем утверждать, что оба эти слова связаны в словообразовательном плане, так как образование *balerina* на базе слова *balet* не поддерживается современными фонетическими чередованиями (чередование *t/r* чешскому языку не присуще). Одна из причин указанного явления несомненно коренится и в специфике семантики слова — в подвижности семантического акцента. Так, например, анализируя семантику существительного *volička*, мы можем акцентировать либо значение действия 'женщина, которая и з б и р а е т', либо значение занятия, функции 'женщина, являющаяся и з б и р а т е л е м'. Необходимо отметить, что выделение параллельных словообразовательных структур слова возможно в тех случаях, когда словообразовательная структура производящего существительного мужского рода со значением лица четка и не требует реконструкции уже не ощущающейся в семантике слова его внутренней формы.

¹⁹ Вариантной словообразовательной структурой может быть и членение *soudkyně*, если принять во внимание возможность чередования *k/c* в положении перед гласными переднего ряда.

²⁰ Г. П. Нещименко. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке. В сб.: «Исследования по чешскому языку». М., 1963.

При установлении соотносительной ценности выявленных параллельных мотивировок словообразовательной структуры слова следует принимать во внимание ряд факторов, в их числе направленность словопроизводственного процесса, характер семантики слова и т. д. Не имея возможности в рамках настоящей статьи рассмотреть подробно этот сложный вопрос, мы ограничимся лишь кратким замечанием. По нашему мнению, для подавляющего большинства существительных женского рода со значением лица преобладающей является та мотивировка, которая указывает на непосредственную соотнесенность их с существительным мужского рода со значением лица (разумеется, это возможно только в том случае, если такое существительное мужского рода действительно существует). Дело в том, что, как показывает словопроизводственная практика, существительные женского рода обычно возникают как вторичные производные именно от существительных мужского рода со значением лица. Связь существительных мужского и женского рода со значением лица является наиболее прочной, наиболее тесной в сознании носителей языка.

В семантическом отношении указанная группа лексики очерчена достаточно четко: сюда относятся обозначения лиц женского пола по их профессии, роду деятельности, выполняемой общественно-политической функции, занимаемой должности, по званию (ученому, военному), по принадлежности к общественно-политическому течению и по профессии, общественно-политической функции, званию их мужа.

Для относительно небольшой группы лексики одинаково допустимо соотнесение как с первой, так и со второй фазами словообразовательного процесса (словообразовательная структура существительного *falešnice*, например, может раскрываться и через посредство первой фазы *faleš*, *falešný* и через посредство второй фазы — *falešník*).

Наконец, ограниченная часть существительных женского рода со значением лица допускает однозначную мотивировку. Это непарные существительные женского рода: а) соотносящиеся с первой фазой словообразовательной цепочки и б) образованные от существительных мужского рода со значением лица непроемных, т. е. соотносящиеся с основами, представленными второй фазой.

Таковы некоторые соображения о случаях асимметрии у существительных женского рода со значением лица и о последствиях этого явления для анализа их словообразовательной структуры.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Е. М. ДВОЙЧЕНКО-МАРКОВА

К ИСТОРИИ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Ко второй половине XVIII в. деятельность Петербургской академии наук и труды гениального русского ученого М. В. Ломоносова привлекли внимание ученых корпораций Западной Европы¹, среди которых видное место занимало Лондонское королевское общество. Ему суждено было сыграть роль связующего звена между русскими и американскими учеными.

Контакт Петербургской академии наук с Лондонским королевским обществом начался очень рано. Сразу же после выхода первого тома трудов Петербургская академия послала его Лондонскому обществу с сопроводительным письмом. В то время президентом Лондонского королевского общества состоял Исаак Ньютон. 2 марта 1727 г., когда Ньютон в последний раз вел заседание общества, он огласил полученное им из Петербурга письмо русских академиков². С тех пор контакт двух академий, русской и английской, не прекращался. В 1730 г. Петербургской академией наук в Англию был послан Г. Ф. Миллер, завязавший личные знакомства с английскими учеными. Одним из результатов его поездки было приглашение в Россию английского ботаника Иоганна Аммана, заведовавшего в Лондоне знаменитой коллекцией натуралиста Ганса Слоана. Коллекция эта положила начало Британскому музею, а Слоан, занявший после смерти Ньютона место президента Лондонского королевского общества, был избран в 1734 г. первым английским членом Петербургской академии наук.

С именем Аммана связано основание в Петербурге в 1736 г. академического ботанического сада. Тогда Петербургская академия наук начала снабжать ботаников Европы и Америки растениями и семенами, причем Амман завязал переписку с лондонским натуралистом Питером Коллинсоном, покровителем наук в американских колониях Англии и другом Вениамина Франклина. Известно, что Коллинсон содействовал появлению в печати известий об открытиях Франклина в области атмосферного электричества (они были изложены в форме писем Франклина к Коллинсону), но тот факт, что через Коллинсона Франклин начал свое знакомство с Россией и ее научными достижениями, еще не был отмечен. Благодаря Коллинсону Франклин узнавал об археологических раскопках в Сибири, о рыбных богатствах Астрахани, об исследованиях русских мореплавателей и многое другое³. Кроме Аммана корреспондентами Коллинсона из России были Иоганн Сигизбек, сменивший Аммана, и академики Гмелин и Гейнзиус.

¹ «М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников». М.—Л., 1962.

² C. W e l d. A History of the Royal Society. London, 1848, v. I, p. 437.

³ Об этом свидетельствует опубликованная и неопубликованная переписка Коллинсона с Франклином и русскими академиками, хранящаяся в Лондоне.

Популярность Франклина в России хорошо известна. О нем писали Радищев, Муравьев, Новиков, Карамзин, Пушкин. Его переводили декабристы. «Правила поведения» Франклина были настольной книгой молодого Льва Толстого. Но об интересе Франклина к России и к русской науке, о его русских связях стало известно лишь недавно⁴. Ломоносов знал о Франклине, упоминал о нем неоднократно и в своих научных трудах, и в литературных произведениях.

В 1752 г. в печатном органе Академии «Санктпетербургские ведомости» появилось первое сообщение об исследованиях Франклином электрических явлений в атмосфере и об указанных им средствах защиты от грозных разрядов. Упоминая о достижениях мировой науки в области электричества, анонимный автор статьи писал: «Никто бы не чаял, чтобы из Америки надлежало ожидать новых наставлений о электрической силе, а однако учинены там наиважнейшие изобретения. В Филадельфии, в Северной Америке, господин Вениамин Франклин столь далеко отважился, что хочет вытягивать из атмосферы тот страшный огонь, который часто целые земли погубляет»⁵.

В том же 1752 г. в «Письме о пользе стекла» Ломоносов приветствует завоевания науки в результате опытов Франклина над атмосферным электричеством:

Вергась, стеклянный шар дает удары с блеском,
С громовым сходственным сверканьем и треском!
Дивился сходству ум, но, видя малость сил,
До лета прошлого сомнителен в том был.

.....
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила туч гремящих мрак наводит,
Котора от стекла движением исходит,
Что, зная правила изысканным стеклом,
Мы можем отвлечь от хранин наших гром.

Вопросами атмосферного электричества занимались в России еще в 40-х годах XVIII в. Ломоносов в оде «Вечернее размышление» впервые высказал самостоятельную, отличную от франклиновой, теорию о происхождении атмосферного электричества в результате движения восходящих и нисходящих слоев атмосферы. Указав на электрическую природу северных сияний, Ломоносов наметил теорию, подробно развитую им в 1751 г.

Выдающимся исследователем электрических явлений был русский академик Георг Рихман, предпринявший совместно с Ломоносовым опыты по изучению атмосферного электричества. В 1753 г., во время одного из экспериментов с грозным электричеством, Рихман был убит молнией. Весть об этом быстро распространилась среди европейских ученых и достигла Франклина, на которого она произвела тягостное впечатление. Рихман погиб 26 июля 1753 г., а в декабре Франклин писал из Филадельфии одному из своих бостонских друзей: «До меня не дошли еще подробности гибели несчастного джентльмена из Петербурга, судьбу которого я оплакиваю. В одной из статей пишут, что все приходящие оттуда письма подтверждают событие и упоминают имя погибшего (профессор Рихман),

⁴ Новые данные о связях Франклина с русскими учеными см.: Е. Двоиченко-Марков. В. Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Science.— «Proceedings of the American Philosophical Society», 1947, v. 91, № 3, p. 250—257; е е ж е. The American Philosophical Society and early Russian-American relations. Ibid., 1950, v. 94, № 6, p. 549—610; е е ж е. В. Franklin and Leo Tolstoy. Ibid., 1952, v. 96, № 2, p. 119—128; е е ж е. В. Franklin and Count M. A. Benyowski. Ibid., v. 99, № 6, p. 405—417.

⁵ «Санктпетербургские ведомости», 1752, № 47, стр. 371.

по больше ни о чем не говорят». Далее Франклин сообщал, что ждет более подробных известий, которые должны будут появиться в прессе и в отчетах Лондонского королевского общества⁶. Вскоре одно из лондонских сообщений о смерти Рихмана было перепечатано на страницах американской «The Pennsylvania Gazette» (5 марта 1754 г.), издаваемой Франклином, под заглавием «Выдержка из письма от 23 августа, полученного из Москвы». Статья содержала описание гибели Рихмана. Как участник произведенного опыта упоминался и Ломоносов. Это было первое упоминание имени Ломоносова в американской прессе.

Статья о катастрофе 1753 г. была опубликована в трудах Лондонского королевского общества в 1755 г.⁷ Посланная из Петербурга, она содержала теоретические высказывания Ломоносова, заимствованные из его академического доклада «Слово о явлениях воздушных, от электрических сил происходящих». Благодаря этому сообщению Франклин получил возможность непосредственно ознакомиться с идеями Ломоносова в области атмосферного электричества. Отдавая должное заслугам американского исследователя, Ломоносов сообщил собственные соображения, отличные от точки зрения Франклина, которому он в своей теории «ничего не должен». Он истолковал «многие явления с громовую силою бывающие, которых у Франклина нет и следу... О погружении верхнего воздуха я уже мыслил и разговаривал за несколько лет; Франклиновы письма увидел впервые, когда уже моя речь была почти готова...»⁸.

Имя Ломоносова Франклин имел возможность скоро встретить снова. В 1759 г. в России впервые была заморожена ртуть. Получение ртути в твердом виде в результате опытов академиком Брауна и Ломоносова было сенсационным открытием, обратившим на себя внимание ученых всех стран⁹. Сообщение об этом открытии появилось в заграничной печати, в том числе и в трудах Лондонского королевского общества¹⁰.

Опыты над определением условий замерзания и плотности твердой ртути были предметом особого интереса Франклина, который считал открытие русских академиком самым замечательным за последние годы. Об этом свидетельствуют строки одного из писем Франклина 1763 г.: «Самым выдающимся открытием за последние три года является установление факта замерзания ртути, с той только особенностью, что среди остальных металлов она обладает самой низкой температурой плавления. Петербургская академия наук открыла, что при погружении ртутного термометра в охлаждающие смеси, отнимающие у ртути все содержащееся в ней тепло, можно понизить температуру ртути приблизительно до ста градусов (точного числа не помню) ниже точки замерзания, тогда ртуть затвердевает и ниже не опускается. Получив небольшое количество тепла, ртуть снова возвращается в жидкое состояние ... Эксперимент был повторен несколькими членами этой Академии в течение двух зим, и сообщение о нем было передано нашему Королевскому обществу». В этом же письме Франклин отмечал, что петербургские опыты были повторены в Эдинбурге, в Шотландии¹¹.

⁶ «The complete works of B. Franklin». Ed. John Bigelow. N. Y., 1887, v. II, p. 337—338. Известие о гибели Рихмана появилось в лондонском журнале «The Gentleman's magazine», 1753, v. XXIII, p. 431 (Extract from two letters from Petersburg).

⁷ «Philosophical Transactions», 1755, v. XLVIII, p. 765—772; v. XLIX, p. 61—69.

⁸ М. В. Л о м о н о с о в. Изъяснения, надлежащие к Слову о электрических воздушных явлениях. Полн. собр. соч., т. III, изд-во АН СССР. М.—Л., 1952, стр. 103—133.

⁹ И. А. Браун, состоявший в переписке с Франклином, принадлежал, как и Рихман, к немногим друзьям Ломоносова среди членов Петербургской академии, иностранцев по происхождению.

¹⁰ «Philosophical Transactions», 1760, v. LXI, part 2, p. 477—497.

¹¹ «The Works of B. Franklin» Ed. J. Sparks. Boston, 1838, v. VI, p. 255.

Опыты русских академиков с ртутью были повторены не только учеными Западной Европы, но и Северной Америки. В Ньюпорте, в Новой Англии, друг Франклина Эзра Стайлс (впоследствии ректор Йельского колледжа) несколько раз пытался заморозить ртуть, но безуспешно. Стайлс узнал об открытиях Брауна и Ломоносова из английского журнала «Аннуал Реджистер», перепечатавшего из трудов Лондонского королевского общества доклад известного английского ученого Вильяма Уотсона, посвященный опытам русских ученых над ртутью¹². Своими наблюдениями и опытами Стайлс решил поделиться с русскими академиками и написал письма Ломоносову и Брауну. Черновики этих писем сохранились в архивах Стайлса в библиотеке Йельского университета, где они были нами обнаружены в 1954 г. В бумагах Ломоносова и в архиве Академии наук СССР оригиналов писем Стайлса к Ломоносову и Брауну не оказалось. Но из переписки Стайлса с Франклином удалось установить, что письмо Стайлса к Ломоносову было им отправлено в 1765 г. в Лондон на имя находившегося в то время в Англии Франклина с просьбой переслать письмо Ломоносову в Петербург. Франклин это поручение выполнил.

Стайлс в письме к Франклину от 20 февраля 1765 г. высказывает предположение, что Франклин состоит в переписке с русскими академиками И. А. Брауном и Ф. Эпинусом. Стайлс писал Франклину: «Если Вы сочтете слишком большим одолжением исполнить мою просьбу переслать прилагаемое письмо М. Ломоносову в Петербург, то я всецело полагаюсь на Ваше решение, давать ему ход или нет. Как видите, я взял на себя смелость просить об ответе через Ваше посредство, но если я слишком свободно позволяю себе пользоваться Вашим именем и дружбой, Вы вправе это пресечь. Во всяком случае, разрешите просить Вас прислать мне сообщение об открытиях полярной экспедиции, если таковая состоится. Я предполагаю, что Ваша петербургская корреспонденция — это переписка с Эпинусом и Брауном. Если поездки в Балтику будут продолжаться из Америки, как они начались, я был бы рад завязать переписку с Петербургом... Прилагаемое письмо Вы можете рассматривать относящимся как к Ломоносову, так и к Вам лично, особенно ту его часть, где я касаюсь здешних метеорологических наблюдений 1764 года, которые смогли быть осуществлены благодаря Вам»¹³.

Кроме сведений о метеорологических опытах в Америке, письмо Стайлса к Ломоносову содержало ряд вопросов в связи с русской полярной экспедицией, планировавшейся по инициативе Ломоносова и осуществленной уже после его смерти.

Письма Стайлса Франклину, Ломоносову и Брауну (в последнем тоже упоминалось имя Ломоносова) являются ценным свидетельством того, как рано стали интересоваться в Америке достижениями русской науки. Имя Ломоносова было хорошо известно в американских научных кругах. Большое значение имеет также указание в письме Стайлса Франклину на «петербургскую переписку» Франклина с русскими академиками. Об этой

¹² W. Watson. An account of a Treatise in Latin, presented to the Royal Society... Read at a meeting of the Royal Society in May, 1761 etc. — «The Annual Register or a view of the History, Politics and Literature of the year 1762». London, 1763, p. 77—85. Доклад Уотсона, его опубликование в популярном журнале, а также ссылка на петербургские опыты в трудах Эдинбургской академии, указывает на то, что отклики зарубежной печати на открытия Брауна и Ломоносова были многочисленнее найденных нашими исследователями.

¹³ «The Works of Benjamin Franklin», Ed. J. Sparks. Boston, 1838, v. VI, p. 260—262. Письмо Стайлса было впервые использовано нами при освещении связей Франклина с Ломоносовым в статье: «B. Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Science». — «Proceedings of the American Philosophical Society», 1947, v. LXLI, № 3, p. 250—251, а также в статье: «Франклин и русские ученые XVIII в.». — «Новоселье». Кн. 1. Нью-Йорк, 1946, стр. 79—80.

переписке у нас не было известно. В книге «Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века» даже утверждалось: «Ни с Франклином, ни с Лавуазье у наших академиков не было корреспонденции»¹⁴. Эзра Стайлс обладал, подобно Франклину, необычайно пытливым умом. Он первым в Новой Англии произвел вслед за Франклином эксперименты с атмосферным электричеством. Владеа латинским и несколькими восточными языками, Стайлс состоял в переписке с европейскими учеными и христианскими миссионерами в разных частях света. Члены немецкой религиозной секты «Моравские братья», эмигрировавшие в Америку, сообщили Стайлсу о других членах секты, обосновавшихся близ Астрахани на Волге, с которыми Стайлс завязал переписку. Дневники и письма Стайлса¹⁵ свидетельствуют о его постоянном интересе к России. Среди разных сведений об этой далекой стране Стайлс с энтузиазмом отметил «невероятное» событие своего века: героическую экспедицию русской эскадры из Балтийского моря вдоль берегов Европы в Средиземное море во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов.

Деятельность русских ученых интересовала Стайлса также в связи с вопросом о существовании пролива между Азией и Америкой. Узнав, что этот пролив был открыт русскими исследователями, Стайлс пытался написать через Лондон русские карты с обозначением этого пролива. В одной из лондонских газет 1764 г. он прочел, что Ломоносов составил проект русской экспедиции для отыскания пути через Ледовитый океан к берегам Северной Америки. В упомянутом письме к Ломоносову Стайлс просил русского ученого сообщить ему все детали проекта, а также высказал свои соображения о подготовке экспедиции.

Неизвестно, что ответил далекому американскому коллеге Ломоносов и успел ли ответить. Ломоносов умер в том же 1765 г., когда было написано письмо Стайлса, в самый разгар приготовлений к экспедиции. Известно, что экспедиция Ломоносова готовилась в обстановке строжайшей тайны, и то, что сведения о ней все же достигли Америки, показывает значительную осведомленность американцев о деятельности русских ученых.

Первое описание запроектированной Ломоносовым экспедиции появилось в 1793 г. в посмертной статье академического коллеги Ломоносова Миллера. Однако уже в начале XX в. было обнаружено донесение, полученное в 1764 г. из Петербурга французским министерством иностранных дел, в котором подробно описывался проект Ломоносова. О том, что сведения о готовящейся русской экспедиции тогда же проникли не только во Францию, но и в Англию и что о проекте Ломоносова заговорили в Америке — до сих пор нигде не писалось. После смерти Ломоносова судьба экспедиции оказалась в руках одного из его идейных противников академика Эпинуса, вышеупомянутого петербургского корреспондента Франклина.

Имя выдающегося ученого Ф. Эпинуса, который прославился открытиями в области электричества и магнетизма, не раз встречается в письмах и бумагах Франклина. Среди сохранившихся в Филадельфии книг личной библиотеки Франклина я обнаружила главный труд Эпинуса «Теория электричества и магнетизма» (1759) с дарственной надписью автора Франклину. С другой стороны, автограф Франклина стоит на дарственном экземпляре его книги «Опыты и наблюдения по электричеству» (изд. 2-е, 1763 г.), посланный им, очевидно, Эпинусу, в Петербург. Эта книга сохранилась в Библиотеке Академии наук в Ленинграде. Своему другу,

¹⁴ «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века» М. —Л., 1937, стр. 23. Не было упомянуто о возможных связях Ломоносова с американскими учеными и в недавнем исследовании Е. С. Кулябко «Научные связи М. В. Ломоносова с зарубежными учеными» (см. сб.: «XVIII век». Кн. 4. М. —Л., 1955, стр. 327—333).

¹⁵ «Letters and Papers of Ezra Stiles». New. Haven, 1933.

французскому физику Дюбургу, Франклин писал: «Главным образом обязан я превосходному ученому из Петербурга, г-ну Эпинусу, за его гипотезу, которая представляется мне в одинаковой мере остроумной и основательной»¹⁶.

В свою очередь Эпинус немало сделал для прославления открытий Франклина в России. Он был первым переводчиком на русский язык выдержек из сочинения Франклина о громоотводе, которые были помещены в 1770 г. в «Трудах Вольного Экономического Общества».

Возвращаясь к судьбе запланированной Ломоносовым экспедиции, следует отметить, что Эпинус отнесся к проекту Ломоносова чрезвычайно холодно, а экспедиция, хотя выходила два раза в море, оба раза возвращалась, не осуществив поставленных перед ней задач. Отвечая Стайлсу относительно проекта Ломоносова, Франклин писал, что, хотя предыдущие попытки русских пройти морем вдоль берегов Ледовитого океана успехом не увенчались, «Ломоносов, все как следует, выяснит»¹⁷.

Франклин давно уже с большим интересом следил за русскими открытиями в Арктике и в Тихом океане. Еще в 1744 г. он прочел в противоречивых сведениях Доббса и Мидлетона о существовании северо-западного прохода в Индию и Китай, а в 1753 г. стал инициатором первой американской экспедиции для отыскания этого прохода через Гудзонов пролив. В следующем году Франклин выписывает книгу русского академика Г. Ф. Миллера, опровергавшую иностранные сведения о новых географических открытиях на Дальнем Востоке¹⁸. Позже, во время пребывания в Лондоне, Франклин принял деятельное участие в издании на английском языке сочинения русского академика Я. Я. Штелина об открытии русскими Алеутских островов¹⁹. К английскому изданию книги Штелина был приложен первый перевод на английский язык рассказа одного из коллег Ломоносова Ле Руа «Приключения четырех российских матросов к острову Шпицбергену бурю принесенных».

Можно предположить, что английские переводы этих двух сочинений находятся в некоторой связи с пребыванием в Лондоне в 1772 г. русского академика Т. Клингштедта, который одно время служил в Архангельске при адмиралтействе и собирал сведения о русских открытиях в Ледовитом океане. В 1749 г. Клингштедт записал необычайный рассказ со слов русских поморов, вернувшихся в Архангельск после шестилетнего пребывания на одном из необитаемых островов Шпицбергена. Запись Клингштедта, дополненная Ле Руа, была опубликована в 1760 г. в Риге, сначала на немецком языке, а затем уже на русском и в многочисленных иностранных переводах²⁰.

¹⁶ «The writings of B. Franklin». Ed. A. H. Smyth. N. Y., 1906, v. VI, p. 23—26. Материалы о связях Франклина с Эпинусом были опубликованы в наших трудах «Франклин и русские ученые XVIII века» (1946) и «Benjamin Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Science» (1947).

¹⁷ Ответ Франклина Стайлсу от 5 июля 1765 г. был найден нами в архивах Стайлса в 1954 г. Это единственное известное упоминание Франклином имени Ломоносова.

¹⁸ Эта книга, вышедшая анонимно под заглавием «Письмо офицера русского флота к некоему знатному придворному...» (1753), была переведена на английский язык в 1754 г. («A letter from a Russian Sea-officer containing his remarks upon Mr. de l'Isle's chart and memoir relative to the new discoveries northward and eastward from Komtschatka».)

¹⁹ J. Staehlin. Account of the new northern archipelago lately discovered by the Russians in the seas of Kamtschatka and Anadir. London, 1774. Этот перевод оказался ценным подспорьем в третьей экспедиции Кука, направленной в русские воды Тихого океана. Имя Франклина значится в числе подписчиков на английское издание. Эта книга сохранилась среди книг библиотеки Франклина в архивах Американского философского общества в Филадельфии.

²⁰ Ломоносов не мог не знать записей о необыкновенных приключениях его архангельских земляков. К сожалению, в сохранившихся бумагах не осталось следов его возможного участия в издании этой первой русской «робинзонады».

В Лондоне Клингштедт познакомился с Франклином, который тогда только что получил из Америки первый том трудов основанного им Американского философского общества — этой первой американской академии наук. Воспользовавшись встречей с Клингштедтом, Франклин передал через него русской Академии наук труды своего Общества с надписью-автографом на заглавном листе. А самого Клингштедта рекомендовал в члены Американского философского общества. 15 января 1773 г. на заседании Общества было оглашено письмо Франклина из Лондона, в котором он писал: «Позволяю себе рекомендовать Обществу барона Клингштедта из Петербурга, который недавно был проездом в Англии для закупок, связанных с усовершенствованиями в сельском хозяйстве. Я взял на себя смелость просить его доставить по назначению наш том, адресованный русской Академии наук, и дал его ему незапечатанным, так как он выразил желание ознакомиться с его содержанием. Наше издание ему так понравилось и у него сложилось столь высокое мнение о нашем Обществе, что он пожелал чести, как он выразился, стать его членом, предложив вести с Обществом переписку и посылать ему время от времени разную информацию, семена и все то, что Общество пожелало бы иметь из России»²¹. Клингштедт был избран первым русским членом Американского философского общества, возглавив список его других русских членов. А переданный им русской Академии наук первый выпуск трудов Общества был опубликован в выдержках в переводе на русский язык в «Академических Известиях на 1779 год». Эти даты знаменуют начало научного обмена между США и Россией²².

Ломоносов не дожид до основания Американского философского общества. Но его имя прозвучало в Филадельфии, в стенах этой первой американской академии наук, в 1812 г., когда на одном из заседаний Общества было оглашено письмо русского дипломата, писателя и художника П. П. Свинына, преподнесшего в дар Американскому философскому обществу книгу Карамзина «Пантеон российских авторов» (1801—1802). Письмо Свинына содержало перевод на английский язык главы книги Карамзина о жизни и творчестве Ломоносова как самого видного представителя русской культуры, который «вписал имя свое в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горациев, Руссо»²³.

В этой же главе Карамзин, как известно, дал особенно высокую оценку Ломоносову как отцу русской поэзии и основателю русского литературного языка. Таким образом, Ломоносов предстал перед собранием американских академиков не только как ученый, чьи опыты привлекли внимание Франклина и Стайлса, не только как создатель экспедиции к берегам Америки, но и как творец бессмертных од, прославивших научные достижения, воспевавших красоту и величие природы и отражавших мощь и миролюбие Русского государства. Английский перевод Свинына был первым очерком о жизни и творчестве Ломоносова, появившимся в США. Кроме этого, Свинын во время пребывания в Америке в 1811—1813 годах провел большую пионерскую работу по укреплению русско-американских культурных связей. В Филадельфии были опубликованы его очерки о России, а в России — первые художественные очерки о США.

²¹ Письмо Франклина впервые было опубликовано в нашем труде «Benjamin Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Science».

²² Связи Американского философского общества с Россией освещены в наших трудах: «The American Philosophical Society and early Russian-American Relations» и «Американское философское общество и Россия». — «Новый Журнал», Нью-Йорк, т. 36, 1954—1955, стр. 238—255; т. 42, стр. 205—220.

²³ «Пантеон российских авторов». Тетрадь 4-я. М., 1802. Английский перевод Свинына опубликован в нашем труде «The American Philosophical Society and early Russian-American Relations».

П. ГЛИНКИН

У ИСТОКОВ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

В хрониках польской культуры имя Нарцизы Жмиховской широко известно. Ее на шумевшая повесть «Язычица» (1846) привлекала на протяжении более чем ста лет многие умы польской общественности и породила массу споров. Расцвет деятельности Жмиховской падает на сороковые годы минувшего столетия. За десять лет Габриеля (псевдоним Жмиховской) проходит путь от безымянного автора робких стихов до популярного литератора, вырастает в заметную политическую фигуру. Закончился этот бурный период для писательницы арестом, тюрьмой и ссылкой. Еще при жизни Жмиховская стала легендой для современников. В немалой степени способствовала тому ее слава предводительницы так называемых энтузиасток. Вопрос о зарождении женского движения в Польше почти не освещался в русской литературе и заслуживает внимания.

Летом 1837 г. Жмиховская поступила гувернанткой к Замойским, а через год с графиней и тремя ее детьми выехала в Париж, где пробыла до осени 1839 г. Из затхлой атмосферы паскевичевской вотчины, из деревенской глуши запатной провинции девушка попала в атмосферу оживленной социальной и литературной борьбы. Вторая половина тридцатых годов для польской эмиграции была не только временем высокого накала политических страстей, это одновременно период наиболее плодотворного развития искусства, чему немало способствовали совершенно необычные условия относительной свободы печати и интенсивное усвоение поляками передовых общественно-политических учений Запада. Решающее влияние на формирование взглядов Жмиховской оказал старший брат Эразм. Участник восстания 1830 г., он дослужился в повстанческих войсках от рядового до капитана; эмигрировав, попал в Англию, был членом организации Ворцеля, затем, переехав во Францию, установил тесную связь с левым крылом «Демократического общества». Нарциза была очень дружна с ним и благодаря брату получила возможность читать всю легальную и нелегальную литературу, стала свидетелем полемики по самым жгучим вопросам. Жадный интерес к политике с тех пор всегда будет свойствен Габриеле.

Одновременно Жмиховская интенсивно работает над самообразованием. «Самое насыщенное книгами время было время пребывания в Париже», — вспоминала она позднее¹. Каждую свободную минуту гувернантка проводит в библиотеках, посещает заседания французской академии, штудирует Руссо, Монтескье, Вольтера, Делиля, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга. «У меня нет времени для постепенного образования, приходится сразу братья за основные произведения», — пишет девятнадцати-

¹ «Listy Narcyzy żmichowskiej do rodziny i przyjaciół», t. III. Kraków, 1906, s. 185.

летняя девушка². Ознакомившись с философией догегелевского периода, усвоив терминологию немецкой школы, Жмиховская была подготовлена к восприятию диалектики Гегеля. Из письма к Эразму от 12 февраля 1842 г. видно, что ее первое знакомство с учением Гегеля состоялось в Париже.

К двадцати годам Жмиховская порвала с Замоискими, убедившись, что эта служба оскорбляет человеческое достоинство. В Польшу она вернулась сложившимся человеком с передовыми взглядами.

Первая же серьезная публикация Габриели — стихотворение «Счастье поэта» (1841) принесло начинающей писательнице известность. Произведение носило программный характер. Оно написано в форме обращения автора к безымянной подруге, девушке-единомышленнице. «Счастье поэта», стало манифестом польских патриоток, или, как их еще называют, энтузиасток. С этого момента Жмиховская — общепризнанный вождь женского движения, которое развилось в Польше очень сильно и оказало на общественную жизнь сороковых годов заметное влияние.

Понятие «энтузиастки» введено было незадолго до смерти Жмиховской (в предисловии к собранию сочинений Клементины Гофмановой) и закреплено в трудах Петра Хмельевского и воспоминаниях Гипполита Скимборовича. С тех пор оно прочно вошло в научный обиход. Однако значение термина не оставалось неизменным. И Жмиховская и Скимборович, близко знавший участниц движения, употребляли это выражение только по отношению к женщинам, ревниво разграничивая его при этом с понятием эмансипантки. Позднее к кружку энтузиастов историки и литературоведы стали причислять также и мужчин. Корбут соответствующий раздел своей трехтомной библиографии уже без колебаний именует «Энтузиасты и энтузиастки». В перечне участников группы у него преобладают мужские имена, а понятия эмансипантки и энтузиастки равнозначны³. Расплывчатость терминологии, сохранившаяся до наших дней⁴, не случайна. Она отражает противоречивость взглядов на существо движения. Одни исследователи сводили деятельность энтузиасток к педагогической работе, к отстаиванию прав женщины самостоятельно ездить по железной дороге, ходить без сопровождающих по улице, брать слово в собраниях, к нравственному самовоспитанию и проповеди идеалов морального совершенствования человечества, к обсуждению «высоких» проблем: прогресс, знание, любовь, счастье, исполнение, бог⁵. Другие, и среди них серьезные, маститые ученые прошлого поколения Габриель Корбут и Петр Хмельевский, видели в энтузиастках исключительно представительниц литературы, писательниц. Подобная трактовка, однако, не учитывает, не объясняет выдающейся роли, какую сыграли польские женщины в общественно-политическом движении своего времени, игнорирует их участие в революционных событиях. Трудно сказать, в какой степени такая односторонность — следствие неосведомленности. С девяностых годов минувшего столетия появляются работы на эту тему. Авторы их извлекли из архивов новые сведения и подняли завесу над неизвестными страницами жизни Габриели и ее сподвижниц. Речь идет

² N. Ż m i c h o w s k a. Listy, t. I. Wrocław, 1957, s. 108.

³ G. K o r b u t. Literatura polska, t. III. Warszawa, 1930, s. 447—451.

⁴ В новейшей работе, касающейся этого предмета — T. G o s p o d a r e k. Julia Molińska-Wojkowska (1816—1851). Wrocław, 1962, — понятия эмансипантки и энтузиастки выступают в качестве синонимов. Автор, подобно Станиславу Пигоно, Крysteлле Лесневской, использует понятие «энтузиаст» для мужчин.

⁵ L. J e n i k e. Jeszcze słówko o Gabrieli i Entuzjastkach. — «Ateneum», 1892, t. III, s. 193—210; I. C h r z a n o w s k i. Narcyza Żmichowska (Gabriela). — «Album zasłużonych Polaków i Polek w. XIX». Warszawa, 1910.

о трудах Александра Краусгара и Анны Минковской. Позднее, в исследованиях Тадеуша Желеньского, Марии Ольшанецкой, Мечиславы Романкувны стремление подчеркнуть и усилить аспект конспиративной деятельности женщин сороковых годов прогрессивно нарастало. В статье Мечиславы Романкувны «Дело энтузиасток» тенденция эта предельно выражена. Необъективности буржуазных специалистов она резко противопоставляет свою точку зрения: «... не участие в товарищеских сходках в доме Скимборовича, не спорадическая материальная помощь тайной организации, не литературные выступления, не прогрессивные сами по себе взгляды по крестьянскому или женскому вопросам определяли принадлежность к группе энтузиасток, а деятельное участие в конспиративно-революционной акции», «... энтузиасток связывала прежде всего революционная работа в подполье»⁶.

Тем же автором справедливо отмечена связь женского движения в стране с общеевропейским, французским особенно⁷. Ученые народно-демократической Польши, вскрывая несостоятельность вульгарной концепции о «вынужденной» эмансипации под влиянием «трагизма минуты», когда-де самостоятельность вдов и невест возбуждалась недостатком мужей, углубили оценку причин активности женщин. Мария Ольшанецкая считает, что «... свобода и равноправие женщин были лозунгами созревающего буржуазного общества во Франции, а популярность их в Польше связана с общественно-хозяйственными преобразованиями в стране»⁸.

Влияние на польское движение развернувшейся во Франции после июльской революции дискуссии об эмансипации неоспоримо. Вспомним время пребывания Жмичовской в Париже. Публика зачитывается Авророй Дюдеван. «Мужественная защитница прав женщин», как назвал ее Энгельс⁹, в «Индиане», «Валентине» и других романах тридцатых годов остро ставит проблему буржуазного брака, обнажая одно из кричащих противоречий общественной жизни. Вопрос о зависимом положении женщин поднимают и сен-симонистские кружки. Выступления Жорж Санд сопровождаются ожесточенной полемикой. Женский вопрос приобретает политический характер. Но бурю толков вызывает не только творчество, а и сама жизнь писательницы. Далекое за пределы Франции распространилась необычная слава молодой матери двух детей, смело разорвавшей после восьми лет неудачного супружества узы брака, собственным нелегким трудом зарабатывающей свой хлеб. Будоражит умы образ талантливой беллетристки, которая, бросив вызов обществу, переделалась, подобно республиканкам времен Конвента, в мужское платье, дымит трубкой, не призывает никаких предрассудков в области чувств. Жорж Санд становится кумиром молодежи, богемы, передовых литераторов. У нее появляется масса последовательниц во всех странах Европы. Однако последовательницы, стремясь к немедленной активности, чаще всего перенимали внешние наиболее категорические формы протеста.

Так случилось и в Польше. Возникнув в самом конце тридцатых годов, движение развивалось поначалу как «борьба за права чисто женские». Обозначилось сильное течение против брака, основанного на семейных и имущественных комбинациях. Наряду с «несмелыми опытами свободной

⁶ M. R o m a n k ó w n a. Sprawa Entuzjastek.— «Pamiętnik literacki», 1957, z. 2, s. 523, 527.

⁷ См., в частности, M. R o m a n k ó w n a. Źródła i rozwój poglądów Źmichowskiej na emancypację.— «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», t. LI (1950), № 8.

⁸ M. O l s z a n i e c k a. O «Pogance» Narcyzy Źmichowskiej.— «Pamiętnik literacki», 1951, z. 1, s. 84.

⁹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. I, стр. 533.

любви», культивируются стилизованная под мужскую одежда, стриженные волосы, курение. «Молодые женщины отходят от типа недавней польки». Они научились «говорить обо всем, о всем судить, смело возвышать голос, приводя тем самым в трепет защитников традиционных добродетелей»¹⁰.

Жмиховская возвратилась из Франции ревностной поборницей женской независимости. Но надо себе представить обывателя того времени и впечатление, какое производили на него дымящая сигара в руке девушки и слухи о том, что она за границей оставила своих покровителей, жила некоторое время в Париже самостоятельно, одна совершила обратный путь на родину, что девица эта проповедует... Тут обыватель хватался за голову. Скимборович поведал, как его варшавский знакомый, человек образованный, артист, озабоченно спрашивал, правда ли, что Жмиховская ходит в сюртуке, с карманными часами на белом шнурке, по-мужски стрижена, и как в тот момент внезапно появилась из соседней комнаты писательница. Велико было смущение гостя, увидевшего перед собою элегантную женщину, по моде причесанную, весело улыбавшуюся его затруднительному положению¹¹.

Движение энтузиасток имело мало общего с вульгарным феминизмом. Больше того, энтузиастки резко восставали против известных крайностей эмансипанток. Жмиховская пишет Анне Кисельницкой в середине сороковых годов: «... если бы не то, что у всех сумасшедших и эмансипированных женщин головы коротко стрижены, я б давно отрезала мою бедную, тонкую косу, но ... мне не хотелось бы, чтоб меня принимали за одну из первых или за одну из вторых»¹². Понятие эмансипантки получило в Польше сороковых годов оттенок презрительный, стало чем-то стыдным, почти позорным. Вот почему со временем, когда события постепенно отодвигались в прошлое и живых свидетелей оставалось все меньше, возникла необходимость исключить возможность путать участниц революционной борьбы с заурядными поборницами эмансипации. Тогда-то и родился из уст Жмиховской новый термин. Энтузиастки — это лучшие представительницы, «благородное крыло освобожденных женщин»¹³. Были еще в Польше так называемые «львицы» — аристократки, отвергавшие нравственные ограничения в быту, осуществлявшие на практике принцип свободной любви. Две крайности отечественных поклонниц вольности высмеяли Станислав Магнушевский в сатире на высшее общество «Львы и львицы» и Михал Балуцкий в комедии «Эмансипированные».

Но что же все-таки представляли собою энтузиастки и как проявлялась их деятельность?

Жмиховская энтузиастками называла женщин, почитавших «за непреклонную обязанность приводить свои поступки в соответствие с убеждениями, которые провозглашали их собственные уста»¹⁴. К примеру, энтузиастки, восставая против феодальных предрассудков и буржуазного утилитаризма в вопросах морали и брака, отстаивали право женщины на чувство, считая законным лишь брак по любви. Они стремились осуществить это на деле. Широко известно было имя Винцеты Заблоцкой, сохранившей до конца дней своих верность жениху, погибшему в ноябрьском восстании. Сама Жмиховская отказывается в 1843 г. от очень перспективного с точки зрения родственников замужества, не найдя в себе искреннего

¹⁰ T. Żeleński. Wstęp. См.: N. Żmichowska. Poganka. Warszawa, 1930, s. IV—V.

¹¹ См.: Sfinx. Gabriela i entuzjastki. — «Bluszcz», 1880, № II i nast.

¹² «Listy Narcyzy Zmichowskiej», t. III. Kraków, 1906, s. 23—24.

¹³ T. Żeleński. Ibid., s. VI.

¹⁴ P. Chmielowski. Autorki polskie wieku XIX. Warszawa, 1885, s. 259.

чувства к сделавшему ей предложение астроному Барановскому¹⁵. Бурю негодования, волну сплетен и клеветы породила открытая связь в форме гражданского брака известной учительницы, оригинальной, смелой публицистки Юлии Молиньской и богатого, с артистическими манерами прогрессивного деятеля, редактора познанского журнала «Тыгодник литературы» Антония Войковского. Их сенсационный по тем временам поступок создал атмосферу скандала вокруг «эксцентрической пары», живущей «на веру», и, наконец, привел к общественной изоляции «еретиков».

Поначалу деятельность энтузиасток носила филантропический оттенок: они открывали в деревнях школы для крестьянских детей, посещали больных, вели просветительскую работу среди ремесленников,— затем приобрела политическую и социальную окраску.

Ближайшая подруга Габриели, жена редактора и издателя Гипполита Скимборовича Анна после разгрома в 1843 г. варшавского заговора возглавила опеку над узниками Цитадели, позднее активно участвовала в революционном движении. Конспиратор и литератор Бибианна Морачевская создала в Великой Польше «Товарищество помощи женщинам», бессменным руководителем которого оставалась до конца дней, занималась пересылкой нелегальной литературы и оружия. Через руки Бибианны проходили также конспиративные материалы для познанских журналов и эмигрантских издательств.

Таких патриоток было много. Гипполит Скимборович в своих воспоминаниях перечислил более сорока активных энтузиасток, кроме сочувствующих и поклонниц, которых он насчитал еще три десятка. Мечислава Романкувна называет более двадцати женщин, входивших в тайные организации и ставших известными истории, с полным основанием предполагая при этом, что их было значительно больше. Энтузиастки выискивали средства на нужды революции, занимались сбором пожертвований для эмигрантов, налаживали помощь семьям погибших участников восстания, шифрованную переписку заключенных с родственниками, предоставляли свои квартиры, имения, фольварки для нелегальных встреч и совещаний, устраивали тайные хранилища и пересылные пункты для запрещенных книг и оружия, вели пропаганду среди населения. Вот отрывок из обнаруженной при аресте Анны Ружицкой листовки, которая была переписана ее рукой: «Крестьяне! Ваш кусок земли принадлежит раньше всего богу, а потом тому, кто ее обрабатывает ... Вы давно уже оплатили свою землю собственной кровью ... Зачем же вы отрабатываете барщину? А если бы даже цезарь немецкий или царь российский послали на вас солдат, так вы своими косами смахнете их, как траву...»¹⁶. Дочь генерала, повстанца 1830 г., Анна Ружицкая служила связной между русской и австрийской частями Польши. Ее дом стал явкой для заграничных эмиссаров. В имении Анна владела совместно с сестрой, по ее инициативе в 1846 г. начали освобождать крестьян от барщины, за что ведший хозяйство зять энтузиастки был водворен в варшавскую Цитадель. Сама Анна была осуждена австрийскими властями четыре раза.

¹⁵ Ян Барановский (1800—1879)—директор Варшавской обсерватории в 1848—1869 годах, издатель первого в Польше собрания сочинений Коперника, автор фундаментальных трудов по астрономии. Инцидент с Барановским послужил Жмиховской формальным предлогом для отъезда из Варшавы, где ее могли арестовать в Княжество Познанское.

¹⁶ См.: D. Wa r z y k o w a - W i e r s i o s h o w a. Zapomniana bojowniczką.— «Wolność i Lud», 1954, № 6. Это широко распространенное среди галицийских крестьян воззвание написал известный революционер Юлиан Госляр, возможно, при участии Эдварда Дембовского. На русском языке опубликовано в «Избранных произведениях прогрессивных польских писателей», т. III. Изд-во социально-экономической литературы. М., 1958.

Последний арест относится к 1851 г. Пять с лишним лет патриотка провела в Терезенштадте. Условия заключения были ужасны. Письма разрешалось отправлять раз в три месяца. У Ружицкой открылся туберкулез. О жестокости тюремных стражей свидетельствует тот факт, что родственникам не разрешили даже нанять врача для больной и передавать ей лекарства. В крепости Ружицкой сделал предложение австрийский майор, но гордая полька, не колеблясь, отвергла такой путь к спасению. Анна Ружицкая погибла в своем каземате. Через два дня после смерти пришла весть о ее помиловании.

Вообще судьба не баловала энтузиасток. Постепенно тюрьмы переполнились женщинами, пришлось создавать специальные места заключения для них. В 1846 г. была арестована Анна Скимборовичова, но за недостатком улик освобождена. Через некоторое время ее вторично арестовали и после длительной изоляции приговорили к высылке из Королевства Польского во внутренние губернии Российской империи. Летом 1846 г. взяли под стражу и заточили в Цитадель Терезу Коссовскую. Председатель следственной комиссии стал домогаться ее взаимности. По своей инициативе он дал за нее поручительство, и патриотка была освобождена. Молодая женщина тяжело страдала от необоснованных подозрений и наветов соотечественников и в конце концов покончила с собой. Подвергались тюремному заключению Винцета Замлоцкая, сама Нарциза Жмиховская, Казимера Земеньская и много других. Любопытная деталь: по существовавшим тогда законам супруг нес ответственность за поступки жены и, случалось, наказывали безвинного. Так пострадал Гипполит Скимборович по обвинению жены в революционной работе. Вместе с Казимерой Земеньской арестовали в 1846 г. ее супруга, не имевшего прямого отношения к конспиративным делам. Он отсидел в заключении дольше самой виновницы и вскоре после освобождения умер.

Полна красоты и трагизма судьба жены идеолога польских революционных демократов и вождя Краковского восстания Анели Дембовской. Двоюродные брат и сестра Эдвард и Анеля поклялись в любви друг другу с детства. Они поженились, едва достигнув совершеннолетия, и проявили при этом незаурядную настойчивость. Их брак ставил сына и отца Дембовских в крайне двусмысленные родственные отношения, так как последний незадолго до того женился на аделиной сестре. Получив материальную независимость, Эдвард с головой уходит в конспиративную работу. Молодая супруга активно участвует в его предприятиях. Леон Дембовский весьма лестно оценивает сотрудничество невестки в «Пшеглэнде науковом»: «Помещавшиеся в этом журнале статьи, особенно по вопросам философии, принесли Эдварду определенную известность, чему способствовали некоторые стихи, опубликованные его женой, в которых проповедовались независимость женщин и социализм и которые вызывали острые критические отклики»¹⁷. О политическом темпераменте Анели Дембовской можно судить по замечанию, якобы сделанному ею однажды в отношении неких дальних родственников: «Очень порядочные люди, но это их не спасет; они аристократы и должны быть повешены»¹⁸. С. Вальчак считает, что революционностью взглядов Анеля даже превосходила мужа¹⁹. Во всяком случае, как утверждает Генрик Каменьский, Дембовский не имел от жены секретов²⁰.

¹⁷ См.: «Z teki korespondencji Hipolita Skimborowicza. Listy Edwarda Dembowskiego do Hipolita Skimborowicza oraz listy czytelników i autorów do Przeglądu naukowego». Opracował S. Walczak. — «Ze skarbcza kultury», 1956, z. 1 (9), s. 9.

¹⁸ H. K a m i e ń s k i. Pamiętniki i wizerunki. Wrocław, 1951, s. 109.

¹⁹ См.: «Z teki korespondencji Hipolita Skimborowicza», s. 8.

²⁰ H. K a m i e ń s k i. Ibid., s. 76.

В январской книжке журнала «Пшеглэнд науковы» за 1843 г. Анеля опубликовала стихотворение «Что я люблю» (по оглавлению в журнале — «Поэзия»), в символической форме утверждавшее необходимость революции и определявшее отношение женщины к надвигавшимся событиям. «Стихотворение Дембовской облетело мещанскую Варшаву и повергло в страх литературные салоны. Его расшифровали безошибочно, до конца, куда быстрее, чем цензура... И зашумело вокруг!»²¹ Общество раскололось. С одной стороны, посыпались знаки одобрения, с другой — крики негодования. Поэты Владимеж Вольский и Роман Зморский подхватили и продолжили иносказание Дембовской («Страсть» в «Пшеглэнде науковом» и «Отрывок» в сборнике «Яскулка» Вольского и «Ангел-разрушитель» Зморского в том же сборнике). Появились горячие стихотворные послания автору шумевшего произведения («К Анеле Дембовской» Н. Бредкарта в «Тыгоднике литерацком»). В то же время реакционные круги обрушили на энтузиастку потоки клеветы и брани. Последовали грязные намеки на незаконность брака и ребенка Дембовских; «Библиотека варшавска» поместила анонимную пародию под тем же названием «Что я люблю». Оппонентка Анели заносчиво противопоставила ее революционным устремлениям свои обывательские взгляды и принципы. В ответ на пародию и бесчестные выпады Анеля бросила врагам ядовитый, поистине железный стих, облитый горечью и злостью²².

Инцидент этот подчеркивает накал и ожесточение, какие приобретала идеологическая борьба. Летом 1843 г. в связи с раскрытием тайной организации в Варшаве начались массовые аресты. Дембовскому удалось бежать в Познань. Семья последовала за ним. В Познани схватки между враждебными партиями еще более ожесточились. На страницах реакционной печати началась форменная травля предводителя революционных демократов. Прусское правительство, очень скоро установив роль Дембовского в подготовке революции, предложило ему немедленно покинуть пределы государства. От непрерывных нервных потрясений, постоянного страха за судьбу мужа и детей Анеля тяжело заболела. Ее поместили в больницу²³. Весной 1846 г. Эдвард Дембовский погиб от пули австрийских солдат, оставив на руках двадцатилетней жены троих детей, один из которых был грудной. Царские власти конфисковали имущество семьи в Королевстве Польском, прусское правительство изгнало несчастную женщину из Познани. В мае 1846 г. Анеля очутилась с детьми в Париже, одна, без средств к существованию, не зная истинной судьбы мужа (несмотря на гибель Эдварда, еще долго ходили слухи о том, что он жив: в различных печатных органах то и дело появлялись сведения, будто его видели то в Карпатах у восставших горцев, то среди бунтующих крестьян Галиции, то даже во главе вооруженного восстания чуть ли не в Петербургской губернии). Нельзя без волнения читать отчаянное письмо Анели французскому министру с просьбой о помощи. Более десяти лет скиталась вдова с детьми по свету, бедствуя, и лишь в 1858 г. вернулась на родину²⁴.

На протяжении нескольких десятилетий польская нация отдавала лучшие умы и таланты конспиративной деятельности. Страна постоянно была покрыта сетью заговоров, тайных обществ, вооруженных дружин и союзов. То и дело их предавали, раскрывали, громили. Сотни, тысячи под-

²¹ T. M i k u l s k i. Spotkania wrocławskie. Wydanie II. Kraków, 1954, s. 168.

²² L. K u k u l s k i. Czego ja nie lubię. Nieznany wiersz Anieli Dembowskiej. — «Pamiętnik literacki», 1956, z. 3, s. 209.

²³ См.: В. Z a k r z e w s k i. Dembowściana III. — «Pamiętnik literacki», 1955, z. 1—2.

²⁴ W. T a t a r k i e w i c z. Wiadomości źródłowe o Edwardzie Dembowskim. — «Mysl filozoficzna», 1955, № 4.

польщиков заточались в тюрьмы, ссылались, теряли здоровье, гибли. В долголетней, полной смертельной опасности борьбе польские революционеры накопили огромный опыт противоборства с полицией, карательными органами. Система и приемы конспирации достигли большого совершенства. На трудность борьбы с заговорщиками, на искусство их методов организации подполья жаловался в своих отчетах императору генерал-фельдмаршал Паскевич. О непосредственном участии полек в революции власти сообразили с большим опозданием — к концу сороковых годов. Посыпались аресты. Но доказать виновность женщин (за исключением дела Ружицкой) оказалось почти невозможно. Например, Жмиховской, в которой власти угадывали одну из главных зачинщиц, по недостатку прямых улик приговор так и не был объявлен (хотя это не помешало держать ее несколько лет за решеткой и под надзором полиции). Царь и наместник в переписке не раз жалуются друг другу на злокозненное поведение полек. Но оба обвиняют их лишь в порочном (т. е. в духе национально-освободительных традиций) воспитании детей. История вскрыла их заблуждение, впрочем, далеко еще не полностью.

Несколько слов о месте энтузиасток в польской литературе. В принципиальном споре с классиками буржуазной науки Хмелёвским и Корбутом Мечислава Романкувна убедительно опровергает точку зрения, что энтузиастки — чисто литературная группировка. Хотя представляется другой крайностью трактовать их как женщин, «ничего общего с писательским цехом не имеющих»²⁵. Наиболее выдающиеся участницы движения — Нарциза Жмиховская, Бибианна Морачевская, Анеля Дембовская, Юлия Войковская, Анна Скимборовичова, Юлия Янишевская печатались. Причем перо они использовали в качестве оружия борьбы. В сороковые годы XIX в. для них было характерно прекрасное понимание задач литературы, вполне согласное с той ролью, какую определяли ей вожди революционной демократии. Было бы ошибкой ограничивать деятельность энтузиасток рамками только художественных увлечений. Но нет также оснований предполагать, что литературные интересы были им чужды, по крайней мере, лучшим из них. Влияние, которое оказали энтузиастки на последующие поколения женщин, в большой степени объясняется их литературной славой. Правда, следует оговориться, что всех пишущих женщин в Польше тридцатых — сороковых и пятидесятых годов было значительно больше, чем шесть названных выше.

Польша дала человечеству в одно столетие целую плеяду женщин с мировым именем: Элиза Ожешко, Мария Конопницкая, Мария Скłodовская. У истоков мощного движения польских женщин стоят энтузиастки во главе с Нарцизой Жмиховской. Элиза Ожешко в статье «О польской женщине» отметила огромное влияние кружка энтузиасток на всех прогрессивных женщин следующих поколений. Она говорит о выдающейся роли Жмиховской в этом кружке, считая ее писательницей «великого таланта и еще более энергичного характера»²⁶. Иван Франко, большой знаток польской литературы XIX в., также указывал на выдающиеся заслуги Габриели как «наиболее талантливой представительницы кружка энтузиасток»²⁷.

²⁵ M. Romanówna. Sprawa Entuzjastek, s. 518.

²⁶ E. Orzeszkowa. O kobiecie polskiej. Zbiorowe wydanie pism, t. XLI. Warszawa, 1891, s. 31—32.

²⁷ И. Франко. Избр. соч., т. V, М., 1951, стр. 386.

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

ОБ ОДНОЙ КНИГЕ ЭПОХИ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Поиски болгарских книг, вышедших из печати в эпоху Возрождения, и в настоящее время еще приносят свои плоды. В последние годы было открыто несколько изданий на болгарском языке, до этого не описанных в каталогах болгарских книг. Об одном из таких забытых изданий и будет идти речь.

Известно, что Стефан Николов Изворский, один из видных представителей так называемой учительской поэзии в эпоху Возрождения в Болгарии, опубликовал в № 65 газеты «Цариградский вестник» от 17 сентября 1849 г. самое большое свое стихотворение «Книжнина и възпитание. От А, Б, В, Г, Д и прочая все що е добро». В конце стихотворения было указано, что оно написано 27 августа 1849 г. в Тульче, где Ст. Изворский жил до отъезда в Константинополь.

Благодаря национально-патриотическим и просветительским идеям, это стихотворение в свое время было в Болгарии очень популярным. Его переписывали, заучивали наизусть, декламировали и даже переложили на музыку, и оно стало, как указывает Г. Стефанов, автор монографии о жизни и творчестве Ст. Изворского, «чем-то вроде болгарской возрожденческой марсельезы»¹. Об этом свидетельствует и несколько печатных его изданий, появившихся в течение ряда лет. Известно, что на следующий год после опубликования в газете «Цариградский вестник» оно было напечатано в книжке Ст. Изворского «Огледало за болгарските оучилища» (Цариград, 1850, стр. 24—29), затем, через 4 года, в составленной А. П. Гранитским книге «Поучителни рѣчи на стары-тъ философы» (Цариград, 1854, стр. 135—150).

Г. Стефанов полагает, что это стихотворение, вероятно, было опубликовано и в других сборниках, вышедших до освобождения Болгарии. Сам он, правда, других изданий, кроме только что названных, не указал. В своей работе Г. Стефанов, однако, приводит важные данные, позволившие ему высказать предположение, что Ст. Изворский вскоре после опубликования стихотворения «Книжнина и възпитание» в газете «Цариградский вестник» издал его еще раз (возможно, отдельной книжкой) в том же 1849 г., через несколько дней по прибытии из Тульчи в Константинополь². Эти данные Г. Стефанов почерпнул из двух писем Ст. Изворского к брату

¹ Г. Стефанов. Стефан п. Н. Изворски, учител и поет от епохата на възраждането. 1815—1875.— «Сборник на Българската академия на науките», кн. XXVIII, 1935, стр. 83.

² Г. Стефанов. Там же, стр. 27. Точная дата приезда Ст. Изворского в Константинополь не известна. Ясно, однако, что он прибыл туда до 20 сентября 1849 г. Это следует из того, что 20 сентября 1849 г., уже будучи в Константинополе, Изворский написал предисловие к сборнику «Огледало» и письмо к брату Ивану (там же, стр. 26).

Ивану³. В письме от 20 сентября 1849 г. Изворский сообщает брату, что посылает ему 22 экземпляра уже вышедших из печати книжек и просит, чтобы тот их распространил среди ремесленников в Тульче. Из дальнейшего изложения Г. Стефановым этого письма мы узнаем, что упоминаемая в нем книжка была издана ограниченным тиражом — 400 экземпляров, стоила 50 пари и что Ст. Изворский напечатал ее «в помощь», вероятно, учителям при школах. Относительно содержания этого издания Г. Стефанов, опираясь на приписку к письму, которую сделал некий Сава Цончо [«в книжках написан большой стих, самый последний, который он дописал здесь (в Тульче — прим. Г. Стефанова) и который снова был приведен и в газете, заполнив один лист газеты»], полагает, что, по-видимому, там были помещены некоторые из уже напечатанных в «Цариградском вестнике» стихотворений Изворского, а может быть и только одно — «Книжнина и възпитание»⁴. Об этой же книжке идет речь и в письме к брату Ивану от 25 октября 1849 г., в котором Ст. Изворский пишет, чтобы тот не спешил продавать посланные ему месяц назад книжки, если они еще не были распроданы, и чтобы он их не продавал дешевле 50 пари, потому что свои экземпляры Изворский уже распродал, а книжку, якобы, искали «с большим уважением»⁵.

Однако, что это была за книжка, Г. Стефанов указать не мог, так как он ее не видел. Не сообщается об этой книжке и в работах последних лет, содержащих вообще довольно скудные данные о творчестве Ст. Изворского⁶.

Теперь мы можем сказать, о какой книжке писал Ст. Изворский своему брату в сентябре-октябре 1849 г. Он писал, несомненно, о книжечке, небольшой по формату (10 × 14,5 см) и объему (в ней всего 16 стр.), вышедшей под титульным заглавием: Книжица вместо огледалце за всякой българинъ да си ꙗ има въ пазвата. Написа Стефанъ II. Николовъ Изворскій отъ Котълъ. Цариградъ, Въ Книгопечатицата на Цариградскій Вѣстникъ, 1849. В этой книжечке опубликовано одно стихотворение, тексту которого предшествует заглавие: «Книжнина и възпитаніе от А. Б. В. Г. Д и прочая все що е добро». Это то же стихотворение, которое было опубликовано в газете «Цариградский вестник», а позднее в сборнике Ст. Изворского «Огледало».

Перед нами, таким образом, отдельное — первое и, насколько нам известно, единственное — издание стихотворения «Книжнина и възпитаніе». Нужно подчеркнуть, что Г. Стефанов не ошибся, предположив, что в неизвестном ему издании Ст. Изворского могло быть опубликовано одно это стихотворение.

Экземпляр книжки Ст. Изворского «Книжица вместо огледалце» хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр: С.28.10.228). Это издание нам стало известно в феврале 1964 г. после просмотра каталога болгарских книг, хранящихся в библиотеке. В ответ на нашу просьбу сообщить какие-нибудь сведения о книжке Изворского, д-р М. Стоянов, автор фундаментальной библиографии болгарских книг эпохи Возрождения, в письме от 29 июня 1965 г. нам ответил, что ему, как и его предшественникам-библиогра-

³ К сожалению, Г. Стефанов не приводит текст этих писем полностью, ограничившись в основном изложением того, что касается неизвестного ему издания Ст. Изворского.

⁴ Г. Стефанов. Там же, стр. 27—28. В газете «Цариградский вестник» стихотворение «Книжнина и възпитаніе» действительно занимало две страницы (там же).

⁵ Там же, стр. 28.

⁶ См., например: Г. Константинов, Цв. Минков, Ст. Великов. Български писатели. София, 1961, стр. 93; Цв. Минков, Б. Ангелов, Ст. Божков. Българска литература. София, 1962, стр. 269—271.

фам, эта книжка не была известна и что экземпляр ее в Болгарии не найден. Имея это в виду, а также и то, что «Книжица вместо огледалце» была издана тиражом всего в 400 экземпляров, можно не без оснований утверждать, что хранящийся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина экземпляр — единственный экземпляр этой книжки Изворского, сохранившийся до наших дней. Иначе трудно объяснить, почему отдельное издание столь популярного некогда стихотворения осталось неизвестным болгарским библиографам и историкам литературы.

Действительно, «Книжица вместо огледалце» — издание, не отраженное ни в одном из библиографических описаний болгарских книг эпохи Возрождения, в том числе и в последнем наиболее полном из них — в описании М. Стоянова⁷. Интересно, что эта книжечка не была отмечена и в известном списке болгарских книг, составленном И. В. Шоповым в 1852 г. и опубликованном первоначально в газете «Цариградский вестник» (№ 99 от 6 сентября 1852 г.), а затем и отдельной брошюрой⁸. Не указывает Шопов этой книжки и в рукописной «Заметке книг болгарских, опущенных в статье г-на Срезневского в журнале Министерства народного просвещения 1846, книжка 9-я, Санкт-Петербург», составленной в том же 1852 г.⁹ Весьма любопытно также, что «Книжица вместо огледалце» не указана и в двух дополнениях к списку Шопова, составленных редакцией газеты «Цариградский вестник» и опубликованных в том же (99) номере газеты и в отдельном издании списка Шопова. Можно вполне допустить и понять, что первому болгарскому библиографу эта книжечка осталась неизвестной. Но трудно объяснить, почему эта книжечка, напечатанная в типографии газеты «Цариградский вестник», через три года оказалась неизвестной редакции газеты. Вышедший в следующем (1850) году сборник Ст. Изворского «Огледало», напечатанный в типографии этой же газеты, приводится под № 115 в обоих редакционных дополнениях к списку Шопова.

Особый интерес представляет тот факт, что отдельное издание стихотворения вышло из печати в том же году, в котором оно появилось и в газете «Цариградский вестник». В связи с этим возникает вопрос: какое из двух изданий было осуществлено раньше? Ответ на этот вопрос имеет в данном случае скорее чисто библиографический интерес.

Дата публикации стихотворения «Книжнина и възпитание» в газете известна — 17 сентября 1849 г. (Таким числом датируется № 65 «Цариградского вестника», в котором опубликовано это стихотворение). О времени выхода из печати книжечки «Книжица вместо огледалце» приходится говорить менее определенно. Ясно, однако, что эта книжечка вышла из печати не позднее 20 сентября 1849 г., как это следует из упомянутого выше письма Изворского к брату. Поскольку стихотворение «Книжнина и възпитание» написано 27 августа 1849 г. в Тульче, то, следовательно,

⁷ См.: М. Стоянов. Българска възрожденска книжнина, т. I. София, 1957, стр. 147—148; т. II. София, 1959, стр. 784. См. также: J. K. J и р е ч е к. Книгопис на новобългарската книжнина. 1806—1870. Вiena, 1872; А. Т е о д о р о в. Български книгопис. — «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. IX, 1893; А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Български книгопис за сто години. 1806—1905. София, 1909; В. П о г о р е л о в. Опис на старите печатани български книги (1802—1877 г.). София, 1923.

⁸ См.: И. В. Ш о п о в. Список за Болгарските книги които са издадени до сега. Цариград, в Типографията Ц. Вѣстника, 1852.

⁹ Эта «Заметка» воспроизведена в статье: V. V e s h u l o v á. Bibliografická správná Ivana V. Soroва s P. J. Safarikem. В кн.: Сборник в чест на академик Никола В. Михов по случай осемдесетгодишнината му. София, 1959, стр. 47—50.

книжечка вышла в свет в период между 27 августа и 20 сентября 1849 г. Если учесть время, необходимое для доставки стихотворения из Тульчи в Константинополь и на его печатание, то придется допустить, что «Книжица вместо огледалце» едва ли могла выйти из печати ранее 5—7 сентября.

Разница между появлением стихотворения в газете (17 сентября) и датой, позднее которой не могла выйти в свет книжечка (20 сентября), составляет, как видим, всего 3 дня. Если предположить, что первоначально «Книжнина и въспитание» было напечатано в газете, то книжечка, следовательно, вышла в свет 18 или 19, едва ли 20 сентября. Поспешность повторного издания стихотворения, кроме простого желания автора увидеть отдельное издание стихотворения, можно объяснить тем, что Ст. Изворский, видимо, сразу почувствовал большой интерес константинопольских болгар к его стихотворению и понял, что оно быстро будет распродано. Это, как видно из второго письма его к брату, и произошло. Этим же, как нам кажется, следует объяснять и то обстоятельство, что «Книжица вместо огледалце» вышла без предисловия и без обычного в то время списка лиц, изъявивших желание приобрести определенное количество экземпляров издаваемой книги. Изворский, по-видимому, не успел составить такой список, а может быть, он был настолько уверен в успехе своей книжки, что и не счел нужным заручиться финансовой поддержкой болгар в ее издании.

Важные сведения об относительной хронологии обеих публикаций стихотворения содержатся в приведенной выше приписке Савы Цончо в письме Ст. Изворского к брату от 20 сентября 1849 г. Из приписки следует, что сначала была отпечатана «Книжица вместо огледалце», а потом уже стихотворение было перепечатано в газете. Смотри, в частности, указание на то, что стих «снова был приведен и в газете». Сомневаться в достоверности сообщения Савы Цончо у нас как будто нет оснований, и можно было бы, таким образом, заключить, что «Книжица вместо огледалце» вышла в свет в первой половине сентября 1849 г., но едва ли ранее 5—7 сентября и, следовательно, не более чем за 10—12 дней до повторного опубликования стихотворения в газете. Однако безоговорочному заключению о первоначальном издании стихотворения «Книжнина и въспитание» в «Книжице вместо огледалце» препятствует одно обстоятельство. Свою приписку Сава Цончо, по всей вероятности, сделал не в Константинополе, откуда писал письмо Изворский, а в Тульче, куда письмо было адресовано, так как в приписке сказано: «его (стихотворение) дописал з д е с ь» (разрядка наша.— Г. В.), т. е. в Тульче, а не в Константинополе. В данном случае большое значение имела бы дата самой приписки, но она нам не известна. Если приписка сделана в Тульче, то между временем ее написания и датой письма, т. е. 20 сентября 1849 г., могло пройти немало дней и даже недель. Учитывая это обстоятельство, мы не должны поэтому исключить вполне допустимую неточность в передаче автором приписки последовательности публикаций стихотворения.

Интересно отметить, что, хотя выход в свет двух изданий стихотворения «Книжнина и въспитание» разделяют всего несколько дней, между ними имеются различия. Укажем здесь лишь некоторые, наиболее существенные, оставляя в стороне явные опечатки и разночтения орфографического порядка¹⁰.

В «Книжице вместо огледалце» текст стихотворения дан без выделения четверостиший, как это сделано, судя по изданию Г. Стефанова, в газете «Цариградский вестник». Первое четверостишие — «Заради Въспитанието / На Български тѣ дѣчица, / Да предприемать знаието! Предъ слънце

¹⁰ К сожалению, в нашем распоряжении не было № 65 газеты «Цариградский вестник». Поэтому газетный текст стихотворения «Книжнина и въспитание» здесь сравнивается и цитируется по его изданию в книге Г. Стефанова (там же, стр. 108 и сл.).

и предъ зорница» — в газете вынесено эпитафием к стихотворению, а в отдельном издании стихотворения это четверостишие эпитафием не является. Последними строками стихотворения в «Книжице вместо огледалце» являются: «На тазъ книжка край / До тукъ чти и знай / И слава Богу / Въздай премногу!». В газете этого четверостишия нет. И это понятно, потому что в нем говорится о конце к н и г и («на тазъ книжка край»), а не стихотворения как такового. Такое заключительное четверостишие в газетном издании стихотворения было бы неуместным.

Имеется и ряд различий в тексте самого стихотворения. Например (первым указан текст из газеты, вторым — текст из «Книжица вместо огледалце»; в скобках — номер строки): *на ващи рожбы — на ваши рожбы* (30), *да ся зажилятъ — да ъ зажилятъ* (52), *да ся отпрсьнемъ — да ся оттрсьнемъ* (64), *жалко — жално* (74), *такъ ся назвало — пакъ ся назвало* (100), *въ кой часъ поченешъ — въ кой часъ поемнешъ* (121), *да ся отхранятъ — да си отхранятъ* (156), *славно — главно* (161), *съ божій-атъ образъ — съ божий образъ* (195), *и да отхранва — и да отхрани* (234), *ви съвѣтува — все съвѣтува* (246), *изъ чужды царства — и въ чужды царства* (307), *въ негово царство — въ негово царство* (334) и др.

Важно здесь отметить, что третье издание стихотворения в сборнике «Огледало» почти во всех этих и некоторых других случаях следует изданию в «Книжице вместо огледалце». Совпадения текста стихотворения в газете и в «Огледало» при различии в «Книжице» единичны и связаны, как нам кажется, с тем, что в «Книжице» мы имеем дело с опечатками. Ср.: *черный облакъ* (газета и «Огледало») — *черый облакъ* («Книжица»), *зематъ и даватъ* (газета и «Огледало») — *зематъ и дававатъ* («Книжица»).

Имеются разночтения и во всех трех изданиях: *языкъ прародный* (газета) — *языкъ прородный* («Книжица») — *язкъ природный* («Огледало») (102), *съ горка утрова* (газета) — *съ горка утрава* («Книжица») — *съ горка отрава* («Огледало») (116), *да е кръ ститель* (газета) — *да е крсьитель* («Книжица») — *да е краситель* («Огледало») (232).

Больше разночтений между текстом в «Огледало», с одной стороны, и текстами в газете и в «Книжице», не дающими разночтений, с другой стороны. Например: *младый-атъ возрастъ* («Огледало») — *младый възрасть* (7), *злб да доказатъ* («Огледало») — *и да доказатъ* (89); *матерно млеко* («Огледало») — *българско млѣко* (газета), *българско млеко* («Книжица») (123); *въ кой день ги види* («Огледало») — *въ кой часъ ги види* (199), *негова слава* («Огледало») — *негова славата* (334). Эти, как и некоторые другие, примеры показывают, что Ст. Изворский продолжал работу над стихотворением и после двух его изданий. Для нас здесь важно подчеркнуть, что третье издание стихотворения Изворского повторяет — с указанными изменениями — текст «Книжицы», а не газеты «Цариградский вестник». Это также может служить аргументом в пользу того, что «Книжица» вышла в свет после опубликования стихотворения в газете.

Таким образом, хотя вопрос о том, какое из двух изданий стихотворения «Книжнина и възпитание» увидело свет раньше, остается открытым, ясно, однако, что между ними прошло всего несколько дней: 2—3 дня, если «Книжица вместо огледалце» вышла после опубликования стихотворения в газете и до 10—12 дней (едва ли больше), если раньше увидела свет «Книжица вместо огледалце». Случай в истории болгарской литературы эпохи Возрождения, очевидно, очень редкий, если не исключительный. Это стихотворение, как уже упоминалось, было затем опубликовано в 1850 и 1854 гг. Иначе говоря, стихотворение «Книжнина и възпитание» Ст. Изворского в течение пяти лет издавалось четыре раза. Это, по-видимому, тоже редкий случай в истории болгарской поэзии до освобождения Болгарии, свидетельствующий о популярности произведения Ст. Изворского.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ БИЛИНГВИЗМА ЭПОХИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

1. Лингвистический анализ в конечном итоге всегда связан с некоторой совокупностью речевых произведений. Лингвисты часто оставляют без внимания социальные и психические предпосылки¹ порождения изучаемых речевых произведений. Эти предпосылки считаются неявно данными. Можно подвергнуть сомнению правильность такого подхода в принципе, и он бесспорно приводит к неадекватному описанию и анализу речевых произведений, порожденных в условиях билингвизма. Уже Г. Шухардт подчеркивал, что «проблема языкового смешения, тесно связанная с проблемой двуязычия, ... может быть разъяснена лишь на основе психологии»². Однако до сих пор подобный подход к проблеме языковых контактов, если он и не отрицается, не имеет широкого применения.

В настоящей заметке предлагается характеристика билингвизма славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей, славян Солуни и Болгарии.

2. Середину IX века и весь X век можно назвать первым периодом расцвета славянской³ переводной литературы, характерной чертой которо-

¹ Под описанием социально-психических условий порождения речевых произведений нами понимается, во-первых, характеристика психического явления, приводящего к порождению определенных речевых произведений, с указанием его соотношения с соответствующей языковой (т. е. социальной) общностью, и, во-вторых, описание социальной ситуации, в которой порождены речевые произведения, с указанием психических явлений, к которым она приводит. Таким образом, явления социальные и явления психические оказываются сопряженными, поэтому обсуждать их в отдельности в данном случае нецелесообразно. Обычно считается, что речевые произведения порождаются в результате речевой деятельности человека. Указанное понятие нередко определяется с привлечением лингвистических терминов: «речевая деятельность... может быть определена как деятельность, опосредствованная системой языковых знаков» (А. А. Леонтьев. Слово в речевой деятельности. М., 1965, стр. 20). Предпосылками речевой деятельности являются навыки, умения и знания. К автоматизированным навыкам относят артикуляцию, интонирование, выбор правильных грамматических категорий, правильного порядка слов и т. п. К умениям относят творческое, свободное, контролируемое пользование навыками в процессе речи. Языковые знания удерживают речевое произведение в рамках социальной нормы. В целом предпосылки речевой деятельности в психологических терминах можно назвать умением, расщепляющимся на конкретные умения (слушать, говорить, читать и писать). «Умение представляет собой такое действие, которое совершается человеком впервые, всегда с учетом неповторимого стечения обстоятельств и обычно на основе приобретенных знаний и навыков» (Б. В. Беляев. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1959, стр. 25).

² Г. Шухардт. К вопросу о языковом смешении. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, стр. 175.

³ Мы говорим «старославянский язык», если имеются в виду конкретные характеристики этого языка. Если лингвистические особенности irrelevantны, то говорим «славянский язык», так как этот термин хорошо ложится в ряд терминов: славянский народ — славянский язык — славянская литература.

го является общеславянское значение предпринимаемых переводов. Он связан с деятельностью Кирилла и Мефодия и их непосредственных учеников и последователей. Этапы переводческой деятельности этого периода можно представить себе следующим образом: 1) Кирилл и Мефодий, еще до отъезда в Моравию, переводят основные книги священного писания (вероятнее всего, изборное евангелие и псалтырь) и богослужебные тексты; 2) прибыв в Моравию, они продолжают перевод церковной и, возможно, юридической литературы; 3) по перемещении центра славянского просвещения в Болгарию ученики и последователи первоучителей (Климент Охридский, Константин Преславский, Иоанн Экзарх и др.) продолжают переводческую деятельность. Если достоверно сообщение о том, что Кирилл и Мефодий начали работать над переводом евангелия в Солуни, то первыми славянами, услышавшими слова священного писания на родном языке, были славяне, проживавшие в окрестностях Солуни и в самом городе. Имеются все основания полагать, что, по крайней мере, часть этих славян была двуязычной⁴, так как греческая культура являлась ведущей и греческий язык употреблялся в качестве государственного и письменного. Кроме того, среди солунских славян значительную прослойку составляли христиане, посещавшие греческие храмы.

В Моравии, однако, греческий язык не был распространен ни среди народа, ни среди феодальной знати, так как культурное влияние Византии подавлялось римским духовным воздействием. Здесь, вероятно, можно говорить о славяно-латинском или о славяно-немецком двуязычии, не интересующем нас в данной работе.

В отличие от Моравии в Болгарии, довольно рано оформившей свою государственность задолго до изобретения славянской азбуки в качестве государственного языка использовался язык греческий. Действительно, даже тюркоязычные аспаруховы болгары оставили после себя около 60 надписей на греческом языке⁵, и этот факт позволяет отнести начало болгарской литературы и летописания к началу VIII в.⁶ Э. Георгиев⁷ показывает, что и славянская народность, ассимилировавшая тюрков, активно усваивала греческую культуру и использовала в качестве письменного языка греческий⁸. Разумеется, не следует полагать, что греческим языком владел весь болгарский народ. Двуязычными были только представители феодальной знати и небольшая прослойка писцов и служителей культа. Именно на представителей знати и был рассчитан перевод

⁴ А. С. Л ъ в о в. Очерки по лексике памятников старославянской письменности (автореферат). М., 1962, стр. 19.

⁵ В. Б е ш е в л е в. Първобългарски надписи. София, 1934.

⁶ Р. Д и н е к о в. Über die Anfänge der bulgarischen literatur. — «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 1960, III, p. 120.

⁷ Э. Г е о р г и е в. Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) языка. В сб.: «Славянская филология», I, М., 1958.

⁸ В. фон Зоден «одноязычными культурами» считает такие социальные группировки, «внутри которых все значительные проявления духовной жизни находят свое полное выражение на одном единственном языке». Одноязычность культуры не предполагает отсутствия какого-либо влияния извне, однако перенимаемые идеи выражаются на родном языке. «Двуязычными культурами» автор называет такие социальные группировки, «в которых невозможен вообще или невозможен в течение длительного времени отказ от старшего второго языка культуры». Если одноязычными культурами, по его мнению, являются египетская, китайская и греческая цивилизации, то двуязычными он считает средневековые персидскую, японскую и католическую цивилизации. В согласии с этой точкой зрения культуры Солуни и Болгарии могут быть признаны двуязычными. См.: W. v o n S o d e n. Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babylo-niens. Öster. Akad. der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Sitzungsberichte, 235. Band, I. Abhandlung. Wien, 1960.

книг, ибо успех миссии как солунских братьев, так и их последователей зависел прежде всего от крещения социальной верхушки.

Двуязычие знати — явление весьма распространенное в раннефеодальном обществе. Как известно, христианизация языческих народов Византией всегда приводила к использованию греческого языка в качестве литургического. Хотя константинопольская духовная верхушка и не препятствовала переводу церковных книг на родные языки обращаемых в христианство народов (триязычество инкриминировалось римской церкви), все же переводы книг на этих языках появлялись спустя значительное время после принятия христианства. Так, например, первый готский перевод богослужебных книг был сделан лишь в 388 г., хотя готы уже в III в. стали христианами и принимали греческих епископов. Первые армянские и грузинские переводы также были сделаны спустя столетие после принятия Грузией и Арменией христианства. Даже в России богослужение первоначально отправлялось на греческом языке⁹, хотя к моменту крещения Руси были не только сделаны необходимые славянские переводы, но и существовала традиция употребления славянского языка в качестве литургического. Имеются свидетельства, что и в Болгарии по принятии христианства в качестве языка богослужений наряду со славянским использовался и греческий язык и что в болгарских храмах священники свободно переходили с одного языка на другой¹⁰.

Таким образом, переводчики церковных книг на славянский язык, будучи сами двуязычными, по крайней мере на двух этапах своей деятельности имели перед собой двуязычную аудиторию. Каков же был характер билингвизма славянских первоучителей, солунян и болгар?

3. Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо кратко охарактеризовать некоторые из возможных типов (разновидностей) билингвизма. Для облегчения этой задачи ограничимся рассмотрением того случая, когда для внутрисемейного общения употребляется только одна языковая система. Назовем эту систему первичной. Если первичная языковая система используется и во всех прочих ситуациях общения, то ее носитель может быть назван *монолингвом*. Если же в определенных ситуациях общения употребляется и иная языковая система (вторичная), то носитель двух языковых систем может быть назван *билингвом*. Соответствующие умения называются *монолингвизмом* и *билингвизмом*. Обязательными компонентами ситуации общения являются, как известно, говорящий и слушающий. То, что билингв способен участвовать в ситуациях общения, используя две языковые системы, не означает, что он в обоих случаях должен быть и говорящим и слушающим.

Назовем билингвизм *рецептивным*, если данное умение позволяет билингу только понимать речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе. Такое умение вырабатывается, например, в результате изучения мертвых языков. В тесной связи с рецептивным билингвизмом стоит билингвизм *репродуктивный*, позволяющий билингу воспроизвести услышанное (или прочитанное).

Назовем билингвизм *продуктивным*, если данное умение позволяет билингу не только понимать и воспроизводить речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе, но и порождать их. Таким образом, продуктивным билингвизмом называется умение би-

⁹ М. А. Лисицын. Первоначальный славяно-русский типикон. СПб., 1911, стр. 17.

¹⁰ И. Гълъбов. Езикови аспекти на кирилometодиевото дело. В сб.: «Хиляда и сто години славянска писменост». София, 1963, стр. 230.

лингва «строить цельные осмысленные высказывания» на двух языках¹¹. В определении ничего не говорится о правильности порождаемых речевых произведений, т. е. о соответствии их как лингвистическому явлению языковой системы, так и социолингвистическим явлениям нормы и узуса. Поэтому предложенное понятие нуждается в детализации. Назовем продуктивный билингвизм координативным, если речевые произведения билингва (в том числе и принадлежащие вторичной языковой системе) построены правильно. В таком случае представители языковой общности, употребляющие для общения вторичную относительно билингва языковую систему, не заметят никаких особенностей в речи билингва и, если им неизвестно его национальное происхождение, могут принять его за члена собственной языковой общности. Назовем продуктивный билингвизм субординативным, если речевые произведения билингва, принадлежащие вторичной языковой системе, построены неправильно. В этом случае члены вторичной языковой общности не примут билингва за члена своей общности, а по регулярным неправильностям его речи могут определить его национальную принадлежность. Неправильность порожденных речевых произведений не нарушает взаимопонимания ввиду избыточности языковых средств.

В социологическом аспекте следует проводить различие между билингвизмом, присущим определенному индивиду, определенной социальной группе и всей языковой общности, так как лингвистические проявления этих качественно отличающихся друг от друга явлений не однородны.

4. Как же охарактеризовать билингвизм Кирилла и Мефодия? Очевидно, что оба брата в совершенстве владели греческим языком, так как без этого допущения невозможно объяснить единодушные свидетельства источников о том, что славянские первоучители были высокообразованными византийскими гражданами. Кирилл, обучавшийся в Магнаурской школе в Царьграде, мог быть непосредственным учеником высокообразованнейшего патриарха Фотия¹². Факт совершенного знания славянскими первоучителями греческого языка важно подчеркнуть потому, что на основании лингвистического анализа славянских переводов правомерно ставить вопрос об их славянском происхождении¹³.

Оба брата также хорошо говорили и по-славянски. В пространном житии Мефодия царь Михаил прямо указывает, что братья знают славянский язык¹⁴, так как все содуняне хорошо говорят по-славянски. Именно по этой причине Мефодий в течение 10 лет был воеводой славянского княжества.

На основании изложенного можно считать билингвизм первоучителей продуктивным и координативным, если родным языком братьев был греческий.

¹¹ E. N a u g e n. The Norwegian language in America. Vol. I, Philadelphia, 1953, p. 7; H. V o g t. Language contacts. In: Linguistics today (ed. A. Martinet and U. Weinreich). N. Y., 1954, p. 249.

¹² В пространном житии Константина прямо говорится об этом, см. П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 4.

¹³ См.: М. П. Погодин. Речь, произнесенная в заседании московского Общества любителей российской словесности 11 мая 1863 г. в память о св. Кирилле и Мефодии. Кирилло-мефодиевский сборник. М., 1865. Стр. 95—96. В настоящее время сочувственно относится к данной точке зрения Э. Георгиев (см.: Кирилл и Мефодий основоположники славянской литературы. София, 1956, стр. 19). Имеется и историческое свидетельство проложного жития Константина поздней редакции (см.: П. А. Лавров о в. Там же, стр. 103): Святый Кириль философъ родомъ съи блъгаринъ от Солоуна граде.

¹⁴ П. А. Лавров, Там же, стр. 72.

Что касается характера двуязычия народных масс солунских славян, а также болгарской знати, то мы не можем опереться на непосредственные исторические источники. Солунские славяне, по всей видимости, в силу смешанного этнического состава города и окрестностей продуктивно владели греческим языком. Во всяком случае, если все солунские греки говорили по-славянски, то с еще большей степенью вероятности можно предположить, что славяне Солуни знали греческий язык. Действительно, в смешанных этнических поселениях все члены поселения могут объясняться на языке того народа, который занимает господствующее социальное положение (если этот народ достаточно многочислен). В Солуни социально ведущим было греческое население. Однако нельзя полагать, что все солунские славяне владели греческим языком в такой степени, что не было заметно их негреческое происхождение. Скорее всего, они не владели греческим языком полностью. Билингвизм солунских славян в целом можно характеризовать как билингвизм субординативный продуктивный.

Этот же тип билингвизма следует предположить и у болгарской знати. Если некоторые представители болгарской верхушки могли получить образование в Константинополе (например, сам царь Симеон), то большинство царских приближенных знакомились с греческим языком или путем непосредственных контактов с греками или путем домашнего обучения. Это относится к священнослужителям и писцам. Действительно, составители болгарских хроник на греческом языке, если они были славянами, не владели свободно греческим языком, о чем свидетельствуют значительные отклонения от византийского стандарта.

5. Лингвисту наиболее важно знать характер билингвизма славянских первоучителей. Знание характера их билингвизма поможет уяснить особенности самого механизма перевода церковной литературы. Знание же характера билингвизма переписчиков церковных книг (если не принимать во внимание случайные описки и сознательную правку рукописей) может помочь уяснить, в каком направлении проходила модификация первоначального текста. Зная характер их билингвизма, мы можем аналогичные типы билингвизма воспроизвести в эксперименте, данные которого могут быть использованы при решении ряда вопросов старославянского языка. В частности, для оценки лексики греческого происхождения (заимствована она или нет), действительного произношения греческой лексики славянскими первоучителями и переписчиками богослужебных книг (является ли она полностью адаптированной или нет), степени понятности переводов солунским славянам и соответственно болгарской знати и болгарскому народу, сопоставительной характеристики идиоматичности славянского перевода в сравнении с прочими (коптскими, готскими, армянскими, грузинскими и т. п.) переводами с греческого языка и т. д. Попытка конкретного разрешения некоторых из этих вопросов будет предложена нами в другой статье.

Л. М. МОРДУХОВИЧ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ТРАКТАТ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

В последнее время советские и зарубежные ученые уделяют большое внимание изучению реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв.¹ Идеи гуманизма получили развитие в произведениях выдающегося славянского деятеля XVII в. Юрия Крижанича и прежде всего в «Политичных думах» (1663—1666), которые он, что весьма характерно, также именовал «Н а р о д н а я б е с е д а» (разрядка наша.— Л. М.)², и в «De providentia Dei», которое в его пояснении означает «О добром и злом стоянии (основании.— Л. М.) н а р о д н о г о д е л а» (разрядка наша.— Л. М.)³. Публикуемый трактат этого замечательного ученого «De non extrahendo frumendo» («О недопустимости растраты хлеба»), следующий за трактатом «De mercatoribus Germanicis ...» («О немецких купцах...»)⁴, помещен в конце рукописи «Политичные думы», состоящей из трех частей: «Ob blagu», «Ob sile», «Ob mudrosti» («О богатстве», «О силе», «О мудрости»)⁵.

Обе упомянутые статьи находятся не на своем месте, так как по своему содержанию относятся к первому разделу («О богатстве»). Это объясняется тем, что Крижанич делал дополнения к основному тексту «Политичных дум», которые вследствие недоработки рукописи остались в виде трактатов. В процессе редактирования ученый в большинстве случаев делал пометы о перенесении таких дополнений на соответствующую страницу⁶.

В публикуемом трактате Крижанич решительно выступает против фискальной политики русского государя и тех его советников, которые придумывали «на праключение (мучение — Л. М.) бедных невольных (не-

¹ См. А. А. З и м и н. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. В сб.: «История. Фольклор. Искусство славянских народов». М., 1963.

² См. Ю. К р и ж а н и ч. Политика. М., 1965, стр. 104.

³ Ю. К р и ж а н и ч. De providentia Dei. ЦГАДА, ф. 381, д. 1756.

⁴ Опубликован нами вместе с другими его трактатами в ж. «Исторический архив», 1958, № 1.

⁵ Разбивка на эти три части отражает концепцию ученого и отождествление им общества с человеком. Этот взгляд разделяли многие авторы. Так, Т. Кампанелла считал, что вселенная обладает «любовью», «мощью» и «мудростью». В ведении любви, по его мнению, помимо деторождения, находится все, относящееся к пище и одежде, т. е. то, что у Крижанича включается в понятие «О богатстве».

⁶ Это противоречит тезису, выдвинутому сначала В. Святловским (см.: «История экономических идей в России», т. I. Пгр., 1923, стр. 46), а затем в несколько измененном виде Б. Дацюком, который считает, что «Политичные думы» представляют собой не единое произведение, а сборник, состоящий из разных произведений (см.: «Юрий Крижанич». М., 1946, стр. 12). Этот тезис повторяет А. Л. Гольдберг (см. его статью в «Трудах отдела древнерусской литературы», т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 373). В другом месте он необоснованно утверждает, что «Политика» является только частью большого сборника, написанного Крижаничем (см. Ю. К р и ж а н и ч. Политика. М., 1965, комментарии к переводу, стр. 702).

свободных.— Л. М.) подданных», каким образом увеличить казну. Ученый указывал на вопиющие противоречия между фиском и народным богатством и подобно родоначальнику английской буржуазной классической политической экономии В. Петти (1623 — 1687) разъяснял, что «в бедной стране король не может быть богатым, так как казна наполняется только через благосостояние народа». Поэтому «бедно королевство — беден король, богато королевство — богат король»⁷.

В отличие от меркантилистов, Крижанич считает труд источником богатства, которое он рассматривает в форме товара⁸. Поэтому для него торговый баланс не являлся мерилом богатства страны. Главное назначение внешней торговли он усматривал не в накоплении денег за счет сокращения потребления, а в содействии развитию внутренней торговли, расширению потребления, которое в конечном счете достигается развитием отечественного производства, т. е. связывал торговлю с идеей баланса производства и потребления.

Вот почему Крижанич был против огульного вывоза как сырья, так и готовых изделий и особенно резко протестовал против вывоза хлеба. Он подчеркивал, что при отсутствии избытка вывоз хлеба и другого продовольствия может быть допущен «лишь в исключительных случаях», при «большой необходимости» и в очень «умеренном количестве». Выступая против расточительства феодальной знати, Крижанич в противоположность меркантилистам и В. Петти, занимавшему сходную с ними в данном вопросе позицию, считал, что при покупке предметов роскоши страна беднеет не от уменьшения денежного богатства, а вследствие того, что в обмен на них вывозится большое количество зерна и других продуктов питания, в результате чего «вскоре возникает у народа недостаток продовольствия».

В связи с этим Крижанич в публикуемом трактате уделил большое внимание проблеме народонаселения⁹.

Ученый разъяснял, что неограниченный экспорт хлеба и других продуктов, вызывая «драгость велику» и необеспеченность народа, влечет за собой сокращение численности населения, так как «во всякой стране плотность населения обычно находится в соответствии с количеством хлеба и других жизненно необходимых благ». Крижанич при этом в качестве примера наряду с Россией приводит Польшу, где расточительность знати достигла огромных размеров.

Ученый отмечает, что в древних Иудейском и Израильском государствах было многочисленное население вследствие плодородия почвы. Тем не менее он считал недопустимым численность населения ставить в исключительную зависимость от естественных условий.

Обобщая исторические факты и наблюдения над жизнью русского и других народов, Крижанич отверг тезис, что редкость населения обуславливается исключительно неплодородием почвы, так как «в иных местах земля плодна, а людей мало» и наоборот¹⁰. Он пришел к выводу о зависимости численности населения от общественных условий, среди которых главное значение придавал свободе хозяйственной деятельности. Ученый решительно подчеркивал, что самая значительная причина редкости населения в России заключается в крепостничестве, в «жестокое (невыно-

⁷ Ю. Крижанич. Политика. М., 1965, стр. 50 и 406. Ср. В. Петти. Экономические и статистические работы. М., 1940, стр. 175.

⁸ См. Л. М. Мордухович. Очерки истории экономических учений. М., 1957, гл. 6-я.

⁹ Подробно этот вопрос освещен нами в статье «Первый трактат о народонаселении в России». — «Экономические науки», 1962, № 3.

¹⁰ [Ю. Крижанич]. «Русское государство...», ч. II М. 1860, стр. 88.

симом. — Л. М.) управлении», при котором «еще несть сам собою слободен, дабы учинил по своей воле»¹¹.

В связи с этим заслуживает особого внимания ссылка Крижанича на «Холандск[ую] и Французск[ую] земли», в которых, указывая он, «черных людей промыслы лучше всего развиваются», вследствие чего эти «державы являются самыми многолюдными и богатыми»¹². Действительно, Франция в XVII в. была одним из наиболее развитых государств Западной Европы, а Голландская республика «была образцовой капиталистической страной XVII столетия»¹³. При этом следует иметь в виду, что в Голландии крестьянство было искони свободным, а во Франции во второй половине XVII в. оно было уже юридически свободным¹⁴, но пользовалось землей на основе цензивы или аренды.

Указывая на социальную обусловленность роста населения и признавая всякий труд источником богатства, Крижанич выступил, по существу, с критикой зарождавшегося тогда мальтузианства (Ботеро, Джемс Стюарт, Кантильон, Франклин и др.). Он отрицал исключительное значение сельского хозяйства, верил в силу научных знаний и изобретений, в огромные возможности роста производительных сил, учитывал сложившееся международное разделение труда и развитие обмена между разными странами.

Крижанич в вопросе о народонаселении, как и в других вопросах, стоит на русской почве. Он, по существу, развивал взгляд А. Л. Ордин-Нащокина, был предшественником М. В. Ломоносова и М. Чулкова (ближе стоял к последнему), но в отличие от них решительно высказывался против крепостничества.

В «De non extrahendo frumento» Крижанич затрагивает еще одну важную проблему. Он указывает, что экспорт хлеба, вызывая обеднение народа и сокращение численности населения, «также побуждает грешный народ к восстанию», т. е. является одной из причин обострения социальных противоречий¹⁵. Так, Псковское восстание 1650 г. он прямо связывал с вывозом хлеба в интересах фиска. В публикуемом трактате Крижанич вспоминает другой факт: восстание горожан против одного из градоправителей области Эмилии, разрешившего купцам вывозить хлеб. Крижанич высказывает полное сочувствие населению, свидетельствуя не без иронии, что этот градоправитель спасся позорным бегством («убежал»). Крижанич подчеркивает, что указанный факт имел место в правление папы Иннокентия X (1652—1655), который, как известно, в целях всемерного обогащения казны ввел папскую монополию хлебной торговли, приведшую к резкому упадку земледелия в Папской области.

Крижанич с юных лет проникся идеей своих современников — освободить славянские народы от иноземного ига¹⁶. Он все надежды возлагал на Россию и хотел, чтобы русский народ стал наиболее могущественным и «самым прославленным между народами»¹⁷. Ознакомление с его взглядами помогает глубже уяснить происходившую в России борьбу новых и старых экономических идей, которая является одним из важных факторов развития общества.

¹¹ Там же, стр. 98.

¹² Там же.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 761.

¹⁴ За исключением небольшой прослойки в восточных и отчасти северных районах страны.

¹⁵ См. Л. М. Мордухович. Политические взгляды Ю. Крижанича. — «Правоведение», Л., 1962, № 1.

¹⁶ См. А. Кадич. Križanić's formative Years. Preprint. American contributions to the fifth International congress of slavists. Sofia, 1963.

¹⁷ Ю. Крижанич. Политические думы. ЦГАДА, ф. 381, д. 1799, л. 678.

DE NON EXTRAHENDO FRUMENTO

Unum inter maxima mala (quae possunt principes suis subditis, et sibi met ipsis facere) est Permissio evehendi frumentum extra fines regni. Hoc enim modo consequitur in populo, penuria victus: et terra manet minus populosa, quam esse posset. Et tamen hic error a multis committitur dum aliqui consiliiarii et praefecti rem non curant, aliqui neque intelligunt. Starovolscius scripsit: manifestum est quod Polonia possit duo alia sibi similia regna frugibus, carnibus, et alio companatico sustenare. Credo eadem, quod possit Polonia alere etiam tres et quatuor sibi in latitudine aequales regiones: verum tamen non cum aequale frequentia populi. Quia quidquid panis a nobis aufertur alio, id amplius non est apud nos. Ubi autem deest panis, ibi etiam populus diffluit, deficit, connubia non contrahit, proles non nascitur. Scilicet pro ea portione deficit populus, quantum panis ablatum est. Quia in omni regione, secundum proportionem panis et aliarum victui idonearum rerum, etiam esse solet frequentia incolarum. Hinc bene addidit Starovolscius: et tamen, inquit, nos Poloni in omnibus expeditionibus bellicis semper fame laboramus.

Nos miramur, dum in sacris literis legimus, quanta olim fuerit multitudo hominum in Iudaea: dum rex Iudaea eduxit $\frac{m}{400}$ et rex Izraelis $\frac{m}{800}$ virorum in praefium: cum hodie nec decima forsans pars habitatorum ibi reperitur. Quae est causa? Panis diminutio: quia terra illa, Dei benedictione, erat tunc multo fertilior, quam sit nunc.

Si frumentum, farina, legumina, caro, pisces, crematura, oleum lini et canapum, mel, et ova piscium (:quae, quotannis ex Russia Poloniaeque ad Germanos evehuntur): domi manerent: utique, omnia ista domi consumerentur: et consequenter quot homines in Germania hisce nostris, victualibus sustentantur, totidem sustentarentur apud nos: et sic plura fierent connubia, plures proles nascerentur, et terra esset habitatoribus longe frequentior.

Ubicunque est bonum regimen, nusquam permittitur evectio frumenti: nisi forte permitti debeat moderata aliqua, quantitas, et propter magnam necessitatem. Memini quomodo Innocentis X pontifice, in quodam oppido provinciae, Aemiliae, oppidam contra praetorem concurrerant, et nisi ille aufugisset, occidissent eum eoquod cuidam mercatori permisisset frumentum evehere. Et tamen provincia illa est longe abundantior frumenti omniumque aliarum rerum, quam sit nostra Russia, aut Polonia. Similis causa etiam Peccovii plebem ad rebellandum concitavit. Nulla igitur vina Hispanica, nulla aromata, nulli panni sericei neque purpurei debent nobis esse tam cari, ut pro illis permittamus magnam frumenti et aliorum victualium evectionem.

ЦГАДА, ф. 381, № 1799, лл. 715 — 717.
Библиотека Синодальной типографии.

О НЕДОПУСТИМОСТИ РАСТРАТЫ ХЛЕБА

Одним из самых больших бедствий (которые правители могут причинять своим подданным и самим себе) является разрешение вывозить хлеб за границу. В самом деле, вскоре возникает у народа недостаток продовольствия и земля становится менее населенной, чем может быть. Тем не менее эта ошибка многими допускается. В то время как одних советчиков и начальников этот вопрос не беспокоит, другие и не разбираются в нем. Старовольский ¹ писал: «Очевидно, что Польша в состоянии поддерживать существование двух других подобных себе государств плодами земли, мясом и другими продуктами». Я, право, верю, что Польша в состоянии содержать даже три — четыре государства, равные себе по величине, однако не с одинаковым по плотности населением. Потому что весь тот хлеб, который от нас отнимается другими, в дальнейшем не возвращается к нам. Где же недостает хлеба, там население уменьшается, становится редким, браки не заключаются и дети не рождаются. Бесспорно, население уменьшается в той пропорции, в какой был вывезен хлеб, потому что во всякой стране плотность населения обычно находится в соответствии с количеством хлеба и других жизненно необходимых благ. Старовольский затем справедливо добавляет: «однако, — говорит он, — мы, поляки, во всех военных походах всегда страдаем от голода».

Нас удивляет, что в то время как в священных книгах мы читаем, какое некогда было множество людей в Иудее: еще царь иудейский выводил 400 тысяч, а царь израильский 800 тысяч мужей на сражение ², в настоящее время не находится там (т. е. на той

¹ Крижанич имеет в виду следующую книгу: S. Starovolsci. Polonia nunc denuo recognita et aucta. Dantisci, MDCLII.

² Эти данные о численности войск в древних Иудейском и Израильском царствах содержатся во 2-й книге Паралипоменон, гл. XIII, стих 3 и 17, где говорится, что Авиа царь Иудейский против Израильского царя Иероваама вывел 400000 войска, в то вре-

территории. — Л. М.), пожалуй, и десятой части жителей. Что является причиной этого? Уменьшение хлеба, потому что та земля, благословлением бога, была тогда более плодородной, чем в настоящее время. Если бы зерно, бобы, мясо, рыба, льняное и конопляное масло, мед и икра (которые ежегодно из России и Польши в Германию вывозятся) оставались дома, — все это, во всяком случае, потреблялось бы дома. Следовательно, сколько людей в Германии этим нашим продовольствием содержится, столько же содержалось бы и у нас. И больше бы заключалось браков, больше рождалось бы детей и земля имела бы более плотное население.

Повсюду, где существует хорошее управление, нигде не разрешается вывоз хлеба. Лишь в исключительных случаях, при наличии большой необходимости должно быть позволено вывозить некоторое умеренное количество его. Я помню, как при папе Иннокентии X в одном из городов области Эмилии³ горожане объединились против градоправителя и, если бы тот не убежал, они убили бы его за то, что он разрешил купцам вывозить зерно. И однако та провинция имеет гораздо больше изобилия хлеба и всех других благ, по сравнению с нашей Россией или Польшей. Указанная причина также побуждает грешный народ к восстанию. Поэтому никакие испанские вина, никакие благовония, никакие шелковые и пурпурные ткани не должны быть нам столь дороги, чтобы за них мы обещали вывоз большого количества зерна и других продуктов питания.

ма как Иеровоам имел против него 800000 вооруженных воинов. Эти же данные приводятся Августином Калметом в книге «Еврейский ратник». Перевод с латинского И. Красовского. СПб., 1795, стр. 1.

³ Область в Северной Италии, в которую со времени ее образования входят провинции Болонья, Феррара, Форли, Модена, Парма, Пьяченца, Равенна, Реджо-нель-Эмилия. Получила свое название от римской военной дороги Via Aemilia, построенной в 187 г. до н. э.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ В РАБОТАХ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ И ПОЛЬСКИХ ЭКОНОМИСТОВ

Совершенствование методов управления народным хозяйством социалистических стран, направленное на дальнейший подъем народного хозяйства и улучшение использования внутренних резервов, находится в центре внимания коммунистических и рабочих партий. В одних странах это совершенствование уже проводится, в других — только намечается.

В Польше и Чехословакии опубликовано много работ по вопросам управления народным хозяйством. Остановимся здесь на некоторых из них. Чехословацкий экономист Й. Гольдман¹ исходит из того, что централизованная система планового управления народным хозяйством, сложившаяся в Советском Союзе, возникла на более низкой ступени экономического развития, при относительно простой и постоянной структуре производственных и непроизводственных потребностей, при небольшой доли экспорта в общем объеме производства отдельных отраслей. Эта система обеспечивала быстрое сосредоточение крупных капиталовложений и использование их на решающих участках, максимальные темпы развития народного хозяйства и ускоренную перестройку его структуры. На ее формирование оказали влияние наличие резервов рабочей силы, еще не полностью использованные производственные мощности и т. д., а также недостаток руководящих кадров.

Подобные же условия наблюдались в большей или меньшей степени в социалистических странах Европы в начале их индустриализации. В этот период преимущественно традиционной централизованной системы управления народным хозяйством преобладали над недостатками. Техническое развитие и производительность труда еще не имели решающего зна-

чения для ускорения темпов роста промышленного производства, ибо быстрый рост можно было обеспечить, используя резервы на данном уровне развития техники и уже достигнутый уровень производительности труда. Условия на внутреннем и внешнем рынке были чрезвычайно благоприятны для сбыта товаров. В настоящее время, когда экономика этих стран выросла и стала более комплексной и разнообразной, процесс социалистического воспроизводства значительно усложнился и все попытки управлять им с помощью различных инструментов централизованного планового управления, в том числе с помощью объемных показателей, устанавливаемых в директивном порядке, — несовершенны. Й. Гольдман делает вывод, что традиционная система планового управления отстала от роста производительных сил.

В этой связи, по его мнению, необходимо покончить со все еще существующим представлением о том, что централизованная модель — это единственный тип планового управления, а децентрализация — это возвращение к формам капиталистического хозяйства. Он считает, что имевшее место в течение длительного времени замедление темпов роста в промышленности Чехословакии обусловлено в основном традиционной системой централизованного управления. В гораздо меньшей степени снижение темпов обусловлено экономической структурой, которая сложилась опять-таки в результате действия централизованной системы управления народным хозяйством.

Недостаток действовавших инструментов материальной заинтересованности при централизованном директивном планировании проанализирован чехословацкими экономистами Й. Гrefом и Й. Томашеком. Они отмечают, что существующая система не содействовала эффективному использованию рабочей силы. Наоборот, при медленных темпах технического прогресса предприятия были заинтересованы в максимальной чи-

¹ J. Goldmann. Tempo rustu v některých socialistických zemích a model řízení národního hospodářství. — *Plánované hospodářství*, 1964, № 11.

сленности работников. Уровень заработной платы в различных отраслях народного хозяйства, а также работников ведущих профессий был недостаточно дифференцирован, слабо отражались различия в квалификации, в сложности, ответственности и результатах работы отдельных лиц.

Относительно узкие границы дифференциации заработной платы и небольшие различия в уровнях заработной платы квалифицированных специалистов приводят, по их мнению, к отрицательным последствиям, Исчезает стимул для систематического повышения квалификации, снижается интерес к переходу на ответственные должности на производстве. Это, наряду с другими причинами, способствовало снижению уровня руководства и падению авторитета руководящих работников на некоторых предприятиях ЧССР².

Одна из основных проблем при совершенствовании планирования в европейских социалистических странах — степень самостоятельности предприятий — подробно рассматривается польским экономистом Г. Станкевичем. Он выясняет теоретические основы понятия самостоятельности предприятий и объединения.

Под самостоятельностью предприятий, по его мнению, следует понимать право выбора различных вариантов управления и планирования производства. Как указывает Г. Станкевич, новые принципы управления в Польше предоставляют предприятию большую самостоятельность в выборе средств реализации плановых заданий, распоряжении уставным фондом, получении кредитов на оборотные средства и капитальное строительство. Одновременно обеспечивается определенное влияние предприятия на планирование производства продукции. Масштаб самостоятельности предприятия ограничивается директивными показателями, которые устанавливаются вышестоящими инстанциями, а также определением сумм, предназначенных для выполнения плана и материально-экономического стимулирования.

Права объединения по отношению к подведомственным предприятиям согласно новым принципам управления выражаются, главным образом, в установлении директивных показателей, утверждении принципов определений средств, необходимых для выполнения плана, в изменении директивных показателей и возможной постановки дополнительных заданий.

По мнению Г. Станкевича, вмешательство объединения в дела предприятия

должно проявляться прежде всего в форме экономического воздействия на предприятие в случае невыполнения им директивных заданий. Объединение должно нести экономическую ответственность за все изменения, установленные им для предприятия директивными показателями. Предприятия работают на основе полного хозяйственного расчета. Расширение прав (самостоятельности) предприятий не умаляет прав объединения по отношению к подведомственным им предприятиям, а только изменяет формы их осуществления. Г. Станкевич подчеркивает, что самостоятельность объединения и самостоятельность предприятия — принципиально разные понятия. Самостоятельность объединения касается, главным образом, формальных направлений развития всей отрасли в соответствии с основными директивами народнохозяйственных планов. Объединение должно оказывать существенное влияние на выполнение этих директив. Кроме того, самостоятельность объединения связана с выбором варианта внутреннего развития отрасли, обеспечивающего максимальную эффективность и удовлетворение потребностей народного хозяйства в продукции данной отрасли.

Как указывает Г. Станкевич, преобразование объединений в «социалистический концерн» зависит от определения оптимального масштаба самостоятельности предприятий. Это позволит свести до минимума оперативное вмешательство объединения в проблемы организации производства.

Объединения концентрируют внимание лишь на осуществлении задач, входящих в их компетенцию. Таким образом, инициатива предоставляется предприятиям, поскольку всякое вмешательство в их внутреннюю оперативную деятельность, ограничивает свободу их действий, снимает ответственность с директора и подчиненных ему руководителей³.

Польский экономист М. Мисяк указывает, что вопрос о необходимости повышения роли предприятий, объединений и органов местной власти в системном управлении социалистическим хозяйством по разному решается в странах социалистического содружества. Чаще этот вопрос сводится к повышению роли хозяйственного расчета на социалистических предприятиях. Но практика показывает, что в ряде случаев децентрализация управления и система стимулирования не обеспечивают повышения роли хозяйственного расчета⁴.

³ H. Stankiewicz. Tezy w sprawie zmian zasad zarządzania i planowania działalnością zjednoczeń przemysłowych — «Gospodarka planowa», 1965, № 3.

⁴ M. Misiak. Warianty reformy. — «Życie gospodarcze», 1965, № 17.

² J. Gref, J. Tomášek. Úloha hmotné osobní zainteresovanosti v novém systému řízení. Praha, 1965.

М. Мисяк отмечает, что обозначилась тенденция расширения прав предприятий. Такое положение наблюдается, например, в новой системе планирования и управления промышленностью в ГДР. Однако в ГДР не предполагается ликвидация императивного характера управления в отношениях между объединениям и предприятием и в отношениях между централизованным плановым руководством и объединениями. Изменения сводятся только к децентрализации способа выполнения плановых заданий с помощью средств, определенных директивами.

Определение роли отраслевых промышленных объединений в Чехословакии, как указывает М. Мисяк, имеет иное содержание. Там также обращается внимание на необходимость введения элементов хозяйственного расчета на уровне объединения, наделения его различными новыми организационными полномочиями в области капиталовложений и экспорта. Однако вопрос о децентрализации планирования не ограничен способом выполнения планов. Он включает в себя и принцип составления планов как объединениями, так и предприятиями. В Чехословакии отраслевое объединение предполагается как представительство предприятий и координатор их деятельности.

М. Мисяк отмечает, что до сих пор ни в одной социалистической стране нет такой совершенной системы хозяйственного расчета или директивной системы, при которой хозяйственный расчет полностью соответствовал бы деятельности, проводимой в духе директив, или чтобы директивы совсем не противоречили хозяйственному расчету. По его мнению, одна из форм уменьшения отрицательного влияния экономических директив состоит в обязательной разработке детальных проектов планов предприятиями, объединениями и министерствами, а также органами местной власти до того, как они будут окончательно утверждены.

Другим направлением совершенствования директивного управления является активизация потребителя. Однако, по мнению М. Мисяка, успехи такого совершенствования директивного управления ограничены. Из опыта Польши известно, что участие потребителей в установлении и последующем выполнении планов в соответствии с директивным управлением приводит к острым конфликтам между аппаратами промышленности и торговли.

М. Мисяк делает вывод, что эксперименты по изменению методов планирования и управления требуют учитывать реальную действительность. Они вынуждают отказываться от необоснованных надежд, часто связываемых с небольшо-

ми изменениями. Чтобы избежать отрицательных результатов директивного управления, не выходя за рамки этой системы, следует заранее считаться с ограниченностью имеющихся в ее распоряжении инструментов.

Большое внимание при обсуждении вопросов совершенствования методов управления экономикой социалистических стран уделяется вопросу личной материальной заинтересованности.

Стремясь найти пути повышения роли материальной заинтересованности, Й. Греф и Й. Томашек указывают прежде всего на необходимость установить прямую взаимосвязь между объемом средств, которыми будут располагать предприятия для выплаты заработной платы, и степенью обеспечения этими предприятиями потребностей общества. Распределение по труду должно активно стимулировать не любой труд, а общественно необходимый. При этом роль материальной заинтересованности обусловливается тем, что величина дохода каждого предприятия и, следовательно, источников для оплаты труда его работников устанавливается на основе экономического сравнения фактического труда данного предприятия и труда общественно необходимого.

Предприятие, на котором затраты труда превышают общественно необходимые, затрачивает часть труда без пользы для общества и не может поэтому получить за него эквивалент дохода, и, наоборот, предприятие, на котором затраты труда ниже общественно необходимых, удовлетворяет потребности общества в большей степени и должно получать поэтому более высокий доход, часть которого может пойти на увеличение фонда заработной платы.

Существенное расширение инициативы предприятия в решении производственных вопросов будет сопровождаться расширением его полномочий и повышением ответственности в области использования средств на оплату труда. Й. Греф и Й. Томашек считают, что использование этих средств необходимо доверить предприятиям. Предприятия сами будут решать вопрос о том, какая часть созданных средств должна пойти на заработную плату, какая — на обеспечение дальнейшего развития и образование резервов. Недалековидная политика в этом направлении поставила бы предприятия в трудное положение.

Установление недостаточно обоснованной твердой заработной платы ограничивает возможности для премий и оплат. Неэффективные премии, необоснованная сверхурочная работа и различные непроизводительные выплаты уменьшают средства, не помогая выводить производственные задания. Это также относится к устаревшим нормам выработки и другим нормам, к существующей практике

оплаты некачественного труда и попустительству неэкономичности и потерям от брака.

Последовательное применение новых принципов должно воспрепятствовать уравнилельным тенденциям, способствовать устранению уравниловки в оплате труда работников в интересах предприятия. И. Греф и Й. Томашек делают вывод, что при новой системе управления предприятия не смогут рассчитывать на дотацию из централизованных источников. Предприятие располагает таким фондом заработной платы, какой оно создает своим трудом.

В связи с проводимыми мерами по совершенствованию планирования и управления народным хозяйством большое внимание экономистами уделяется производственным показателям, а также методам расчета этих показателей.

Г. Станкевич указывает, что необходимость более точного планирования развития производства и определения пропорций между различными отраслями требует иных методов исчисления продукции. В качестве таких показателей он предлагает товарную продукцию без внутреннего оборота (так называемая валовая продукция) и валовую продукцию за вычетом стоимости внутреннего оборота (так называемая конечная валовая продукция). Им подробно разбираются принципы расчета этих показателей, выработанные в институте «Оргмаш»⁵. Кроме того, он обращает внимание на необходимость различать показатели, связанные с планированием и контролем использования фонда заработной платы.

Большую дискуссию у экономистов вызывает проблема показателей эффективности труда как предприятий, так и промышленных объединений. По этому вопросу в Польше существуют две точки зрения. Согласно первой — эффективность хозяйственной деятельности должна оцениваться по прибыли. Согласно второй точке зрения — по себестоимости.

По мнению Г. Станкевича, выбор показателя производства и эффективности работы объединения создает основу для совершенствования методов планирования и оценки хозяйственной деятельности. Объем показателей, устанавливаемых для объединения, — существенный элемент системы планирования и хозяйственной деятельности объединения.

Чтобы объединение работало в нужном направлении, оно должно руководствоваться директивными показателями и установками, которые являются базой для разработки технико-экономических планов.

Он считает, что основой составления годовых технико-экономических планов должны быть:

- а) двух-трехлетний план, утвержденный вышестоящими организациями;
- б) директивные показатели на планируемый год;
- в) установки, обязательные на более длительный период.

Хозяйственные директивные показатели на планируемый год должны быть сведены до минимума.

М. Мисьяк высказывает точку зрения, что основной тенденцией при разработке показателей чистой продукции является повышение роли норм как фактора, регулирующего производство, издержки и овеществленный труд; в связи с этим уменьшается потребление сырья сверх норм, имевшее место при оценке деятельности предприятий и объединений по показателям валовой продукции⁶. М. Мисьяк обращает внимание на то, что недостатком совершенствования директивного управления методом замены показателей чистой продукции показателями валовой продукции являются трудности, связанные с необходимостью разработки системы норм и сохранения желательных соотношений между нормативными и фактическими затратами труда в условиях больших изменений в производстве, технологии и ассортименте. Он ссылается на чехословацких экономистов, которые отмечают полную невозможность контроля за десятками и сотнями тысяч норм при существующей системе управления.

Другим важнейшим направлением реформ, проводимых в области управления народным хозяйством, является создание правильной системы цен.

Как указывает М. Мисьяк, именно несовершенство ценообразования рассматривается часто как последний и якобы безусловный аргумент против далеко идущих изменений методов планирования и управления. Сторонники этого положения доказывают, что при существующей системе цен следует отложить все попытки усилить роль материальных стимулов, связанных с показателями рентабельности, т. к. последние при существующих «плохих ценах» могут якобы привести только к ошибкам.

Приводятся аргументы, доказывающие неэффективность при существующих ценах повышения роли финансового контроля в рамках системы самофинансирования, либо кредитной системы и т. п.

Тенденция повышения роли прибыли и финансовых рычагов предприятий и объединений проявляется прежде всего в отказе от довольно упрощенной схемы определения цен средств производства на уровне средних издержек плюс единые процентные накидки. В большинстве социалистических стран с этим связано использование фабрично-заводских цен в качестве инструмента, дающего орга-

⁵ H. Stankiewicz. Ibid., s. 22.

⁶ M. Misiak. Ibid.

нам снабжения сигналы об изменениях в структуре предложения и спроса на рынке потребительских товаров.

В ГДР и Чехословакии с этим процессом связываются надежды на возможность эластичного регулирования цен, учитывающих одновременно текущие и предстоящие изменения в уровне издержек, а также настоящие и предвидимые соотношения сил на рынке.

Недавно скончавшийся крупнейший польский эмигрант О. Ланге⁷ отмечал, что в настоящее время большинство социалистических стран вступает в новый этап развития экономического планирования. В связи с этим встает вопрос выбора лучшего или оптимального плана, введение в методологию планирования специального экономического расчета: расчетной оптимализации.

Рост социалистической экономики создает как необходимость, так и возможность пользоваться новыми методами расчета оптимальности. Практическое применение таких расчетов возможно, однако, лишь при наличии математических средств и квалифицированных кадров, умеющих ими пользоваться, а также соответствующей вычислительной техники. Расчет оптимализации проводится в два этапа. Первый — это применение расчетов как к отдельным разделам плана, так и к отраслям народного хозяйства. Второй — применение расчетов к основным наметкам плана в целом и выбор, таким образом, наилучшего варианта.

Разделение на этапы необходимо в связи с тем, что любое увеличение расчета оптимализации связано с решением вопросов экономического характера, ибо для эффективного расчета оптимализации недостаточно только знать соответствующие математические методы и иметь математические машины. Таким образом, расчет оптимализации ставит ряд вопросов из области политической экономии социализма.

Связь расчета оптимализации с основными проблемами политической экономии социализма становится еще более ощутимой, когда мы переходим к применению этого расчета при планировании народного хозяйства в целом. Введение расчета оптимализации в практику планирования народного хозяйства требует соответствующего расширения экономической информации. Для этого расчета необходимо иметь соответствующие статистические данные и прежде всего правильную их классификацию; в особенности необходимы коэффициенты или так называемые нормы, определяющие затраты отдельных компонентов для производства единицы продукции, а так-

же капиталовложений, необходимых для увеличения производственной мощности на определенную величину.

О. Ланге считал, что подготовка и введение расчета оптимализации в план управления народным хозяйством — процесс постепенный и длительный. Поэтому нельзя ожидать слишком быстрых практических результатов. Но именно этим диктуется необходимость немедленно приступить к постепенному введению расчета оптимализации.

Экономисты социалистических стран Европы при исследовании вопросов совершенствования управления народным хозяйством и планирования указывают, что большое значение для них имели ленинские принципы экономического управления, опыт первых шагов создания социалистической экономики. И хотя условия строительства народного хозяйства в первые годы Советской власти отличались от условий, существующих в настоящее время, как отмечает чехословацкий экономист В. Пахман, в вопросах экономического управления полезно «посоветоваться» с В. И. Лениным⁸. В. Пахман указывает, что в 1921 г. при обсуждении первого перспективного народно-хозяйственного плана ГОЭЛРО В. И. Ленин советовал перейти от административного управления к экономическому, где от руководителей требовались осторожность, умение и скромность⁹. Коммунистическая партия Чехословакии и сейчас продолжает руководствоваться ленинскими идеями при решении проблем экономического и политического руководства, так как эти идеи актуальны и по сей день.

В этой связи В. Пахман считает, что главным для всех работников народного хозяйства было бы правильное понимание соотношения плана и рынка. Мы встречаемся с тем, что использование товарных отношений представляется чем-то подозрительным, «протаскиванием капитализма в социалистическую экономику». Некоторые понимают их как отклонение от принципов плана, а следовательно, от интересов общества. По мнению В. Пахмана, ленинское понимание управления экономикой показывает, что использование рынка как инструмента экономического управления, позволяет более глубоко и научно планировать, поскольку появляется возможность глубже исследовать потребности общества и использовать его моральные и материальные ресурсы. Все это указывает на то, что ленинское указание «учиться торговать» не утратило своей актуальности.

⁸ V. Pachman. O vztahu plánu a trhu. — *Hospodářské noviny*, 1965, № 6.

⁹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 42, стр. 346.

⁷ O. Lange. Od bilansowania do wyboru optymalnego planu. — *«Nowe drogi»*, 1965, № 2.

Проводящийся сейчас на страницах печати социалистических стран Европы открытый и товарищеский обмен мнениями на подлинно равноправной основе

способствует дальнейшему сближению братских стран, укрепляет их идейное и политическое единство, содействует развитию марксистско-ленинской теории.

С. Г. Заволжский, Л. И. Лукин

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ БОЛГАРСКОГО НАРОДА В 60-х — НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX в. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

Национально-освободительное движение против турецкого господства — одна из наиболее ярких страниц истории болгарского народа. История национально-освободительного движения не только всегда привлекала к себе внимание исследователей, но и являлась объектом идеологической борьбы. Буржуазные историки сознательно фальсифицировали ее, принижали роль героической борьбы масс, искажали образы борцов за свободу. Поэтому перед марксистской исторической наукой стоят задачи разоблачения буржуазных фальсификаций и создания подлинно научной истории героической борьбы народа за свободу и независимость.

Глубокое и принципиальное решение основных проблем болгарского национально-освободительного движения дано в работах основателей и руководителей Болгарской коммунистической партии — Д. Благоева, Г. Димитрова, В. Коларова, Х. Кабакчиева и др. Борьбу с буржуазной идеологией в период между двумя войнами вели выдающиеся ученые-марксисты Г. Бакалов, Т. Павлов, М. Димитров и др.

Подлинного расцвета болгарская историческая наука достигла в период социалистического строительства. За истекшие два десятилетия по истории национально-освободительного движения написан ряд обобщающих работ, десятки монографических исследований и сборников статей, сотни журнальных статей и научно-популярных брошюр.

В предлагаемом историографическом обзоре невозможно дать хотя бы краткую характеристику отдельных работ. Поэтому автор ограничился показом того, как современная болгарская историческая наука решает основные, наиболее сложные проблемы национально-освободительного движения 60-х — начала 70-х годов XIX в. Литература по истории Апрельского восстания 1876 г. может быть предметом особого исследования и поэтому не включается в данный обзор.

Как известно, в национально-освободительном движении болгарского народа к середине XIX в. оформилось три основных течения — революционное, либеральное и консервативное.

Решающую роль в революционном течении играло революционно-демократи-

ческое направление, отражавшее интересы основной массы крестьянства, городской мелкой буржуазии и бедноты, стремившихся к созданию Болгарской демократической республики. Революционные демократы не отказывались от дружественной помощи соседних государств и России. Но основной своей целью они считали подготовку всенародного вооруженного восстания в Болгарии. Это направление имело свой руководящий орган в лице Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК), созданного в 1870 г.

Либеральное течение отражало интересы средней и части либерально настроенной крупной буржуазии, страдавшей от турецкого господства, а также зажиточных ремесленников и торговцев. Они стремились изменить существующее положение, но, боясь революционной борьбы масс, рассчитывали добиться решения стоявших перед народом задач мирными средствами просвещения и договоренности с турецким правительством.

Консервативное течение отражало интересы крупной буржуазии. Та ее часть, которая экономически была тесно связана с турецкими рынками, не шла дальше требования предоставить Болгарии политическую автономию в рамках монархической Турции. Другая часть буржуазии, жившая преимущественно в эмиграции, ориентировалась на Россию и надеялась с ее помощью добиться создания независимого болгарского государства.

Но либералов и консерваторов объединяло отрицательное отношение к революционным методам борьбы, сосредоточение основного внимания на борьбе с греческим духовенством за самостоятельность болгарской церкви. Они рассчитывали добиться ограниченной или полной независимости Болгарии при помощи соглашения с правительством Турции или военной помощи России.

При изучении национально-освободительного движения в своей стране болгарские историки основное внимание сосредоточивали на исследовании характера его движущих сил, основных течений, которые в нем были, деятельности революционных и либеральных политических организаций, возглавлявших борьбу народа за независимость.

В исследованиях академиков Т. Павлова¹, М. Димитрова², Д. Косева³, Ж. Натана⁴ и других историков⁵, а также в об-

¹ Т. П а в л о в. За марксистска история на България. София, 1954; е го ж е. Избрани произведения. Т. III. Философия и исторически науки. София, 1960.

² М. Д и м и т р о в. Обществена мисъл и обществените течения, под чие влияние се е памирал Ботев. Обществени и политически течения у нас по времето на Ботева. «Съчинения на Христо Ботев», т. 1. София, 1945, стр. 9—180; е го ж е. Народните маси в България през епохата на възрождането — начало на българската демокрация. — «Философска мисъл», 1947, № 2.

³ Д. К о с е в. Лекции по нова българска история. София, 1951; е го ж е. Към въпроса за периодизацията на новата българска история. — «Исторически преглед» (далее — ИП), София, 1950, № 3; е го ж е. Идеалистическо и материалистическо разбиране на българското възрождане. ИП, 1948, № 3; е го ж е. Класовите отношения в България през възрождането. ИП, 1951, № 4—5.

⁴ Ж. Н а т а н. Българското възрождане. София, 1950; е го ж е. Класи и класови отношения в епохата на българското възрождане. ИП, 1945, № 1; По въпроса за периодизацията на нашата история. ИП, 1950, № 2; е го ж е. Отново по въпроса за класите и класовите отношения в България през възрождането. ИП, 1951, № 4—5.

⁵ Я. А т а н а с о в. Димитър Благоев и въпросите на икономическото развитие на България. — «Ново време», 1956, № 6; Е. Т. Б у ж а ш к и. Буржоазно-фашистки фалшификации на българското национално-революционно движение. ИП, 1952, № 3; Х. Г а н д е в. Фактори на българското възрождане. София, 1943; Г. Г р о з е в. История на българската философия. Ч. 1. София, 1957; Н. Д у ш к о в. Начало на българската демокрация. София, 1946; П. З а р е в. Българското възрождане и развитието на национално-освободителните борби (развитието на буржоазно-демократическата революция). София, 1949; И. С н е г а р о в. По периодизацията на българската история. ИП, 1951—1952, № 1; е го ж е. По въпроса за класите и класовите отношения през възрождането. ИП, 1952, № 2; Х. Х и н к о в. Стопански фактори за българското възрождане. София 1947; В. Х р и с т о в. Въстаници и чорбаджии. Според записките на А. Савич. София, 1947; А. Ц в е т к о в. Характер и движещи сили на българските национално-освободителни борби. София, 1955; Н. К о н д а р е в. За национално-освободителната епоха (наименование, граници и съдържание). «Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при вис-

обещающих работах⁶ дана всесторонняя и четкая оценка характера болгарского национально-освободительного движения и его движущих сил. В них доказано, что назревавшая в Болгарии революция носила буржуазно-демократический характер. Она призвана была одновременно осуществлять социально-экономические преобразования и решать задачи национального освобождения, так как без уничтожения турецкого военно-феодалного господства и завоевания политической независимости нельзя было ликвидировать феодальные отношения, наделить крестьянство землей, создать благоприятные условия для свободного развития капиталистических отношений. В них убедительно доказана решающая роль народных масс в революционном движении страны.

Серьезные успехи болгарской исторической науки были достигнуты в результате проведения глубокой научно-исследовательской работы и преодоления оптимизма буржуазно-националистического характера, встречавшихся у отдельных авторов, например у И. Орманджиева⁷.

Большой вред развитию болгарской исторической науки был нанесен В. Червенковым, насаждавшим порочные методы единоличного решения основных методологических проблем исторической науки. Между тем им были допущены крупные ошибки в определении характера национально-освободительного движения 60—70-х годов и его движущих сил. В ряде выступлений и особенно в статье «К 80-летию гибели Васила Левского»⁸ он неправомерно отождествлял социально-экономические условия и задачи революционного движения в России и в Болгарии. Им полностью игнорировался тот факт, что задачи национального освобождения, игравшие решающую роль в назревавшей болгарской буржуазно-демократической революции, не стояли перед революционным движением России. Червенков выдвинул ошибочное положение о том, что вся болгарская буржуазия, как класс, занимала враждебные позиции в отношении национально-осво-

шите учебни заведения». Год IV, кн. 3, 4. София, 1964.

⁶ «История на България». В два тома. Институт за българска история БАН, т. 1. София, 1954, стр. 297—451; «История на България». Второ преработено издание в три тома. Т. 1. София, 1961, стр. 301—449; «Кратка история на България». София, 1958, стр. 124—154; Д. К о с е в, Х. Х р и с т о в, Д. А н г е л о в. Кратка история на България. София, 1962.

⁷ И. О р м а н д ж и е в. Нова и най-нова история на българския народ. София, 1945.

⁸ «Работническо дело», 1953, 18 фев-раля.

бодительного движения и не принимала в нем никакого участия.

Следует отметить, что эти ошибки не нашли широкого распространения в болгарской исторической науке, особенно в обобщающих работах, а после Апрельского пленума ЦК БКП 1956 г. они были окончательно преодолены⁹.

При оценке классовой расстановки сил в национально-освободительном движении болгарского народа 60 — 70-х годов XIX в. значительную дискуссию вызвал вопрос об определении классового характера чорбаджийства. А. Цветков¹⁰, Н. Кондарев¹¹ и П. Зарев¹² искусственно, на наш взгляд, выделяли чорбаджийство в отличный от торгово-промышленной буржуазии класс. Академик Ж. Натан в ряде работ даже утверждал, что чорбаджийство было феодальным классом¹³.

Однако в настоящее время подавляющее большинство болгарских историков пришло к единодушному мнению по вопросу о классовом характере чорбаджийства. Они считают, что чорбаджиями в середине XIX в. называли представителей крупной торгово-ростовщической буржуазии, экономически и политически тесно связанных с турецким военно-административным аппаратом в Болгарии. В силу этого чорбаджии не были заинтересованы в полном и окончательном уничтожении турецкого господства и поэтому не принимали участия в национально-освободительном движении болгарского народа. Они эксплуатировали крестьян, ремесленников и мелкую буржуазию. Но форма этой эксплуатации носила не феодальный, а кабально-ростовщический характер.

В современной болгарской исторической

⁹ Ж. Натан. Двадесет и вторият конгрес на КПСС и българската историческа наука. ИП, 1962, № 3; Д. Косев. За състоянието и задачите на българската историческа наука. ИП, 1962, № 4; В. Хаджишиков. Двадесет години списание «Исторически преглед». ИП, 1964, № 2—3.

¹⁰ А. Цветков. Г. С. Раковски. Личност и дело. София, 1949; е го же. Георги Раковски. Исторически очерк. София, 1955; е го же. Г. С. Раковски и българският черковен въпрос. В сб.: «Георги Стойков Раковски», т. 1. София, 1964.

¹¹ Н. Кондарев. Идеологията на Любен Каравелов. София, 1957.

¹² П. Зарев. Българското възраждане. Поправено и допълнено издание. София, 1950.

¹³ Ж. Натан. Българското възраждане. София, 1950. е го же. Васил Коларов за икономическото и социално развитие на България. София, 1951; е го же. Идеологията на Христо Ботев. София, 1955.

кой науке убедительно показано, что 60-е годы XIX в. были переломными в истории болгарского национально-освободительного движения, в котором на первый план выдвинулось революционное течение. В эти годы родоначальник болгарской революционной идеологии Г. С. Раковский впервые выдвинул и обосновал идею борьбы за полное политическое освобождение от турецкого господства путем всенародного вооруженного восстания.

Г. С. Раковский развивал свою теоретическую и практическую революционную деятельность в обстановке, когда процесс идейного и организационного оформления революционного течения только начинался. Это обстоятельство не могло не оказать влияния на понимание им основных задач освободительного движения. Так, он считал, что народные массы без всякой предварительной подготовки стихийно поднимутся на вооруженную борьбу против своих угнетателей, объединившись вокруг гайдуцких отрядов и повстанческого полка, который должен был перейти с боями из Сербии в Болгарию, и таким образом добьются своего освобождения. Следовательно, Раковский не стремился создавать революционные организации внутри страны; основные свои надежды он возлагал на подготовку повстанческих отрядов в Сербии и Румынии и переброску их в Болгарию. Эта тактика получила в исторической науке наименование «четнической».

Революционная и общественно-политическая деятельность Раковского оказала большое влияние на все национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х годах XIX в. Наиболее всесторонне она исследована в биографических работах¹⁴, посвященных Раковскому, и соответствующих разделах монографических исследований и обобщающих трудов. Однако в оценке идеологии Раковского до настоящего времени в исторической науке нет полного единства. Ошибочное утверждение И. Орманджиева, что Раковский в одинаковой степени был просветителем и революционером, уделявшим основное внимание церковной борьбе¹⁵, было единодушно отклонено историками народно-демократической

¹⁴ Помимо указанных выше работ А. Цветкова см. В. Васев. Георги Раковски (биографичен очерк). София, 1961; З. Златев. Георги Раковски — военно-революционни възгледи и дейност. «Военно-исторически сборник», София, 1956, № 3; Н. Кондарев. За идеологията на Георги Раковски. «Философска мисъл», София, 1959, № 3; Г. Стойков. Раковски. Възгледи, дейност и живот. Сб. т. 1, София, 1964.

¹⁵ И. Орманджиев. Нова и най-нова история на българския народ. София, 1945, стр. 332.

Болгарии. Большинство из них оценивают идеологию Раковского как революционно-демократическую, отражавшую интересы широких масс болгарского народа. Д. Косев при этом подчеркивает, что «революционно-демократическая идеология Раковского не является такой же ясной и завершенной, как идеология Левского и Ботева»¹⁶. Еще более четко подчеркивает эту мысль Ж. Натан. «Экономические взгляды Г. С. Раковского, — пишет он, — не были до конца последовательными революционно-демократическими взглядами. Раковский в известном смысле был противоречив и раздвоен. В некоторых своих высказываниях об экономическом развитии болгарских земель он был выразителем интересов зарождавшегося у нас буржуазного класса. В других своих высказываниях он был выразителем интересов народных низов. Эта раздвоенность и противоречивость объяснялась тем, что революционно-демократическая идеология здесь только зарождалась. Раковский был родоначальником этой идеологии, которая нашла наивысшее свое развитие во взглядах великого революционного демократа и социалиста-утописта Христо Ботева»¹⁷.

Н. Кондарев, наоборот, хотя и говорит мимоходом о некоторых слабостях в идеологии Раковского, однако прежде всего подчеркивает отсутствие глубоких качественных различий в идеологии Х. Ботева, В. Левского и Г. Раковского. По его мнению, это объяснялось тем, что и Левский, и Ботев, и Каравелов, и Раковский в одинаковой степени стремились уничтожить турецкое господство и создать общество без эксплуатации, в котором народ станет господином своей судьбы¹⁸.

Весьма противоречивы, по нашему мнению, взгляды А. Цветкова. Так, определяя Раковского как революционного демократа, он одновременно с этим утверждает, что «...Раковский стал пламенным идеологом прогрессивной болгарской буржуазии» и пишет о «... революционно-демократической буржуазной идеологии Раковского»¹⁹.

Таким образом, вопрос об идеологии Раковского еще не решен окончательно болгарскими учеными.

Большое внимание уделяет болгарская историческая наука исследованию истории Болгарского революционного цент-

рального комитета, создателями и руководителями которого были В. Левский, Л. Каравелов, Х. Ботев и их сподвижники. Все историки, занимающиеся этим вопросом, пришли к выводу, что БРЦК был единственной революционно-демократической организацией болгарского народа в период его героической борьбы против турецкого господства. Он вовлек в революционную борьбу широкие массы народа, поставив перед ним благородную задачу уничтожения турецкого господства и создания Болгарской демократической республики.

Но если при оценке характера БРЦК и его роли в истории национально-освободительного движения болгарские историки единодушны, то по ряду частных вопросов между ними существуют серьезные разногласия. Прежде всего продолжают споры о времени и месте создания БРЦК. Наиболее распространенной является точка зрения, выдвинутая проф. А. Бурмовым. Он считал, что ученик Раковского, великий революционный демократ В. Левский к лету 1869 г. отошел от четнической тактики своего учителя и выдвинул идею создания революционных комитетов внутри Болгарии. Весной 1870 г. к нему присоединилась группа Л. Каравелова. Их совместными усилиями к 17 апреля 1870 г. был создан бухарестский Болгарский революционный центральный комитет, для которого Л. Каравелов написал программные документы²⁰. С небольшими уточнениями эту точку зрения поддерживают И. Унджиев²¹, Н. Кондарев²², Ж. Натан²³, Й. Митев²⁴ и другие историки.

Однако сам А. Бурмов в последние годы несколько изменил свою точку зрения. В последних своих исследованиях он утверждает, что Л. Каравелов, появив-

²⁰ А. Б у р м о в. Болгарски революционен централен комитет (1868—1876). 1-е изд., София, 1943; 2-е изд., София, 1950.

²¹ И. У н д ж и е в. Васил Левски. София, 1945. 2-е изд. София, 1957.

²² Н. К о н д а р е в. Васил Левски. Биография. София, 1946; сго же. В. Левски. Поуки и изводи. Пловдив, 1945; сго же. Идеологията на Любен Каравелов. София, 1957; сго же. Любен Каравелов в началната история на БРЦК. «Годишник на инженерно-строителния институт» (Далее — ГИСИ). Он считает, что руководящую роль в революционном движении играл бухарестский БРЦК во главе с Л. Каравеловым. Ловечский же БРЦК был создан Левским после организации бухарестского ЦК и работал под его руководством.

²³ Ж. Н а т а н. Болгарското възраждане..., стр. 137—240.

²⁴ Й. М и т е в. Кратка история на българския народ. София, 1951, стр. 189—193.

¹⁶ Д. К о с е в. Идеологията на Г. С. Раковский. В сб.: «Георги Стойков Раковский», стр. 40.

¹⁷ Ж. Н а т а н. Г. С. Раковский за икономическото развитие на България. В сб.: «Георги Стойков Раковский», стр. 58.

¹⁸ Н. К о н д а р е в. За идеологията на Георги Раковский..., стр. 98—113.

¹⁹ А. Ц в е т к о в. Г. С. Раковский — личност и дело..., стр. 99, 101.

шийся в Бухаресте 2 мая 1869 г., вынужден был выбрать между консервативно-монархической «Добродетельной дружиной» и группой «Молодая Болгария», группировавшейся вокруг читальни «Братская любовь» и газет «Народност» и «Тъпан». Он присоединился к последним, стремясь направить их деятельность по революционному пути. При их помощи в первой половине октября 1869 г. Л. Каравелов и создал в Бухаресте Болгарский революционный центральный комитет, в который входил и В. Левский²⁵.

В 1958 г. специальную работу, посвященную этому вопросу, опубликовал акад. Д. Косев. Он доказывал, что к маю 1870 г. в Бухаресте не был создан БРЦК. В. Левский, пишет он, не сумел убедить эмиграцию в необходимости создания БРЦК, в конце мая 1870 г. возвратился в Болгарию, где при помощи своих соратников в конце 1870 — начале 1871 г. и создал БРЦК с центром в г. Ловеч. Ловечский ЦК с этого времени возглавлял революционное движение болгарского народа. Летом 1871 г., стремясь объединить все революционное движение внутри страны и в эмиграции, Левский вступил в переговоры с группой Л. Каравелова о созыве собрания революционеров. В апреле — мае 1872 г. такое собрание состоялось в Бухаресте, где и был создан единый БРЦК во главе с Л. Каравеловым²⁶. В последнее время эту точку зрения поддерживают С. Трендафилов и Б. Куюмджиев²⁷.

Акад. М. Димитров в большой биографической работе о Л. Каравелове, вышедшей в 1959 г., выдвинул компромиссную точку зрения, согласно которой в апреле 1870 г. Л. Каравелов и его сторонники создали бухарестский БРЦК, носивший характер пропагандистского общества. Каравелов написал его программу и действовал от его имени. В. Левский не был согласен с этой программой. Поэтому он отказался войти в состав бухарестского БРЦК и выехал в Болгарию, где создал БРЦК с центром в Ловеч. Затем

²⁵ А. Бурмов. Съществувал ли е Централен български комитет в Букурещ през 1869—1872 гг.? ИП, 1961, № 3; его же. Българското национално революционно движение и българската емиграционна буржуазия през 1867—1869 гг. ИП, 1961, № 5, его же. Любен Каравелов и създаването на Българския революционен централен комитет в Букурещ. «Известия на Института за История БАН», т. 14—15. София, 1964.

²⁶ Д. Косев. Към историята на революционното движение в България през 1867—1871. София, 1958.

²⁷ С. Трендафилов, Б. Куюмджиев. Вътрешната революционна организация и национално-революционните борби в България от предосвободителната епоха (1868—1876). София, 1959.

после длительных переговоров на Бухарестском собрании революционеров в апреле-мае 1872 г. эти два комитета объединились²⁸. Эта точка зрения излагается Димитровым и во втором издании коллективной истории Болгарии. Только время создания бухарестского БРЦК во главе с Л. Каравеловым он относит теперь к концу 1869 г.²⁹

В современной болгарской исторической литературе существуют и другие предположения о времени возникновения бухарестского БРЦК, которые варьируют в основном указанные выше точки зрения.

До настоящего времени в исторической науке идут также споры и по вопросу об оценке идеологии выдающегося болгарского писателя, литературного критика, публициста, крупнейшего деятеля революционного движения 60—70-х годов XIX в. Л. Каравелова. Давая общую оценку его деятельности, все болгарские историки считают, что он был великим патриотом, сыгравшим выдающуюся роль во всем национально-освободительном движении болгарского народа. Однако, анализируя классовый характер идеологии Каравелова, они дают ей различную оценку. Одна группа историков (Т. Павлов³⁰, Д. Косев³¹, Ж. Натан³², А. Бурмов³³, Н. Кондарев³⁴, П. Зарев³⁵, И. Конев³⁶ и другие³⁷), не отрицая ко-

²⁸ М. Димитров. Любен Каравелов. Биография. София, 1959, стр. 222—226.

²⁹ «История на България...», т. 1. София, 1961, стр. 429—434.

³⁰ Т. Павлов. Христо Ботев. София, 1949, стр. 101.

³¹ Д. Косев. Към историята на революционното движение в България през 1867—1871 гг. София, 1959, стр. 84—91. В более ранней работе он называл его мелкобуржуазным радикалом-демократом. См. Д. Косев. Лекции..., стр. 193.

³² Ж. Натан. Българското възраждане..., стр. 225—259. В этой работе он называет его то буржуазным радикалом (стр. 236, 246), то радикал-демократом (стр. 253), то великим революционным демократом (стр. 238—245, 250, 253, 257).

³³ А. Бурмов. Любен Каравелов — бележит революционер-демократ. «Младек», 1954.

³⁴ Н. Кондарев. Идеологията на Любен Каравелов.

³⁵ П. Зарев. Любен Каравелов. Мироглед и художествено творчество. — «Септември», 1955, № 4.

³⁶ И. Конев. Любен Каравелов и Сърбия. «Известия на института за българска литература БАН» (далее — ИИБЛ), 1955, кн. III; его же. Към въпроса за влиянието на руската обществена мисъл от 60-те години на XIX в. върху Любен Каравелов. ИИБЛ, 1958, кн. VI.

³⁷ В. Христу. Любен Каравелов за

лебаний Л. Каравелова в сторону либерального просветительства, считает, что не они имеют определяющее значение для понимания его идеологии. Они доказывают, что при всех своих колебаниях и непоследовательности Л. Каравелов был прежде всего революционным демократом, отражавшим революционные устремления широких масс трудового народа.

Другая группа историков, не отрицая больших заслуг Л. Каравелова перед болгарским народом и революционно-демократический характер многих его статей, публиковавшихся в газетах «Свобода» и «Независимость», все же считает, что написанные им документы БРЦК, публицистика и литературное творчество не дают оснований определять его идеологию как революционно-демократическую. Акад. М. Димитров в большой биографической работе о Л. Каравелове, в специальных статьях и написанных им разделах «Истории Болгарии» считает его просветителем и либералом³⁸. Он пишет: «Каравелов до приезда в Бухарест, т. е. до его соприкосновения с болгарским революционным движением, был просветителем-славянофилом в широком смысле этого слова... Под влиянием болгарского революционного течения, под влиянием Левского Каравелов приблизился к революционному движению. Однако он не освободился окончательно от взглядов, характерных для славянофильства. Каравелов считал, что цель революционного движения должна ограничиваться лишь освобождением болгарского народа от турецкого рабства, т. е. он остался революционером национального типа. Здесь бы добавил, что в своей революционности он проявил не меньшую половинчатость, так как и в этот период он предпочитал, чтобы освобождение Болгарии пришло извне, главным образом от Сер-

федерацията. София, 1948; Д. Л е к о в. Любен Каравелов и западного просветительство. «Известия на института Ботев-Левски БАН» (далее — ИИБ-Л), 1959, кн. III; Г. К а р а с л а в о в. Любен Каравелов велик писател, революционер деец и патриот. — «Септември», 1954, № 3; — «Исследования и статьи за Любен Каравелов». София, 1963.

³⁸ М. Д и м и т р о в. Любен Каравелов. Биография..., стр. 54—56, 61, 74—82, 85—90 и др.; е г о ж е. За идеологията на Любен Каравелов и неговото място в революционното движение, кн. II, ИИБ-Л. София, 1956; е г о ж е. За дейността и идеите на Любен Каравелов. ИП, 1952, № 2; е г о ж е. К вопросу об идеологии Любена Каравелова. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР» (далее — УЗИС), т. XVI. М., 1958; е г о ж е. Христо Ботев. Биография. София, 1948; «История на България», 1-е изд., т. 1, стр. 429; 2-е изд., т. 1, стр. 425—440.

бии. После казни Левского и разгрома части революционной организации Каравелов отказался от революционного способа действия, рассчитывая, что Болгария будет освобождена Сербией»³⁹.

Оценки, даваемые Л. Каравелову болгарскими историками, чрезвычайно разнообразны и противоречивы. Так, Г. Константинов называет Л. Каравелова буржуазным радикалом⁴⁰, И. Унджиев — прогрессивным радикалом-демократом⁴¹, В. Велчев подчеркивал, что он «стоял на стороне нового класса — буржуазии, которая в то время выражала интересы и остального народа»⁴². М. Арнаудов в своей обширной биографии Л. Каравелова утверждает, что тот всегда был просветителем и революционером одновременно⁴³. Х. Гандев видит в Л. Каравелове последователя итальянского буржуазного революционера Д. Мадзини⁴⁴. Г. Грозев считает, что Л. Каравелов был «знаменитый национал-революционер, который в бухарестский период своей деятельности только в некотором отношении приближался к революционному демократизму»⁴⁵. Хотя болгарская историческая наука и не пришла к единому мнению в этом вопросе, бесспорно, что дискуссия углубила представления о Л. Каравелове как выдающемся представителе национально-освободительного движения.

Болгарские историки добились больших успехов в освещении деятельности различных буржуазных группировок как принимавших, так и не принимавших участия в национально-освободительном движении, а также хода болгаро-греческой церковной борьбы и культурного развития Болгарии в этот период. Существенных разногласий по этим вопро-

³⁹ М. Д и м и т р о в. К вопросу об идеологии Любена Каравелова..., стр. 78.

⁴⁰ Г. К о н с т а н т и н о в. Л. Каравелов. Живот — идеи — литературно наследство. София, 1949, стр. 50, 57, 112—113.

⁴¹ И. У н д ж и е в. Към въпроса за отношенията между Любен Каравелов и Васил Левски, кн. II, ИИБ-Л, 1956, стр. 94, 108.

⁴² В. В е л ч е в. Любен Каравелов и Гоголь (К истории русского литературного влияния в Болгарии). «Ученые записки Московского государственного университета», филологический факультет, кн. 3, 1948, стр. 93—94.

⁴³ М. А р н а у д о в. Любен Каравелов. Живот, дело, эпоха. 1834—1879. София, 1964, стр. 158—159, 328—335, 429—430.

⁴⁴ Х. Г а н д е в. Васил Левски. Политически идеи и революционна дейност. София, 1946, стр. 50—68.

⁴⁵ Г. Г р о з е в. История на българската философия, ч. 1. София, 1957, стр. 106.

сам в исторической науке нет. Можно отметить только, что Х. Гандев, Д. Шелудко⁴⁶, а также И. Унджиев и А. Бурмов⁴⁷ несколько преувеличивали роль возникшего в 1866 г. Болгарского тайного центрального комитета в освободительном движении болгарского народа и особенно в создании БРЦК. С ними полемизируют в своих работах М. Димитров и Д. Косев⁴⁸, которые убедительно показали, что БТЦК представлял собой маловлия-

⁴⁶ Х. Г а н д е в. Васил Левски..., стр. 9—23, 50—105; Д. Ш е л у д к о. Любен Каравелов, Васил Левски и начало на Българския революционен централен комитет. «Известия на Института „Ботев“ БАН», София, 1954, кн. 1.

⁴⁷ И. У н д ж и е в. Васил Левски...; А. Б у р м о в. Български революционен централен комитет...; е г о ж е. Съществувал ли е...; е г о ж е. Българското национално революционно движение...

⁴⁸ М. Д и м и т р о в. Васил Левски в осветление на най-новата ни историческа литература. И. П., 1947, № 1; е г о ж е. Още веднаж към въпроса за идеологията на Левски. И. П., 1948, № 3; Д. К о с е в. Към историята..., стр. 5—53.

тельную организацию либеральной буржуазии, стоявшую на монархических позициях и борющуюся за ограниченную политическую автономию Болгарии в рамках Турции. Кратковременная ее популярность в среде прогрессивно настроенных эмигрантов объяснялась тем, что И. Касабов и другие ее руководители прикрывали свою буржуазно-либеральную программу революционной фразеологией и внешним сочувствием революционным выступлениям 1867—1868 гг. в Болгарии.

Все изложенное дает возможность сделать вывод о том, что историки народно-демократической Болгарии провели большую исследовательскую работу при изучении национально-освободительного движения 60-х — начала 70-х годов XIX в. С марксистско-ленинских позиций они всесторонне осветили героическую борьбу болгарского народа против турецкого военно-феодалного господства. Хочется пожелать большому отряду болгарских историков, занимающихся изучением истории национально-освободительного движения, дальнейших успехов.

С. И. Сидельников

ТРУДЫ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1962—1965

Социально-экономическая история Чехии и Словакии позднего средневековья долго оставалась одной из наименее изученных областей исторической науки. Лишь в последние 15—17 лет чехословацкие историки приступили к ее всестороннему исследованию.

Весьма активно разрабатывает указанные проблемы кафедра истории Чехословакии Карлова университета в Праге. При ней созданы три творческих группы по изучению 1) истории классовой борьбы в деревне, 2) истории развития цен и заработной платы и 3) «демографическая группа». В работе этих групп активное участие принимают работники архивов Праги и других городов.

Значительных успехов добилась первая группа. Здесь главное внимание исследователей сосредоточено на изучении двух крупнейших крестьянских выступлений — восстания 1680 г. и движения крестьян за освобождение от крепостной зависимости в 1775 г. Классовая борьба крестьян Чехии в позднее средневековье не относится к числу тем, богатых источниками¹. Поэтому чехословацкими учеными было предпринято подробное обследование местных архивов, материалы

которых до 1945 г. не всегда были доступны, поскольку находились в частных руках. Работа в венских архивах помогла сотрудникам группы получить ряд неизвестных ранее данных и выяснить немало запутанных вопросов. В 1962 г. Я. Кашпар опубликовал работу «О крестьянском движении после Тридцатилетней войны»² и подготовил исследование о границах распространения восстания 1680 г. В 1965 г. вышла монография «Борьба крепостных крестьян Фридлантского панства в 1679—1687 гг.» известного чехословацкого исследователя проблем классовой борьбы в деревне Йозефа Кочи³. На богатом материале фридлантского патрионального архива автор не только нарисовал картину борьбы крестьян в одном из крупнейших поместий Северной Чехии, но и показал особое значение движения в этом районе для всего восстания 1680 г. Й. Кочи — в противоположность господствовавшему до

«Zápisky katedry československých dějin», г. 7, 1963.

² J. K a š p a r. Z nevolnických hnutí po Třicetileté válce. Sb.: «Minulost Západočeského kraje», I, 1962.

³ J. K o č i. Odboj nevolníků na Frydlantsku 1679—1687. Příspěvek k povstání nevolníků v Čechách v r. 1680. Liberec, 1965.

¹ Об источниках по восстанию 1680 г. см.: J. K a š p a r. O pramenech k nevolnickému povstání v Čechách r. 1680.—

ших пор в литературе мнению — показывают, что началом восстания крестьян в Чехии нужно считать события во Фридланте осенью 1679 г., а не выступления в Честинском панстве Чаславского края, где до восстания дело вообще не дошло. В первых главах монографии автор рассказывает об экономических и социальных изменениях во Фридлантском панстве XVII в. Весьма эффективно использован при этом сравнительный метод для анализа источников. Хотя исследование И. Кочи посвящено довольно узкой теме, привлечение сравнительного материала о событиях в соседних панствах делает работу далеко выходящей за рамки обычных локальных исследований: в 3-й главе, например, фактически дана полная картина восстания в северной части Богемской области.

Подобное же исследование документов центральных и местных архивов было предпринято и группой сотрудников, изучающих движение чешских крестьян против крепостной зависимости в 1775 г. Результатом их работы явилось издание двух сборников статей о восстании 1775 г., последний из которых вышел в свет в 1962 г. под редакцией ныне покойного члена-корреспондента Чехословацкой академии наук, проф. В. Гусы и канд. ист. наук И. Петраша⁴. Кроме исследований по различным вопросам восстания 1775 г., в сборнике опубликованы новые документы об этом важном событии в истории классовой борьбы чешских крестьян. Необходимо отметить, что чехословацкие историки не только рассматривают историю крестьянского движения на основании неизвестных ранее источников, но — и это главное — освещают крестьянские восстания с марксистских методологических позиций и тем самым выявляют действительную роль народных масс в чешской истории периода позднего средневековья.

Интенсивные исследования ведутся и по истории цен и заработной платы в XVI — XVII вв. Пражская группа активно сотрудничает при этом с архивными работниками других городов и с аналогичным объединением ученых при Брненском университете.

Если изучение крестьянских движений наталкивается на трудности разыскания источников, то исследователи истории цен и заработной платы стоят перед проблемами диаметрально противоположного характера. Им необходимо сделать множество подсчетов по документам государственных, городских и патримонических архивов. Впрочем есть основания полагать, что с помощью математических машин нужные подсчеты будут произведены историками Чехословакии — по край-

ней мере для первых работ — уже в ближайшее время. Группа периодически собирается на коллоквиумы для обсуждения хода и результатов исследований. На одном из коллоквиумов (20—21 сентября 1962) было заслушано семь докладов, опубликованных в том же году⁵.

Доклад проф. В. Гусы и И. Петраша⁶ знакомит с методологическими спорами, имевшими место перед второй мировой войной, по истории цен. Авторы высказывают также свою точку зрения по всем затрагиваемым проблемам, в частности о причинах так называемой революции цен. В докладе Я. Гонца⁷ обращено внимание на интересные попытки систематизации источников о развитии цен в Чехии, Моравии, Силезии. Автор оценивает также первые работы по этому вопросу, написанные с марксистских позиций, и информирует читателей о деятельности творческих групп по истории цен и заработной

Группа нумизматов, возглавляемая проф. Е. Ногейловой-Пратовой, сообщила в том же выпуске «Записки» нумизматические данные по истории цен и заработной платы за период 1469—1612 гг.⁸ Вызывает интерес приводимая в статье таблица денежных систем за указанное время, а также обзор официального курса цен и драгоценных металлов (золота и серебра) в сравнительном плане.

Результаты предварительных исследований документов о ценах на сельскохозяйственные и промышленные товары и заработной плате наемных рабочих по материалам ряда городских архивов изложены в докладе Ш. Казимира⁹. Словацкий историк приходит к выводу, что развитие изучаемых явлений имеет в Словакии те же тенденции, что и в соседних странах, особенно в Польше и Австрии.

Методы исследования истории цен и заработной платы рассматривались в докладе В. Быстрицкого¹⁰. Наконец, группа авторов изложила результаты исследо-

⁵ «Zápisky katedry československých dějin a archivního studia», r. 6. — «Kolokvium o dějinách cen a mezd v 16. a 17. století». Praha, 1962.

⁶ V. H u s a, J. P e t r a š. Mezinárodní studium dějin cen a mezd v 16.—17. století. Ibid., s. 7—26.

⁷ J. H o n c. Přehled československé literatury k dějinám cen a mezd za léta 1788—1962. Ibid., s. 27—44.

⁸ E. N o h e j l o v á - P r á t o v a, A. M a l á, L. N e m e š k a l, Z. J e l í n e k. Numismatické příspěvky k dějinám cen a mezd údobí 1469—1612. Ibid., s. 45—102.

⁹ S. K a z i m í r. K vyvoju cen a mezd na Slovensku v 16. a 17. stor. Ibid., s. 103—126.

¹⁰ V. B y s t r i c k ý. K metodickým otázkám studia dějin tzv. pohyblivých cen zboží a mezd. Ibid., s. 127—146.

⁴ «Příspěvky k dějinám třídních bojů v Čechách». Praha, 1962 (Acta Universitatis Carolinae, Philosophica et historica, 3).

вания цен на недвижимое имущество в Чехии 15—16 вв.¹¹.

В нумизматическом сборнике был опубликован сделанный на том же коллоквиуме доклад Й. Петрания о причинах и результатах «революции цен» в Центральной Европе¹².

В последнее время группа сосредоточила свое основное внимание на исследовании истории цен на земли феодалов и крестьян и другую недвижимость. Начало этой работы было положено статьей Й. Валки¹³. Аналогичной же тематике посвящен и очередной сборник статей группы по истории цен, вышедший в 1963 г.¹⁴.

Чешские и словацкие историки активно включились в дискуссию по проблемам революции цен в Центральной Европе, проводившуюся в научной прессе Польши, Венгрии и других стран. Эти проблемы рассматриваются и в работе Ш. Казимира¹⁵. Выразив свое отношение к концепциям С. Хошовского, Т. Витмана и других, Ш. Казимир на основании исследования процесса развития цен, денежно-го обращения и феодальной ренты в Спишской области пришел к выводу, что революция цен захватила в XVI в. и территорию Словакии. В противоположность венгерскому исследователю Витману Ш. Казимир считает, что нельзя рассматривать наплыв неполноценной польской монеты на спишский рынок как причину повышения цен. Относительный недостаток денег в рыночном обороте приводил к тому, что и неполноценная монета поднималась до своей номинальной стоимости. Проанализировав урбарии Спишского панства за 1565, 1583 и 1605 гг., автор пришел к выводу, что панство быстро реагировало на изменение цен сельскохозяйственных продуктов на рынке и в соответствии с этим изменяло повинности своих подданных в деревнях и местечках, применяясь к новым масштабам цен. Таким образом, процесс революции цен отразился и на положении зависимого население:

увеличились их барщинные и другие повинности.

Вопросам цен и заработной платы посвящена также статья сотрудника брненской творческой группы по изучению истории цен Й. Новотного¹⁶. Эта группа периодически публикует результаты своих исследований в выходящем на ротапринтере бюллетене¹⁷.

За последние годы в Чехословакии появилось значительное количество исследований и по другим проблемам экономики позднего средневековья. Экономическому развитию деревни XVI — начала XVII в. посвящены работа Й. Валки¹⁸, статьи Й. Ирасека и И. Халуцецкого¹⁹.

Земледельческое производство феодального поместья в Чехии во второй половине XVI и начале XVII в. рассматривается в монографии Й. Петрания²⁰. Впервые в исторической литературе автор уделяет внимание развитию сельскохозяйственной техники, способам обработки земли и т. д. в различных областях Чехии. Вторую главу своей работы Й. Петрания посвящает исследованию связей феодального и крестьянского хозяйства с рынком и приходит к выводу о преобладании на рынке предбелогорской Чехии крестьянских продуктов. На этом основании он делает заключение о капиталистических тенденциях в развитии чешской деревни второй половины XVI в. Весьма интересными представляются выводы автора и по вопросам цен и заработной платы в описываемый период. Ряд мелких работ посвящен панскому предпринимательству и некоторым другим вопросам²¹.

Обширная литература появилась по проблемам социального и правового положения крестьянства в позднее средневековье. На первое место следует здесь по-

¹¹ M. Bělohlávek, M. Košťál, J. Tomáš. Ceny nemovitostí v Čechách v 15—16. století. Ibid., s. 147—167.

¹² J. Petrání. K problémům tzv. «cenové revoluce» ve Střední Evropě.— «Numismatický sborník», VIII, 1963—1964, s. 47—74.

¹³ «Ceny, mzdy a měna», č. 2, Brno, 1963 (бюллетень группы по истории цен и зарплата в Брно, на ротапринтере).

¹⁴ Сборник вышел на ротапринтере под названием: «Přspěvky k dějinám cen nemovitostí v 16.—18. století», Praha, 1963.

¹⁵ Š. Kazimír. Príspevok k otázke tzv. cenovej revolúcie na Slovensku v 16. stor.— «Československý časopis historický», 1964, č. 4.

¹⁶ J. Novotný. Cena pracovních sil a hlavních životních potřeb v Brně v 16. a 17. stol.— «Sborník Matice Moravské», d. 82, 1963.

¹⁷ «Ceny, mzdy a měna», č. 1—8, Brno, 1963—1965 (Publikace komise pro dějiny cen, mezd a měny).

¹⁸ J. Válka. Hospodářská politika feudálního velkostátku na předbělohorské Moravě. Praha, 1962.

¹⁹ J. Jirásek. Moravský venkov před Bílou horou.— «Casopis Moravského Musea», d. XLVIII, 1963; I. Chalupcecký. Hospodářské pomery na severovýchodnom Špiži v polovici 18. stor.— «Historické štúdie», X, 1965.

²⁰ J. Petrání. Zemědělská výroba v Čechách v druhé polovině XVI a počátku XVII stol. Praha, 1963 (Acta Universitatis Carolinae).

²¹ Например, J. Jirásek. Pivovary na Moravě koncem 16. stol.— «Casopis Moravského Musea», d. XLVII, 1962; M. Skalaný. Rybníkářstvo na fuggеровском панстве Červený Kamen v 16. stol.— «Historické štúdie», X, 1965.

ставить монографию Й. Петрания о положении зависимого населения Чехии накануне Тридцатилетней войны²². Подробно этот вопрос до сих пор еще не освещался ни в буржуазной, ни в марксистской литературе. Используя богатейший, всесторонний архивный материал, Й. Петрания дал широкую картину экономического развития Чехии накануне Тридцатилетней войны, уделив особое внимание социальному и правовому положению крестьян. Хронологически работа охватывает период от середины XVI в. до 1618 г. Впервые в чехословацкой исторической литературе автор анализирует экономические причины политической катастрофы, постигшей Чехию в 1620 г.

О положении словацкого крестьянства в первой половине XVIII в. написал большое исследование словацкий историк П. Хорват, который также сделал попытку теоретически осмыслить особенности второго издания крепостного права в Словакии²³. Ряд статей чехословацких историков посвящен изучению положения крестьян в отдельных панствах²⁴.

Значительное внимание в последние годы уделяется также социально-экономическому развитию позднесредневекового города. Обзор развития ремесленного производства в чешских землях в период феодализма дает монография Й. Яначека²⁵. О развитии ремесла в моравских городах XVI в. рассказывается в статье Й. Марека²⁶, вопросы международной торговли и международных экономических отношений исследуются в статьях

²² J. P e t r á ň. Poddaný lid v Čechách na prahu Třicetileté války. Praha, 1964.

²³ P. H o r v á t h. Poddaný ľud na Slovensku v prvej polovici XVIII stor. Bratislava, 1963; P. H o r v á t h. Poddanská otázka na Slovensku v období tzv. druhého nevolníctva.— «Historické štúdie», X, 1965. Весь том посвящен вопросам аграрной и экономической истории Словакии в период позднего феодализма.

²⁴ J. H r a b ě t o v á. K poddaným poměrům na panství kláštera hradištského v I. pol. 17. století.— «Sborník Matice Moravské», d. 82, 1963; K. R e b r o. K otázce práv poddaného k usadlosti do roku 1848.— «Historické štúdie», VIII, 1963; V. P r o c h á z k a. Česká poddaná nemovitost v pozemkových knihách 16. a 17. století. Praha, 1963; M. Š m e r d a. Těšínsko před povstáním v roce 1766. Ostrava, 1962; J. K o ť í. Robotní povinnosti poddaných v českých zemích po Třicetileté válce.— «Československý časopis historický», 1963, č. XI, s. 331—340.

²⁵ J. J a n á č e k. Přehled vývoje řemeslné výroby v českých zemích za feudalismu. Praha, 1963.

²⁶ J. M a r e k. Remeslná výroba v moravských městech v 16. století.— «Sborník Matice Moravské», d. 61, 1962, s. 124—154.

М. Гроха, Б. Бадюры, Й. Влаховича²⁷ и других. Особенно интересна обзорная статья Ф. Кавки об основных проблемах развития средневекового города Чехии и Моравии в XVI в.²⁸. Экономическое развитие словацких городов рассматривается в статьях Ш. Казимира и П. Хорвата²⁹.

Словацкие историки уделяют много внимания изучению классовой борьбы в городах. Исследованию самого крупного городского движения в средневековой Словакии посвятил обширную монографию П. Раткош³⁰. Борьба среднесловацких городов с попытками Габсбургов установить в Словакии свой абсолютизм в XVI в. отражена в статье Й. Возара³¹. Социальная борьба в моравских королевских городах в начале XVI в. освещается в исследовании Й. Држимала³².

Следует, наконец, остановиться на работе чехословацких историков, связанной с изданием источников по интересующим нас проблемам. Основная масса изданий освещает экономическое развитие деревни. Так, под редакцией Ф. Кутнара в 1962 г. вышел второй том хрестоматии «Наше национальное прошлое в документах», охватывающий период с 1781 по 1848 гг.³³ Издание предпринято в учебных целях. С обширным введением издали моравский терезианский кадастр, а также же первый том чешского терезианского

²⁷ M. H r o c h. Obchod mezi východní a západní Evropou v období počátků kapitalismu— «Československý časopis historický», d. 6, 1963, s. 480—511; B. B a d' u r a. Z pramenů k rustickým objevným cestám v 2. pol. 18. století v mexickém archívním fondu. Ibid., s. 805—813; J. V l a c h o v i č. Slovak cooper boom in world markets of the 16th and in the first quarter of the 17th centuries.— «Studia historica slovac», I. Bratislava, 1963, s. 9—29.

²⁸ F. K a v k a. Die Hauptfragen der Städteforschung im 16. Jahrhundert in Böhmen und Mähren.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Bd. X, 1962, S. 153—161.

²⁹ S. K a z i m í r. Hospodarenie mesta Trnavy v druhej polovici 16. stor.— «Historické štúdie», IX, 1964; P. H o r v á t h. Remeslo a obchod v Trencianskej stolici 17. stor.— «Vlastivedný časopis», XIII, 1964.

³⁰ P. R a t k o š. Povstanie baníkov na Slovensku 1525—1526. Bratislava. 1963.

³¹ J. V o z á r. Boj stredoslovenských banských miest proti prejavom habsburského absolutizmu v 16. stor.— «Sborník archívnych prací», d. 12, 1962, č. 2, s. 87—117.

³² J. D ř í m a l. Sociální boje v moravských kralovských městech ve 20. letech 16. století.— «Brno v minulosti a dnes», d. 5, 1963, s. 114—167.

³³ «Naše národní minulost v dokumentech», d. 2 (1781—1848), Praha, 1962. Первый том вышел в 1954 г.

кадастра³⁴. Опубликованы урбарии отдельных панств, налоговые реестры XVI в., ревизитации «берни рулы»³⁵. Продолжается издание источников, от-

³⁴ J. Radimský, M. Trantírek. Tereziánský katastr moravský. Praha, 1962; «Tereziánský katastr český», sv. I — Rustical (Krajé A.— Ch). Praha, 1964.

³⁵ V. Nekuda. Urbáre na panství brněnské kapituly. — «Časopis Moravského Musea», d. 47, 1962, s. 43—66; J. Kolman p. Berní rejstříky a berne roku 1567. — «Sborník archivních prací», d. 13, 1963, č. 1, s. 169—246; J. Tomá p. Revisitace berní rule na panství Orlicko-zvíkovském. — «Jihočeský sborník historický», 1962, s. 29.—37. «Берни рула» — это описание всего имущества населения с целью его обложения государственной податью. Описание время от времени обновлялась и исправлялась. Исправленные экземпляры описи и носят название «ревизитаций».

носящихся к истории Тридцатилетней войны³⁶.

Размеры настоящего сообщения не позволяют более подробно проанализировать вышеупомянутые монографии и статьи, многие из которых заслуживают специальной рецензии. По этой же причине мы назвали лишь наиболее важные из исследований; наша библиография по вопросам социально-экономического развития Чехии и Словакии в позднее средневековье не является исчерпывающей, хотя речь шла лишь о работах 1962—1965 гг. Все же нам кажется, что и приведенные данные свидетельствуют о глубоком интересе чехословацких историков к коренным проблемам национальной истории, которые долгое время оставались совершенно неразработанными.

³⁶ F. Dostál. Vlašské Meziříčí v pamětech Třicetileté války. Ostrava, 1962.

Л. П. Лантеса

СЛАВЯНСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ОБЩИХ РАБОТАХ СОВЕТСКИХ МУЗЫКОВЕДОВ

За последние годы в СССР появилось довольно много трудов по истории зарубежной музыки¹, в которых содержатся уже не только очерки о творчестве отдельных крупнейших представителей славянской музыкальной культуры, но и разделы обобщающего характера. Это, безусловно, шаг вперед по сравнению с общими курсами, выходявшими ранее, где славянской музыке отводилось второстепенное место. Однако и в новейших работах история чешской, польской и южнославянской музыки, к сожалению, еще не получила систематического освещения. В них, как правило, рассматривается один или несколько периодов раз-

вития славянской музыки, при этом характеристика музыкальной культуры иногда недостаточно связана с культурно-историческим процессом в целом. Вследствие этого возникают досадные пробелы, неточные либо спорные определения, на которые и хотелось бы обратить внимание в данной рецензии.

В «Истории музыкальной культуры» Р. И. Грубера говорится, что после Белогорской битвы 1620 г. развитие чешской музыкальной культуры надолго приостановилось. С таким категорическим выводом трудно согласиться. Конечно, XVII век не дал таких блестящих композиторов, как XVI, но ведь именно тогда начал свою деятельность основоположник чешского симфонизма Богуслав Черногорский, образовалась Яромержичская симфоническая школа, творчество представителей которой проложило путь композиторам мангеймской школы и Й. Мясливечку. При рассмотрении аналогичного периода в развитии польской музыки не прослеживается связь между культурой Возрождения и Просвещения. Р. И. Грубер пишет: «Польша стала отставать в культурном отношении от Европы, музыкальная культура XVII и XVIII веков не выдвинула особо крупных оперных и симфонических композиторов», произошло «значительное падение ее культурной и художественной жизни...»². При этом не учитывается, что последняя

¹ Р. И. Грубер. История музыкальной культуры, т. II, ч. 1—2. М., 1953—1958; е го же. Всеобщая история музыки. Изд. 1-е. М., 1956; изд. 2-е. М., 1960; «История зарубежной музыки», вып. I, М., 1956; вып. II. М., 1960; «История зарубежной музыки», вып. I. М., 1961; вып. II. М., 1961; вып. III. М., 1965; вып. IV. М., 1963; «История зарубежной музыки», вып. I. М., 1958; вып. II. М., 1961; В. С. Галацкая, Б. В. Левик. Музыкальная литература зарубежных стран. Изд. 2-е, вып. I. М., 1963; вып. II. М., 1963; вып. III. М., 1963; вып. IV. М., 1964; вып. V. М., 1965; И. И. Мартынов. История зарубежной музыки первой половины XX века. М., 1963; Б. С. Штейнпресс. Популярный очерк истории музыки до XX в. М., 1963.

² Р. И. Грубер. История музыкальной культуры, т. II, ч. 2, стр. 461.

треть XVIII в. — это период Просвещения, когда активизировались культурные силы страны, интенсивно развивались литература, книгопечатание, театр, в том числе и музыкальный.

Недостаточно подчеркивается преемственная связь между отдельными этапами развития славянской музыки и в других работах. В книге Б. В. Левика не раскрыты, например, связи чешских симфонистов XVIII в. с мастерами полифонии XVI в.³ В труде М. Друскина недостаточно освещена музыкальная жизнь Чехии XIX в. и вследствие этого творчество Сметаны и Дворжака оказывается оторванным от творчества их предшественников⁴.

Этот недостаток, видимо, определяется принципом построения обобщающих курсов. Музыкальная культура отдельных народов освещается в них в общих хронологических рамках. Поскольку же хронологические границы аналогичных периодов развития культуры в разных странах не совпадают, то история музыкальной культуры одного народа часто искусственно разрывается. Например, В. Конен в III выпуске «Истории зарубежной музыки» рубежом в истории польской музыкальной культуры считает год Великой Французской революции, хотя новый период истории польской культуры начался несколько ранее, с веком Просвещения⁵. По-видимому, в обобщающих курсах при рассмотрении музыкальной культуры различных стран следует учитывать и общие закономерности развития мировой музыкальной культуры и специфику их проявления в отдельных странах.

Р. И. Грубер в разделе «Западнославянская музыкальная культура»⁶ анализирует чешское народное творчество, первые чешские духовные песни «Hospodine, pomiluj nu», «Svátý Václave», взаимосвязь литургической музыки с народной. К сожалению, автор не разбирает Островскую и Кунгутину духовные песни, не характеризует отдельно ранние чешские музыкальные памятники, некоторые факты излагает неточно. Р. И. Грубер считает, что орган получил распространение в Чехии в конце XIII в., хотя первый чешский лексикограф Я. Б. Длабач приводит сведения об органах уже в XII в. Автор останавливается на эволюции основного жанра периода гуситского движения — духовном гимне, ставшем боевой, походной песней, анализирует творчество Завиша из Зап. Яна из Йен-

штейна, прослеживает связи народной музыки с культовой на примере «борьбы канционалов», показывает проникновение народной песни в протестантское богослужение. Он отмечает, что католики так же, как гуситы, стали издавать свои песенники на чешском языке (Песенник Иоганна Розенплута фон Шварценбаха). Наибольшее внимание автор уделяет исследованию чешской полифонии, начиная с первых кодексов и поздних канционалов XV в., в которых было представлено чешское многоголосное письмо, характеризует чешских полифонистов на фоне музыкальной жизни Праги и деятельности литературских братств, игравших важную роль в музыкальной жизни Праги того времени.

«Всеобщая история музыки» Р. И. Грубера⁷ является в сущности повторением только что разобранной работы. На наш взгляд, материал расположен здесь менее удачно, не всегда оправданы сокращения. Некоторые важные моменты оговорены только в примечаниях (например, деятельность Иеронима Моравского), некоторые вообще опущены (отношение гуситов к танцам, многоголосному пению, органу). В первом издании этой работы не упоминаются некоторые композиторы Возрождения — Рыхновский, Михна. Правда, это исправлено во втором издании. В нем приводятся и больше нотных примеров. Появление этих работ Р. И. Грубера стало значительным явлением в советской музыкальной науке, так как впервые в обобщающем труде славянская музыкальная культура была представлена наравне с другими.

Но, к сожалению, ни монографические исследования, ни работы Р. И. Грубера не были в достаточной степени учтены в других обобщающих курсах. В первом выпуске «Истории зарубежной музыки», написанном К. К. Розеншильдом, глава о чешской музыке начинается характеристикой фольклора, вполне приложимой к фольклору любого другого народа. Автор не говорит о первой известной чешской песне «Hospodine, pomiluj nu», из композиторов чешского средневековья он упоминает только Завиша из Зап. Взаимные влияния церковной и народной музыки не заинтересовали автора. Освещая гуситский период, Розеншильд говорит лишь о любви Гуса к пению, забывая о его композиторской деятельности. Гуситским гимнам дана беглая характеристика. К сожалению, ничего не говорится об отношении гуситов к отдельным музыкальным жанрам и инструментам, о канционалах.

Вряд ли оправдано, что автор не остановился на творчестве некоторых композиторов, например Яна Чапка, на дея-

³ Б. В. Левик. История зарубежной музыки, вып. II. М., 1961.

⁴ М. Друскин. История зарубежной музыки, вып. IV. М., 1963.

⁵ В. Конен. История зарубежной музыки. Вып. III. М., 1965.

⁶ Р. И. Грубер. История музыкальной культуры, т. I, ч. 2.

⁷ Р. И. Грубер. Всеобщая история музыки. Изд. 1-е. М., 1956; Изд. 2-е. М., 1960.

тельности литературских братств, так как до нас дошло не так уж много сведений о чешской музыкальной культуре того времени. Естественно, мы не вправе требовать от автора общего курса истории музыки изложения всего имеющегося фактического материала, однако наиболее важные сведения по истории чешской музыки автор не должен был оставлять без внимания.

Следующие периоды истории чешской музыки не представлены в рецензируемых работах. Только Р. И. Грубер называет несколько композиторов, работавших уже после Белогорской битвы. Видимо, среди советских музыковедов точка зрения на чешскую музыку XVII столетия как на музыку периода упадка получила достаточное распространение — история музыки этого столетия полностью выпала из их трудов. Но ведь несмотря на то, что габсбургская монархия действительно нанесла ущерб чешской национальной культуре, в это время, как показали в своих исследованиях Ваницкий и Снежкова, работали П. Вейвановский, Бибер и Фабер, формировавшие гомофонно-гармонический стиль, Й. Л. В. Дукат, композитор и дирижер, И. А. Планицкий, К. Брикси, существовала Яромержицкая школа, основателем которой был Ф. Мича.

Яромержицкой школе отвел один раздел во II выпуске «Истории зарубежной музыки» Б. В. Левик. Он рассматривает чешский симфонизм в связи с его влиянием на венских классиков, называет раннего симфониста Я. Зеленку, Богуслава Черногорского и его школы (Сегер, Зах, Тума, Брикси), характеризует творчество представителей мангеймской школы, то новое, что они внесли в разработку симфонического жанра, в состав оркестра, указывает на национальную основу их творчества.

Музыкальная жизнь Чехии XIX в. представлена в наших учебниках и обобщающих работах Сметаной и Дворжаком. М. Друскин в IV выпуске «Истории зарубежной музыки» подробно анализирует творчество этих великих композиторов. Автор обращается к общественной и музыкальной жизни Чехии XIX в. Правда, он только называет имена композиторов, не связывая их творчество с творчеством Сметаны и Дворжака, не показывая, как развивались жанры, ставшие основными в творчестве классиков чешской музыкальной культуры. Ничего не говорится об оперном творчестве П. Кржижковского, В. Блодка, о симфонических произведениях А. Гвильчки, А. Прохазки, В. Каливоды.

В V выпуске «Музыкальной литературы зарубежных стран» в разделе «Чешская музыкальная культура» Б. Сметана, А. Дворжак», написанном Р. И. Барановской, дана серьезная характеристика историко-культурной обстановки, наме-

чены основные линии развития чешской музыки XIX в.

О словацкой музыке кратко говорит И. И. Мартынов. Его интересуют в основном произведения, тематически связанные с общественно-политической жизнью. Под тем же углом зрения он анализирует чешскую и польскую музыку.

Довольно подробно рассматривает польскую музыкальную культуру Р. И. Грубер в «Истории музыкальной культуры». Он начинает с краткой характеристики музыкального фольклора, культовой музыки, литургической драмы, привлекает данные исторических источников, особо останавливается на искусстве вагантов, но, к сожалению, не приводит их польское названия — рыбалты, ставшего термином в научной литературе. Анализируя первый польский музыкальный памятник «Богуроданицу», Р. И. Грубер отмечает влияние чешских духовных гимнов, рассматривает коленды и марийные песни. Автор касается профессиональной музыки, разбирает развитие полифонии. Композиторы — предшественники Вацлава из Шамотул не интересуют автора. Он считает их творчество мало значительным. Наравне с Вацлавом из Шамотул Р. И. Грубер ставит Мартина Леополиту, и вершиной польской полифонии он по праву считает творчество Миколая Зеленьского. Рассматривая творчество отдельных композиторов — Мельчевского, Яжембского, Пенкеля, Р. И. Грубер указывает на проницание народной музыки в их творчество. Нам кажется, что следовало бы более подробно проследить влияние народной музыки на профессиональную на материале творчества композиторов Возрождения. Р. И. Грубер не включает в свою работу историю музыкального театра, в том числе и народного, о рыбалтовской комедии он лишь упоминает мимоходом в конце работы.

Польская музыка средневековья и Возрождения освещена также и в работе К. К. Розеншильда. Принцип изложения, выбранный им, представляется не совсем удачным, так как он разрывает и без того небольшой материал на части, отделяя их главами по истории музыки других народов. Давая краткую характеристику польской музыки средневековья, автор необоснованно утверждает, что она по своему уровню была ниже чешской. Для читателя остается неясным, почему «профессиональная музыка польского средневековья — свидетельство богатой одаренности польского народа и вместе с тем узами тех границ, какие ему были поставлены иноземным гнетом, произволом королей, магнатов и мертвящим влиянием религиозной мистики»⁸.

⁸ К. К. Розеншильд. История зарубежной музыки. Вып. I. М., 1961, стр. 63.

История польской музыки XVIII в. не вошла ни в один учебник, ни в одну «Историю зарубежной музыки». Таким образом, остается пока не освещенным развитие оперного жанра (впоследствии ставшего классическим у Моношюко), роль первых польских оперных композиторов (М. Каменского, Я. Стефани, Ю. Эльснера и др.), творчество предшественников Шопена: Ю. Эльснера, К. Курпиньского, М. К. Огиньского, Ф. Лесселя, М. Шимановской, Ф. Островского. О последних пишет только В. Конен во введении к III выпуску «Истории зарубежной музыки», которое, как и основные главы о Шопене и Моношюко, выполнены на высоком научном уровне.

Южнославянской музыкальной культуре в рассматриваемых курсах уделяется гораздо меньше места, чем музыке западных славян. Во введении ко второй части второго тома Р. И. Грубер говорит, что он не ставил перед собой задачу осветить музыкальную жизнь южных славян из-за недостатка материала. Автор сообщает лишь о влиянии болгарской музыки на византийскую, о болгарских хоро и хайдучьих песнях, о композиторе Иоанне Кукузеле, о сербских коло и гусярках. Основное достоинство небольшого раздела о болгарской музыке в работе К. К. Розеншильда состоит в том, что это первое серьезное обращение к южнославянской музыке в наших учебниках. Автор перечисляет трудовые, бытовые, исторические песни, танцы. В связи с профессиональной музыкой говорит о Иоанне Кукузеле. О югославской музыке К. К. Розеншильд не упоминает. Ей посвящен небольшой раздел в книге И. И. Мартынова «История зарубежной музыки первой половины XX века», где автор дает лишь общую характеристику творчества композиторов Югославии. При подготовке будущих курсов истории музыки нашим авторам могут значительную помощь оказать работы по этой теме, вышедшие в последние годы у нас и за рубежом⁹.

В популярных работах материал по истории славянской музыки невелик. В книге Б. С. Штейнпресса «Популярный очерк истории музыки до XIX века» в общем потоке имен и названий довольно редко можно встретить славянские, но все-таки автор упоминает о Кристофе Гаранте из Полжиц, Галлусе (Хандле), Миколае Зеленьском, в связи с борьбой за национальную самобытность в музыке. Рассказывая о знаменитых музыкантах, он упоминает

лютниста В. Греффа. К сожалению, Б. С. Штейнпресс не пишет о развитии славянской оперы, за исключением польской, причем он неправильно называет одну из них. Опера Я. Стефани «Мимное чудо или краковяне и горцы» (Варшава, 1794) в книге Б. С. Штейнпресса имеет название «Чудо, или краковяне и горцы». В книге упомянуты некоторые чешские музыканты, работавшие в России. Обращение автора к славянской тематике имеет, конечно, положительное значение.

О межславянских связях в рассматриваемых работах ничего не говорится, хотя существует материал, например, о связи ранних жанров польской и чешской музыки. Многие польские календы переводились с чешского языка. В 1561 «чешское братство» издало в Шамотулах канцонал, игравший важную роль в развитии чешско-польских музыкальных связей. В свое время в Польше работали чешские и русские музыканты, о чем свидетельствуют фамилии участников капелл в Варшаве и других городах. В Варшаве с 1720 г. работал чешский виолончелист Чермак; скрипач и композитор И. Бенда; А. Вейнерт; М. Каменьский, словак по происхождению, автор первой польской оперы; Я. Стефани, чех, сначала участник капеллы, а затем композитор, создатель многих популярных опер; композитор В. Лессель, чех по происхождению, чье творчество связано с культурой Пулав.

В России в 70-е годы XVIII в. концертировал один из мангеймских композиторов К. Стамиц; долго жили в Петербурге известный чешский музыкант Я. А. Мареш, изобретатель роговой музыки; Ян Прач, вышустивший вместе со Львовым «Собрание русских народных песен с голосами». Большую часть жизни провел в России Ю. Козловский, учитель М. К. Огиньского, кстати, также подолгу жившего в России. Козловский был популяризатором польской музыки, автором многих известных произведений, в том числе полонеза «Гром победы раздавайся», ставшего государственным русским гимном. В Москве и Петербурге жила и выступала Мария Шимановская, туда приезжали К. Липиньский, Венявский и другие композиторы и музыканты.

Р. И. Грубер в «Истории музыкальной культуры» уделяет внимание польско-итальянским культурным связям, может быть, несколько преувеличивая их значение для развития гуманизма в Польше; в основном, его внимание концентрируется на первой половине XVI в. Обращение к славяно-немецким связям является одним из основных достоинств книги Р. И. Грубера. Он пишет об этом не только в разделе о славянской музыке, но также и в главе «Музыкальная культура Германии XIV — XVI вв.».

Р. И. Грубер показывает роль славянской музыки в развитии немецкой музыкальной культуры в период миннезанга

⁹ С т. П е т р о в. Очерки по истории на българската музикална култура. София, 1959; И. М. Ямпольский. Южнославянская музыка. М., 1958; П. Д и н е в. Духовни музикални творби на Иоан Кукузел. София, 1938; A n d r e i s, C v e t k o, D j u r i ć, K l e j n. Historijski razvoj muzičke kulture u Jugoslaviji. Zagreb, 1962.

(Мюлих Пражский) и мастерзанга (Михаил Бегайм или Бегэм). При дворе чешских королей некоторое время находился известный миннезингер Генрих Мейссенский (Фрауенлоб). Немцы заимствовали от «чешских братьев» гуситские папевы, чешские песни были переведены на немецкий язык и изданы в Германии¹⁰. Р. И. Грубер правильно считает «возможным предположить давние тесные взаимные связи немецкой песни со славянской, особенно усилившиеся в период немецкой реформации»¹¹.

К. К. Розеншильд только упоминает о влиянии славянской культуры на культуру стран Западной Европы, но подробно не раскрывает этого тезиса.

История музыкальной культуры не может не включать материал по истории культурной и общественной жизни страны в целом. Упрощение этой связи может стать и определенным недостатком. Р. И. Грубер во «Всеобщей истории музыки» обуславливает, например, историю музыки непосредственно сменой общественно-экономических формаций. Естественно, нельзя говорить о независимом положении культуры, ее оторванности от исторических процессов, но нельзя всецело только этим обуславливать развитие музыкального искусства. В этой связи не вполне ясен принцип периодизации отдельных разделов: чешская (или польская) музыка при феодализме, при дальнейшем развитии феодализма и т. п.

Остановливаясь на значении Возрождения и Реформации, Р. И. Грубер утверждает, что в Чехии и Польше Реформация предшествовала Возрождению и оно должно было лишь дать форму тому новому содержанию, которое было найдено в период Реформации. Эта точка зрения разделяется целым рядом ученых. Но вместе с тем имеется и иная, на наш взгляд, более убедительная концепция, которая видит в Реформации и Возрождении одну общую историческую тенденцию и которая отбросила взгляд на Реформацию как на нечто изолированное, не связанное с общественно-экономическими отношениями. Исследователи, стоящие на этих позициях, учитывают не только хронологические связи Возрождения и Реформации, но утверждают, что «Реформация развилась на конкретной общественно-экономической основе, была выражением борьбы новых общественных сил со старым феодальным миром и по своей сущности и программе была, особенно если речь идет о народной и мещанской рефор-

мации, одним из важных элементов Возрождения»¹².

К. К. Розеншильд видит основной тор-моз в развитии польской музыки в «тиранстве» королей и магнатов. Конечно, общественный строй Польши влиял на развитие ее культуры, но нельзя роль королей и магнатов в музыке сводить только к их тиранству. Некоторые короли сами были неплохими музыкантами (Август II Саксонский), имели свои капеллы, оркестры, театры. Придворная капелла, капелла Яна Замойского, магнатские театры в Слониме, Пулавах, Несвиже, Сенявах и т. д. славились своим высоким профессиональным уровнем.

Р. И. Грубер и К. К. Розеншильд резко отрицательно пипут о роли религии в культурной жизни славянских стран. Но нельзя проходить мимо того факта, что духовенство в определенные периоды играло важную роль в просвещении и образовании, в том числе и музыкальном. О преподавании музыки в костелах, монастырях, университетах можно найти интересный материал в работе Я. Проснака¹³. Определенную роль в музыкальном образовании играли иезуиты, о «гибельном влиянии» которых в последней трети XVIII в. пишет Р. И. Грубер. Кстати, орден иезуитов был ликвидирован буллой Климента XIV в 1774 г. Немалую роль играли иезуиты в развитии театрального искусства, из косвенных источников — запрещений генералов иезуитского ордена — мы узнаем, что на их сценах ставились спектакли с музыкальным оформлением, иногда даже исполнялись гуральские танцы. Иезуиты внесли бесспорный вклад в развитие драматического театра. К. К. Розеншильд, говоря о «мертвящей религиозной мистике», забывает о том, что славянская литургия сыграла положительную роль в сохранении славянских традиций в Чехии, что протестантизм имел положительное значение, что канторы, народные учителя, воспитывали поколения славянских музыкантов.

Достоинством работ Р. И. Грубера является его обращение к общественной и культурной жизни Чехии и Польши — он довольно подробно говорит о гуситском движении, о личности Яна Гуса, о роли протестантизма, о значении Белогорской битвы. В польском разделе он больше внимания уделяет литературной жизни — особый раздел он посвящает Кохановскому, отмечает значение Гжегожа из Санюка, Яна Длугоша.

¹² K. Le p s z y. Program społeczny radykalnego nurtu braci polskich. Odrodzenie i Reformacja. T. I. Warszawa, 1953. Такого же мнения придерживается И. С. Миллер. См. «Сообщения Института истории искусств», 1956, № 9, стр. 140—142.

¹³ J. P r o s n a k. Kultura muzyczna Warszawy wieku XVIII. Warszawa, 1956.

¹⁰ Песенник М. Вейссе, 1531; Песенник епископа Иоганна, 1541; Песенник «чешских братьев», 1566.

¹¹ Р. И. Г р у б е р. История музыкальной культуры, т. II, ч. 2, стр. 68.

Будительское движение, важное для понимания творчества Сметаны и его продолжателей, кратко охарактеризовано Б. Левиком.

Следует остановиться еще на одном вопросе. В транскрипциях учебников и обобщающих курсов встречается ряд ошибок. Одни и те же польские звуки, например, передаются различным сочетанием букв (Тржедеский вместо Тшецеский, Чиприан вместо Цыприан, Богуродзика вместо Богуродзица). Часто авторы русифицируют польские имена и пишут Николай

вместо Миколай, Севастьян вместо Себастьян, Варфоломей вместо Бартломей. Все авторы, следуя традиции, передают мягкий польский звук «п» в польских фамилиях русским твердым.

Несмотря на все отмеченные недостатки рецензируемых работ, освещение истории славянской музыки в общем русле истории мировой музыкальной культуры является значительным вкладом в советское музыковедение.

Л. А. Софронова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ПОЛАБСКОЙ ЛЕКSIКОГРАФИИ И ЛEKSIKOЛОГИИ

Судьба полабского языка сложилась отлично от судьбы других славянских языков. С XII в., когда немецкими феодалами было уничтожено самостоятельное раннефеодальное государство полабских славян, происходила настойчивая ассимиляция славянского населения в области нижней Лабы — Эльбы, сопровождавшаяся вытеснением славянского языка из различных сфер общения и заменой его немецким языком. Германизация полабских славян привела к тому, что в 1725 г. единственный известный нам грамотный полаблянин писал: «Мне сейчас 47 лет, а когда умру я и еще три человека в нашей деревне, не останется никого, кто бы знал, как называется по-вендски (т. е. по-полабски) собака»¹. В середине XVIII в. полабский язык окончательно перестал существовать как живой язык.

Поиски письменных источников собственно полабского происхождения остались безуспешными. Есть серьезные основания думать, что по крайней мере христианских книг на полабском языке не было, так как дошедший до нас в нескольких вариантах полабский текст основной христианской молитвы «Отче наш», видимому, каждый раз заново переводился по просьбе записывавших и не представляет собой постоянно употреблявшегося текста². Единственным дошедшим до нас источником сведений по полабскому языку, кроме данных топонимии, относящихся к различным периодам и требующим особых приемов анализа³, яв-

ляются словарные записи, сделанные, главным образом, не знавшими полабского языка немцами со слов информаторов славян. Эти записи выполнялись в основном средствами немецкой орфографии. Кроме отдельных слов, зафиксированы некоторые устойчивые выражения, а также две небольшие молитвы, маленькая «вендская исповедь» и свадебная песня⁴.

Наибольшим по объему и вместе с тем одним из наиболее надежных источников сведений о полабском языке является полабский словарь, составленный пастором Христианом Хеннигом из Иссена. Другой важный источник — отрывки из объемистой «Хроники», которую вел трактирщик Йоганн (Ян) Парум Шульде. Этот человек, единственный из записывавших, для которого полабский язык был родным, включил в свой дневник ряд полабских слов и выражений. Кроме того, небольшие записи отдельных слов и молитв сделаны для Лейбница, для некоего мосье де Бокера; имеются также записи Пфеффингера, Домейера, Бухгольца и анонимного автора. Каждый из этих памятников состоит из нескольких страниц и все они относятся к концу XVII — началу XVIII в.

Первый этап изучения полабского языка, в течение которого были собраны все те материалы, которыми мы теперь располагаем, получил завершение в «Полном люнебургско-вендском словаре» д-ра Йоганна Генриха Юглера, законченном в 1809 г., но так и не изданном в то время. Словарь этот являлся в течение всего XIX в. наиболее полным собранием материалов по полабистике. Данные словаря Юглера были положены в основу грамматики полабского языка А. Шлейкера, изданной А. Лескиным уже после смерти

¹ R. O l e s c h. Juglers Lüneburgisch-wendisches Wörterbuch. Köln-Graz, 1962, S. 300.

² A. M u k a. Połabska drjewjano-słowjanske teksty. — «Slavia occidentalis», t. VIII. Poznań, 1929, s. 76.

³ Из последних работ такого рода (с библиографией вопроса) см.: M. J e z o w a. Dawne słowiańskie dialekty Meklemburgii w świetle nazw miejscowych i osobowych. Cz. I. Fonetyka. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961.

⁴ Эта песня дала возможность Н. С. Трубецкому восстановить некоторые черты полабского стихосложения (см.: N. T r u b e t z k o y. Polabian Metrics. — «Word», 1950, v. VI, № 2).

автора в Петербурге (1871)⁵. Не были опубликованы и словари, подготовленные И. И. Срезневским и Ф. Челаковским; из последнего, правда, были позже напечатаны отрывки⁶.

Своды полабских памятников во второй половине XIX в. были изданы А. Ф. Гильфердингом и Х. Пфулем, но лишь в публикации Пауля Роста были собраны почти все памятники полабского языка и изданы на достаточно высоком научно-издательском уровне⁷. Собрание Роста было основным источником в работе над полабским языковым материалом, хотя в этом издании имеется ряд недостатков, например, отсутствие текста «Отче наш» Бухгольца⁸, отдельные неточности в воспроизведении текстов. Особенно много претензий вызывал приложенный к изданию Роста словарь, в котором использовалась так и не объясненная специфическая транскрипция, и, что важнее, было немало пропусков, особенно в перечнях словоупотребления.

Итоги изучения полабской фонетики и грамматики в период конца XIX — начала XX в. были подведены Лером-Славинским в его «Полабской грамматике»⁹, до сих пор являющейся лучшим описанием полабского языка. Н. С. Трубецкой завершила цикл своих работ по полабскому языку опубликованием в том же 1929 г. «Полабских студий»¹⁰, в которых описаны фонологическая и морфологическая системы полабского языка и приведены также существенные поправки в описание звуковой системы полабского языка, данное Лером-Славинским. К этим этапным работам примыкает и статья Я. Хейдзянки¹¹, содержащая характеристику синтаксических особенностей полабского языка.

В СССР в 20—40 годы вопросам полабского языка было посвящено немного

⁵ A. Schleich er. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache. St. Petersburg, 1871.

⁶ Ср. В. А. Францев. Остатки языка славян полабских, собранные и объясненные Ф. Л. Челаковским. — «Сборник Отделения русского языка и словесности», т. LXX, № 3, СПб., 1901.

⁷ P. Rost. Die Sprachreste der Dravāno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.

⁸ J. Kobli sch ke. Altsorbisches und Drawehnisches. — «Slavia», r. II, s. 2—3, 1923, s. 287.

⁹ T. Leh r- S pl a w i ń s k i. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.

¹⁰ N. T r u b e t z k o y. Polabische Studien. — «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien». Philosophisch-historische Klasse, Bd. 211, Abh. 4, 1929.

¹¹ J. He y d z i a n k a. Szczałki składni połabskiej. — «Slavia occidentalis», t. VI, Poznań, 1927.

работ: заметки по некоторым частным вопросам Г. А. Ильинского¹² и небольшой, но остающийся лучшим на русском языке, обзор полабской грамматики в «Славянском языкознании» А. М. Селищева¹³.

Несмотря на скудость полабского языкового материала, возможности его внутреннего исследования и интерпретации оказались весьма значительными¹⁴. В конце 50-х — начале 60-х годов появился ряд новых работ по отдельным разделам полабской грамматики, в которых полабская проблематика рассматривается на сравнительно-историческом фоне¹⁵. Вме-

¹² Г. А. Ильинский. Полабские заметки. — «Prace filologiczne», t. XV, č. 2, 1931.

¹³ А. М. С е л и щ е в. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 419—448.

¹⁴ См., например, статьи: T. Leh r- S pl a w i ń s k i. Przyczynki do gramatyki i słownika języka połabskiego. — «Slavia occidentalis», t. VI, Poznań, 1927; е г о ж е. O «mazurzeniu» w języku połabskim. Ibid., t. IX, 1930; W. K u r a s z k i e w i c z. Zamykające zgłoske j i v w języku połabskim. Ibid., t. VIII, 1929; T. M i l e w s k i. Zastępstwo ps.* o w języku połabskim. Ibid.; J. K u r y ł o w i c z. Akcentuacja połabska. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 1. Warszawa, 1955; K. P o l a ń s k i. Polabica I. — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», Filologia, № 2, 1956; е г о ж е. Polabica II. Ibid., № 4, 1958; е г о ж е. Polabica III. Ibid., № 6, 1960; е г о ж е. Polabica IV. Ibid., № 8, 1964; е г о ж е. Z morfologii połabskiej. — «Lingua Posnaniensis», VI, 1957; е г о ж е. Drobiazgi słownikowe połabskie. — «Rocznik slawistyczny», t. XX, cz. 1, 1958; е г о ж е. Ze studiów nad słowotwórstwem połabskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 4, 1963; е г о ж е. Etymologie połabskie (paralele połabsko-polskie, I). — «Zeszyty naukowe WSP w Katowicach, sekcja językoznawstwa». 1960; е г о ж е. Etymologie połabskie. — «Slavia occidentalis», t. 20, z. 2; е г о ж е. Sposoby przyswajania zapożyczeń na przykładzie języka połabskiego. — «Sprawozdania z posiedzeń Komisji Oddziału PAN w Krakowie», lipiec — grudzień 1961. Kraków, 1962.

¹⁵ L. Ř e h á č e k. K syntaktické problematice pořabského infinitivu a k významu syntagmatických spojení s infinitivem v dřevanské pořabštině. — «Slavica Pragensia», II, 1960; В. Н. Т о л о р о в. Локатив в славянских языках. М., 1961 (см. главу 6: Данные полабского языка о локативе); А. Б. П р а в д и н. Употребление дательного падежа в полабском языке. — Ученые записки Тартусского гос. ун-та, вып. 104, 1961; А. С у н р у н. Полабские числительные. Фрунзе, 1962; L. M o s z y ń s k i. Wyrównania de.

сте с работами Б. Шидловской-Цеглёвой и М. Радловского¹⁶, посвященным полабской лексике, этимологическими заметками К. Полянского и его же работами о некоторых морфологических проблемах, эти труды относятся к новому этапу изучения полабского языка¹⁷.

Поскольку сведения о полабском языке дошли до нас в основном в виде словарных записей, естественно, что в изучении полабского языка особенно перспективными оказываются исследования лексикологического и лексикографического характера.

При изучении полабского языка, как языка мертвого, вопросы чисто лингвистического анализа перешлепаются с филологическими проблемами. Иногда новое лингвистическое понимание того или иного явления возникает в результате нового прочтения записи. Для полабского языка это особенно актуально. Поскольку большинство записывавших полабскую речь не владело ею, естественны не только опiski, имеющие иноязычную, немецкую почву, но и недоразумения, которыми, например, особенно богаты материалы Пфеффингера. Именно поэтому первостепенное значение имеет предпринимаемое немецким славистом Рейнгольдом Олешом новое издание полабских памятников. Из задуманных трех томов вышло пока два: словарь Хеннига и словарь Юглера.

Полабский словарь («Vocabularium Venedicum») Христиана Хеннига из Йессена представляет собой, как уже говорилось, основной по объему и достоверности материала источник по полабскому языку. Он дошел до нас в нескольких списках и снабжен любопытным предисловием, из которого были опубликованы до сих пор только отрывки. II. Рост опубликовал в своем издании словарь Хеннига по одной из сохранившихся рукописей (ганноверской) и привел в сносках варианты по другим рукописям.

Христиан Хенниг не был полаблянином, но в течение 40 лет (1679—1719) жил на территории, где еще сохранялись остат-

ки языка полабских славян¹⁸. После того, как собранные им материалы для описания преимущественно обычаев полабских древян погибли при пожаре, Хенниг сосредоточил свое внимание на сборе материалов по языку. Основываясь на показаниях своего информатора-полаблянина Ганса (Йоганна) Енишге, по-видимому неоднократно сверяя свои записи с известными ему рукописи, Хенниг примерно к 1705 г. подготовил свой словарь. Словарь был переписан в нескольких экземплярах (известны полная и сокращенная редакции словаря), к нему было написано предисловие с рассуждением о языке вообще и вендском (полабском) в частности, а также приложен сопоставительный немецко-полабско-лужицко-польско-чешский словарик, полабский материал которого совпадает с основным словарем Хеннига. Отдавая себе отчет в трудностях своего предприятия, Хенниг в предисловии остановился на способах передачи звуков полабского языка при помощи немецкой графической системы с незначительными изменениями. Надо сказать, что ему удалось провести принятые правила довольно последовательно. Из предисловия и сопоставительного западнославянского словарика видно, что Хенниг, хотя практически и не владел в достаточной мере полабским языком, по своей образованности и научной тщательности был вполне подготовлен к выполнению взятой им на себя трудной работы. Кстати, едва ли следует особенно подчеркивать незнание Хеннигом полабского языка. Продолжительная совместная жизнь и работа с людьми, говорившими на полабском языке, помогли ему в решении задачи. Нельзя не отметить того обстоятельства, что его словарь почти свободен от недоразумений, связанных с взаимным непониманием, что встречалось, например, у Пфеффингера. Словарь Хеннига был составлен на высоком для того времени научном уровне. Это делает всестороннее изучение словаря Хеннига в его новом издании чрезвычайно важным для исследования всех проблем полабистики.

Р. Олеш в своем издании¹⁹ впервые приводит полный текст словаря Хеннига: воспроизведенное набором (готическим шрифтом) с точным сохранением строк подлинника предисловие (которое до этого публиковалось лишь частично)—стр. 5—37; список совпадающих слов полабского, лужицкого, польского и чешского языков, который доказывает, как отмечал сам Хенниг, их родство (воспроизведен, как и дальнейшие части словаря,

¹⁸ F. T e t z n e r. Christian Hennig.— «Zeitschrift des historischen Vereins für Niedersachsen». Hannover, 1902, S. 189ff.

¹⁹ Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen. Nachdruck besorgt von R. Olesch. Köln-Graz, 1959. 416 S.

klinacyjnie w związku z mazurzeniem polskim, ruskim, połabskim. Wrocław, 1960.

¹⁶ M. R a d ł o w s k i. Stosunki rodzinne i społeczne u Drzewian połabskich w świetle szczątków ich języka.— «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 3, 1958.

¹⁷ Библиография работ по вопросам полабского языка до 1907 г. дана А. Муркой: E. M u s k e. Bibliographie der Literatur über die Lüneburger Wenden und das Wendland.— «Zeitschrift des historischen Vereins für Niedersachsen», 1908. С этого времени текущая библиография полабистики давалась полно в ежегоднике «Rocznik slawistyczny». О последованных работах см. обзоры К. Полянского и М. Радловского в этом ежегоднике: т. XX, ч. 1, 1958; т. XXI, ч. 1, 1960; т. XXIII, ч. 1, 1964.

факсимильно) — стр. 39—55; несколько славянских этимологий местных названий — стр. 56—64; «Отче наш» на немецком и полабском языках — стр. 65—66; собственно словарь — стр. 67—380; список числительных — стр. 381—383; полабская свадебная песня с нотами, немецким переводом и этнографическими пояснениями — стр. 385—395. Книга завершается послесловием издателя, содержащим основные сведения о памятнике, его изданиях, основной литературе вопроса — стр. 397—406, списком литературы к предисловию Хеннига — стр. 407—412 и картой местности, в которой проходила деятельность Хеннига, — стр. 413. В издании Олеша воспроизводится та же ганноверская рукопись словаря, которая взята за основу в собрании Роста.

В рецензии К. Полянского на издание Олеша приведен ряд неточностей в издании Роста²⁰, которые теперь, благодаря публикации Олеша, могут быть устранены. Надо сказать, что исправлений таких немного, а неточности не очень существенны. В неопубликованных ранее частях словаря Хеннига Полянский отмечает всего одно слово, которого нет у Роста: *Placha* «*Flach*» (*plaxə*). В сопоставительном словарице Хеннига некоторые слова приведены, по-видимому, более точно, чем это сделано в основной части словаря, напечатанной у Роста. Хотя, вопреки Полянскому, едва ли можно считать, что фотомеханическое издание «исключает какие бы то ни было ошибки в прочтении рукописи», можно, однако, признать, что оно во многих отношениях более надежно, чем наборное воспроизведение текста. Но нельзя думать, что фотомеханическое воспроизведение текста, как бы тщательно оно ни было выполнено, может заменить саму рукопись²¹. Известно, что, например, цвет, оттенок чернил играет в рукописи немалую роль, играют роль и нажимы пера. В отражении этих особенностей рукописи фотомеханическое воспроизведение текста не может полностью заменить саму рукопись. В нашем случае, например, оно не дает ответа на вопрос, почему в списке числительных в обозначениях чисел 12 и 13 над *i* «шапочка» как бы перечеркнута, в то время как в других местах такого перечерчивания черточек не наблюдается; рукопись возможно в этом случае могла бы подсказать кое-что в этом отношении, как и в отношении неясной второй «шапочки» над словом, обозначающим число 60, в том же списке (у Роста эта «шапочка» не воспроизведена).

²⁰ «*Rocznik slawistyczny*», t. XXII, cz. 1, 1962, s. 151—152.

²¹ Ср. важные замечания о факсимильных изданиях в книге Д. С. Лихачева «Текстология», М.—Л., 1962, стр. 483 и сл.

Вместе с тем, фотомеханическое воспроизведение рукописи Хеннига, вероятно, не сможет заменить собою и издание Роста. Правда, почерк рукописи довольно четкий и прочитать его нетрудно, однако при цитировании памятника исследователь каждый раз должен будет сам вырабатывать некоторую транслитерацию текста, что может привести к нежелательному варьированию одних и тех же мест памятника. Ср., например, возможность передачи «э-цет» как *ss* (так у Роста) или же особым знаком. Простота и четкость почерка тоже вещь относительная, и, если даже такой опытный специалист, как Рост, смешивал иногда написание некоторых букв, то тем более можно это ожидать от лиц, обращающихся к изданию без специальной подготовки. Следует сказать, что приводимые у Роста варианты написаний по другим спискам Хеннига иногда имеют довольно большое значение (ср., например, вопрос о суффиксальной гласной в некоторых числительных типа собирательных) и отказываться от этих вариантов не следует. Есть и такие, пусть немногие, места, которые отсутствуют в ганноверской рукописи, но сохранились в других списках источника. Таким образом, при всей ценности издания Олеша книга Роста по-прежнему остается при работе над изучением полабского языка по словарю Хеннига первостепенно важным источником.

Представляется весьма желательным иметь, так сказать, второй том словаря Хеннига, содержащий именно издание, а не публикацию текста (по термину французского текстолога А. Дэна), в котором хотелось бы увидеть наборное воспроизведение словаря Хеннига по ганноверскому списку с разночтениями по другим вариантам, а также индекс зафиксированных в словаре слов. Словарь Хеннига представляет собой, как известно, немецко-полабский словарь, а для читателей словаря было бы очень удобно иметь полабский индекс слов, содержащихся в рукописи и именно в тех написаниях, которые представлены в рукописи, а не в принятой научной транскрипции. Следует отметить, что, судя по приложенному к словарю Юглера описанию рукописей, Олеш проделал для этого немалую подготовительную работу. Вот почему хотелось бы, чтобы к задуманному третьим томом полабских источников (третий из них будет включать небольшие памятники полабского языка) был добавлен четвертый с указанным дополнением к фотовоспроизведению словаря Хеннига.

Вторым томом задуманного Олешом издания полабских источников является впервые публикующийся «Лüneбургско-вендский (полабский) словарь Юглера»²².

²² R. O l e s c h. *Juglers Lüneburgisch-wendisches Wörterbuch. Köln-Graz, 1962, 340 S.*

Он вышел как первый выпуск начатой издательством Бёлау серии «Славистических исследований» (малые полабские памятники намечается издать шестым выпуском этой серии, из которой к настоящему времени вышло пять выпусков).

Доктор Йоганн Генрих Юглер (1758—1812) был врачом и естествоиспытателем, а не лингвистом, однако большую часть времени он посвящал собиранию сведений о полабском языке, который еще за несколько десятилетий до его деятельности употреблялся лишь отдельными предстателями населения тех районов, где Юглер работал. Основываясь на трех имевшихся в его распоряжении рукописях — полной редакции словаря Хеннига в затерянном теперь Вендхольтском списке, краткой редакции словаря Хеннига (список Плато) и затерянной теперь рукописи хроники Йоганна Парум Шульце, а также на изданиях некоторых небольших полабских источников (Ифеффингера, Домейера, сделанных для Лейбница записей Митхофа, данных петербургского сравнительного словаря), Юглер с большой тщательностью собрал и привел полабский словарный материал в алфавитном порядке с примерами употребления и немецким, а подчас и латинскими переводами.

Труд Юглера безусловно является компиляцией. В тех имеющихся отклонениях от бывших в распоряжении Юглера источников можно лишь весьма предположительно видеть некоторую редакторскую, унификационную работу; не исключено, что эти «поправки» были просто описками и ошибками составителя словаря. Надо сказать, что по существу отсутствие редакторской правки придает словарю Юглера характер документальности и повышает его ценность и как непосредственно языкового источника. Значение труда Юглера состоит прежде всего в том, что он является источником сведений о двух больших рукописях, использованных Юглером в его словаре, но позже утраченных. Словарь Юглера донес до нас копию важных записей Парум Шульце, подлинник которых утрачен и неполная копия которых хранится во Вроцлавском (ранее Львовском) Оссолинеуме.

Для истории науки значение труда Юглера было бы вероятно большим, если бы словарь, работу над которым Юглер закончил в 1809 г., был издан. Однако и в рукописном виде словарь сыграл важную роль, явившись основным источником для первой научной грамматики полабского языка, написанной Шлейхером, которая и сейчас, спустя почти сто лет после выхода, сохраняет не только историческое, но, как свидетельствуют ссылки на нее в новейших работах, и научное значение.

Рост не придавал словарю Юглера большого значения. Однако произведенный Олешом анализ рукописи, ее сравнение с источниками показали, что словарь

Юглера безусловно может быть использован при изучении полабского языка. Поэтому издание словаря Юглера даже и спустя 150 лет после его составления следует считать полезным вкладом в довольно скудное полабское источниковедение.

Необходимо отметить, что Олеш многое сделал для того, чтобы словарь Юглера мог удовлетворить современным требованиям точности и достоверности издания языковых памятников и словарей, а также удобства пользования ими. Осуществленная набором передача рукописи Юглера, подготовленной к печати еще самим автором, благодаря разнообразию, но не пестроте прифтов, удобна для чтения и пользования словарем: полабские слова набраны латинским прифтом (заглавные слова выделены полужирным прифтом, а примеры — курсивом), немецкие переводы их даются готическим прифтом. Под страницами помещены примечания самого Юглера с различиями (они помечены в тексте латинскими буквами), а также, что существенно, издательские примечания самого Олеша (они помечены цифрами). В примечаниях Олеша оговариваются все сколько-нибудь существенные отклонения рукописи Юглера от использованных им и сохранившихся источников, а кроме того приводятся различия по ганноверской рукописи словаря Хеннига, по Вроцлавской копии словаря Парум Шульце и по изданию его отрывков в собрании полабских памятников А. Ф. Гильфердинга. Таким образом, оставляя нетронутым основной текст словаря Юглера, Олеш вместе с тем значительно облегчает критическое использование труда Юглера современными исследователями.

Вскоре после окончания своей полабской грамматики Лера-Славинский задумал подготовить этимологический словарь полабского языка. Начатая в 20-е — 30-е годы работа, однако, не была доведена до конца и возобновилась лишь в 1953 г. при активном участии Казимежа Полянского — ученика Лера-Славинского. В связи с тем, что для полабского языка нет удовлетворительного словаря тезауруса, полабский этимологический словарь представляется особенно нужным. Словарь, построенный на полном использовании тех источников, которые были собраны и изданы Ростом, плюс «Отче наш» Бухгольца, сможет служить не только как этимологический словарь, но и вообще как собрание полабской лексики²³. Вышедший недавно первый выпуск «Этимологического словаря полабских древлян» Т. Лера-Славинского и

²³ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i, K. P o ł a ń s k i. Z prac nad słownikiem etymologicznym języka połabskiego. — «Sprawozdania z prac naukowych Wydziału nauk społecznych Polskiej Akademii Nauk». Warszawa, 1958, r. 1, z. 5, s. 59—71.

К. Полянского²⁴, содержащий слова до буквы *d'*, дает достаточно ясное представление о характере будущего полного словаря.

В соответствии с теми задачами, которые ставятся перед словарем, каждая его статья состоит из трех частей. В качестве заглавных слов взяты «начальные» формы слов, если они сохранились, если же такие формы до нас не дошли, берутся формы, принимаемые за наиболее близкие к ним: род. п. существительных, 3 л. ед. ч. наст. вр. глаголов и т. д. Эта форма дается в транскрипции, принятой в современных работах по полабскому языку. Поскольку нет единства мнений по вопросу о полабском ударении, в этой транскрибированной форме ударение не ставится. После грамматической характеристики слова следует его перевод на польский язык, иногда в порядке исключения приводится тот перевод слова, который фигурирует в источнике. Затем даны те написания этого слова, которые встречаются в памятниках (с указанием памятника), все формы данного слова (тоже в транскрипции и в оригинальном написании источников). Если слово встретилось в источнике не только изолированно, но и в контексте, приводится и сам контекст. Вслед за фактической частью следует собственно этимологическая. В этимологической части приводится та праславянская или дополабская форма, к которой возводится рассматриваемое слово, указываются идентичные или очень близкие инославянские образования, сначала польские, кашубско-словинские, затем другие западнославянские, а потом — южнославянские и восточнославянские. Выяснение праславянского характера слова считается для полабского этимологического словаря достаточным. В статьях о заимствованных словах вместо праславянской формы приводится форма из языка-источника, большей частью средне-нижне-немецкого. Третья, справочная часть статьи примыкает ко второй и содержит библиографические данные о толкованиях соответствующих слов, а также пояснения к отдельным словам и формам, встречающимся в примерах.

В конце словаря предлагается приложить указатели праславянских и дополабских реконструированных в словаре форм, индекс заимствований и инверсивный полабский словарь.

Трудно возражать против принципов построения словаря. Принципы эти проводятся с должной последовательностью. Данные полабского языка собраны в словаре с большой полнотой, пропуски — вроде цитаты из записей для де

Бокера в статье *citērdišot* — редки, исключительно трудный набор полабских примеров проведен довольно тщательно, опечатки (типа неточного воспроизведения примера из рукописи Хеннига В₁ на предпоследней строке стр. 109) встречаются редко.

Разумеется, как и к каждому этимологическому словарю, могут быть сделаны и здесь некоторые замечания, касающиеся отдельных менее удачных объяснений. К таким недостаточно обоснованным этимологиям относятся, как нам представляется, возведение *bōrē* 'лает' к * *borti* (ср. русское *бороть*). Не исключая полностью возможности такого толкования, надо отметить, что оно не весьма убедительно. Во-первых, самое слово может быть прочтено не как *bōrē*, а как *berē* (ср. аналогичные написания в памятниках слова *berē* 'берет'). Во-вторых, возникает вопрос об убедительности семантического перехода '*бороть*' → '*лаять*'; не менее возможным представляется и переход к '*лаять*' от '*брать*' → '*хватать*' → '*кусать*'; нельзя исключить и связь с нем. *bellen* 'лаять' и др. Повидимому, пока что это слово надо считать необъясненным. В ряде случаев предложенные этимологии выиграли бы от приведения некоторых инославянских параллелей. Так, например, к *cirkos* 'сверчок' можно привести белорусскую диалектную форму *цьркун* 'сверчок'²⁵. Суффикс в полабском слове (*-oc* < **-ačь*) целесообразно сопоставить с суффиксом распространенного в ряде славянских языков названием жука *rogach*; ср. также русское название жука-дровосека *усач* (Даль). Разумеется, подобные частные замечания ни в какой мере не влияют на высокую оценку первого выпуска полабского этимологического словаря.

Наряду с указанными уже работами, важным подготовительным звеном к выпуску полабского этимологического словаря является книга К. Полянского «Морфология немецких заимствований в полабском языке»²⁶, вышедшая одновременно с первым выпуском этимологического словаря. Немецкие, точнее средненижне-немецкие, заимствования занимают исключительно большое место в полабском словаре. Значительный вклад в их изучение внес Рост, указавший на наличие немецкого источника многих полабских слов. На базе его работы, а также некоторых других, возникла возможность подробно остановиться на освоении немецких слов в полабском языке. Еще в 1917 г. Лер-Сплавинский осветил

²⁴ T. Lehr-Spławiński, K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich, z. 1, A — D'uzd. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962. XVIII + 142 s.

²⁵ Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1959, стр. 193.

²⁶ K. Polański. Morfologia zapożyczeń niemieckich w języku połabskim. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1962, 198 s.

фонетическую сторону этого вопроса²⁷. Книга Полянского отличается от предшествовавших ей работ не только своим сюжетом, но и исключительной полнотой исследуемого материала.

Хотя работа Полянского посвящена скорее грамматическим вопросам, однако, вследствие характера полабского материала и лексического аспекта грамматической проблематики, эта работа является значительным вкладом в изучение полабского словаря. Книга состоит из двух частей, первая из которых посвящена анализу форм заимствованных слов. Если учесть отсутствие четкой орфографической нормы, различное написание некоторых, в частности редуцированных гласных, неразрешенность ряда чисто морфологических вопросов полабской грамматики, обусловленную бедностью материала, то следует признать, что анализ заимствованных форм представляет собой очень серьезную исследовательскую задачу. Вторую часть книги составляет словарь нижнегерманских заимствований в полабском, в котором слова расположены по грамматическим классам, а внутри классов — по алфавиту. Поскольку к книге приложен алфавитный индекс проанализированных полабских слов, разыскание нужного слова в словаре не составляет особого труда. Словарь фиксирует все случаи употребления включенных в него слов в оригинальных написаниях и переводы, которые имеются в источниках, а также транскрипцию указанных слов. Содержащий несколько менее тысячи слов, словарь полно отражает немецкие заимствования в полабском и уже сейчас может служить важным источником при изучении немецко-полабских языковых отношений.

Обработка материала проведена в работе Полянского весьма тщательно, все сомнительные в этимологическом отношении слова оговорены особо, приведены точные немецкие соответствия полабских заимствований, даны надежные транскрипции полабских слов, основанные на изучении орфографии памятников и учете достижений в изучении полабской фонологии и грамматики. Поэтому материал может быть использован с большой степенью надежности в дальнейших исследованиях.

Из работ по полабской лексикологии, которые появились за последние годы, следует указать на серию статей, посвященных анализу отдельных лексических групп. В первую очередь сюда относится ряд работ познанской славистики Барбары Шидловской-Цеглёвой²⁸, в которых оха-

рактеризованы различные стороны материальной культуры полабских древян по данным их языка. К этим работам примыкает уже указанная статья М. Радловского и две статьи Я. Хейдзянки-Пилатовой, одна из которых — о полабской лексике, связанной с возделыванием льна — явилась первой работой такого типа²⁹.

Работы Шидловской-Цеглёвой относятся к смежной области языковедения и этнографии. Используя данные лексики полабского языка, Шидловская, а также Радловский стремятся охарактеризовать народную культуру полабян. Уже само наличие некоторых слов, а также их происхождение — исконное или заимствованное из немецкого — позволяет решить вопросы этнографического и культурно-исторического характера. Тот факт, например, что терминология ткацкого ремесла в полабском полностью исконная, терминология животноводства включает около 20% заимствованных слов, растениеводства — 30%, а названия одежды примерно на 40% состоят из заимствованных слов, безусловно представляет интерес для реконструкции истории материальной культуры полабских славян. Очень ценны, как показывает Шидловская, пояснения, которые давали записывавшие, в частности Хенниг, к полабским словам. Эти пояснения часто раскрывают такие реалии, которые без них остались бы совершенно непонятными. Они тем более важны, что некоторые переводы полабских терминов, встречающиеся в

wa roślin.— «Pamiętnik słowiański», t. III, 1952; ee же. Hodowla zwierząt domowych u Połabian w świetle zabytków języka połabskiego.— «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 1, 1955; B. Sz y d ł o w s k a - C e g ł o w a. Zdobywanie i przygotowywanie żywności u Połabian w świetle zabytków ich języka. Ibid., 2, 1957; ee же. Semantyczna analiza połabskiego zasobu leksykalnego. В сб.: «Z polskich studiów slawistycznych». Warszawa, 1958; ee же. Transport i komunikacja u Drzewian połabskich w świetle zabytków języka połabskiego.— «Slavia occidentalis», t. 21, 1961; ee же. Jeszcze o etymologiach słowiańsko-niemieckich języka Wendów lüneburskich. Ibid; ee же. Materialna kultura ludowa, Drzewian połabskich w świetle poszukiwań słownikowych.— «Lud», t. XLIII, Wrocław, 1963.

²⁹ J. H e y d z i a n k a - P i l a t o w a. Słownictwo połabskie w zakresie wyprawy lnu.— «Slavia occidentalis», t. XII. Poznań, 1933; ee же. Nazwy pór roku w języku połabskich Drzewian.— «Rocznik Polskiego towarzystwa naukowego na obczyźnie», t. VIII. London, 1957—1958 (рецензию К. Полянского на эту работу см.: «Rocznik slawistyczny», t. XXI, cz. 1, 1960, s. 176—179).

²⁷ Т. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Zapozyczenia dolnoniemieckie w języku połabskim.— «Materialy i prace Komisji językowej», t. VII. Kraków, 1917.

²⁸ В. S z y d ł o w s k a. Życie Połabian w świetle zabytków ich języka. Upra-

источниках, сами по себе недостаточно для нас понятны, ибо отражают живые для той поры значения слов в немецких диалектах. Эти значения немецких слов теперь приходится реконструировать почти так же, как и значения полабских слов. В семантическом анализе полабской лексики и заключается основная лингвистическая ценность работ Шидловской. Хотя Полянский и упрекал Шидловскую в некоторых неточностях, касающихся фонетического и морфологического анализа рассматриваемых ею слов, это не может снизить значения ее работ. Надо сказать, что работы Шидловской освещают не только культуру полабских славян, но и сам лексический состав, отражающий эту культуру. Анализ тематических групп слов интересен лингвистически потому, что он демонстрирует пути реконструкции семантики полабских слов, а также вскрывает черты лексики наименее известного нам славянского языка. Сильной стороной работ Шидловской является широкое использование инославянских

словарных соответствий, установление ряда интересных параллелей между полабскими словами и словами других славянских языков.

В этом обзоре не было возможности остановиться на ряде работ по отдельным вопросам полабской лексики (см. работы В. Пизани о полабском названии 'четверга', С. Ржечека — о семантических группах полабских заимствований из немецкого, В. Мареша — о чешских соответствиях полабскому и др.). Но и рассмотренные работы по полабской лексикологии и лексикографии, а также работы по грамматике полабского языка демонстрируют новые возможности в изучении полабского языкового материала, отражают возрастающий теоретический уровень исследований и знаменуют собой начало нового этапа исследований, основанных на углубляющемся подходе к анализу дошедших до нас данных этого славянского языка.

А. Е. Суррун

V. MENCL. *Na cestě k jednotě (Komunistická strana Československá v letech 1921—1923)*. Praha, 1964, 387 s.

В. МЕНЦЛ. *На пути к единству (Коммунистическая партия Чехословакии в 1921—1923 гг.)*

Советским историкам, особенно тем, кто занимается проблемами рабочего движения в Чехословакии, хорошо известно имя Войтеха Менцла, автора ряда монографических исследований по истории Коммунистической партии Чехословакии¹. Его работы, глубоко аргументированные, основанные на тщательном анализе архивного материала, всегда привлекали внимание новизной постановки проблем и творческим подходом к их решению.

В своей последней книге В. Менцл вновь обращается к истории КПЧ в 1921—1923 гг. подробно останавливаясь на проблемах создания единого пролетарского фронта. В центре внимания автора важнейшая проблема рабочего движения — связь революционного авангарда с массами. III конгресс Коминтерна, состоявшийся летом 1921 г., поставил перед молодыми коммунистическими партиями задачу развертывания работы в массах, борьбы за завоевание рабочего класса. Первая глава работы В. Менцла посвящена анализу объективных условий, в которых должны были работать коммунистические партии.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в Чехословакии в 1921—1923 гг., автор прежде всего останавливается на

специфике послевоенного экономического кризиса. Говоря о положении рабочего класса и других категорий населения — крестьянства, мелких ремесленников и интеллигенции — автор делает вывод, что в Чехословакии в эти годы шел процесс размежевания и поляризации классовых сил, что объективно создавало благоприятные условия для борьбы КПЧ за усиление своего влияния среди трудящихся, за создание единого пролетарского фронта. Но для этого коммунистам предстояло разрушить социальные и национальные предрассудки, которые насаждали буржуазные и реформистские партии.

К осени 1921 г. силы компартии Чехословакии были ослаблены тем, что в ее руководстве имелись разногласия. После объединительного съезда (октябрь 1921 г.) в Исполнительном комитете были сильные позиции «ультралевых» во главе с генеральным секретарем Илеком, отражавших мелкобуржуазные взгляды на революцию и по всем важнейшим политическим и организационным вопросам занимавших сектантскую позицию. С другой стороны, в партии существовала и реальная опасность центристских настроений. Таким образом, отмечает автор, в Коммунистической партии Чехословакии борьба за правильное понимание тактики единого фронта должна была развернуться в двух направлениях: против левого сектантства и против центризма.

Эта борьба развернулась снизу. Инициаторами ее стали партийные органи-

¹ V. Mencl. *Politické boje KSČ a její vývoj v letech 1921—1924*. Praha, 1958; e g o ж е. *Předpoklady a počátky bojů KSČ za jednotnou frontu v Československu*, Praha, 1960.

зации Либерецкого и Брненского краев. Богумир Шмераль, Антонин Запотоцкий, Карел Крейбих и др., кто отстаивал в Исполнительном комитете партии линию III конгресса Коминтерна, получили серьезную поддержку низовых организаций. Газеты «Форвертс» (либерецкий край) и «Ровност» (Брно) начали обсуждение вопросов, связанных с проведением в жизнь новой тактики.

События, развернувшиеся в конце 1921 г. в профсоюзном движении, когда коммунисты на съезде социал-демократических профсоюзов из-за сектантской политики Илека и его сторонников потерпели поражение, в значительной мере способствовали разоблачению «ультра-левых». «Примитивный левый радикализм, который представляла группа Илека, не способен был вести за собой партию» (стр. 157). Тактическая линия, основанная на решениях Коминтерна, которую отстаивали Б. Шмераль, А. Запотоцкий и К. Крейбих, победила. Автор считает, что апрельская конференция КПЧ 1922 г. завершает первый этап борьбы партии за реализацию лозунгов единого пролетарского фронта.

Две последующие главы посвящены практической деятельности КПЧ по претворению в жизнь стратегии и тактики единого фронта. «Стало ясно, — пишет автор, — что единый фронт не эпизодическое явление в коммунистической стратегии и тактике, он будет целой исторической эпохой борьбы против капитализма, одним из важнейших орудий революционной политики» (стр. 236).

В течение 1922 г. КПЧ удалось показать, что активным проведением в жизнь тактики единого фронта можно добиться дифференциации в руководстве оппортунистических партий и сплотить вокруг коммунистов широкие слои рабочих.

Значительное место автор уделяет рассмотрению борьбы КПЧ против наступления политической реакции в стране. Весной 1923 г., когда правительство Чехословакии начало подготовку к принятию реакционного закона об охране республики, компартия развернула широкую кампанию протеста и сумела отстоять не только право на легальное существование, но и в значительной мере сорвала планы чехословацкой реакции. Автор показал несостоятельность бытовавшей в исторической литературе оценки тактики коммунистов в этой борьбе как оппортунистической. Вместе с тем В. Менцл подчеркивает, что линия партии на создание единого фронта не получила дальнейшего развития. Лозунг «новых выборов», выдвинутый КПЧ в период борьбы против принятия реакционного закона, заключал в себе опасность усиления в массах тех парламентских иллюзий, против которых и боролась КПЧ. Появлению этих иллюзий способствовало и изменение обстановки

в стране. Экономический кризис с середины 1923 г. начал затухать. Появились признаки оживления хозяйственной жизни. Волна экономических забастовок стала спадать. В связи с этим в дальнейшем от партии требовалось больше усилий, политической зрелости и организованности в подготовке и проведении стачечной борьбы. В то же время среди части ее членов начали преобладать настроения депрессии. Отсюда естественное стремление ориентировать политику партии вправо. Эти тенденции проявились в период крупнейшей забастовки шахтеров осенью 1923 г., когда ЦК КПЧ заявил о прекращении, на время забастовок, политических споров с другими партиями. Заняв такую позицию, коммунисты тем самым ограничили возможности борьбы против оппортунизма. Таким образом, автор подводит читателя к пониманию создавшегося к концу 1923 г. положения, когда по существу наметилось несоответствие между объективными условиями, сложившимися в стране, и деятельностью руководства партии.

Автор отмечает, что по мере того, как нарастали элементы пассивности в руководстве КПЧ, в партии стало оформляться левое направление, опирающееся на партийную интеллигенцию и младшее поколение партийных функционеров. Левые развернули дискуссию по вопросам о том, как в конкретно-исторических условиях Чехословакии проводить линию III и IV конгрессов Коминтерна, как использовать в дальнейшей борьбе опыт, приобретенный КПЧ в 1921—1923 гг. Они требовали организационной перестройки партии на основе заводских ячеек и выдвигали положение о том, что заводские комитеты (избираемые всеми рабочими на заводе) необходимо использовать в качестве легальных органов единого фронта.

Оценивая проект программы левых, автор пишет: «...это была программа нового поколения партийных функционеров, которое тогда еще было очень слабо и незначительно, но за неполный год оно смогло составить в руководстве партии большинство. В конце 1923 г. эта группа высказывала свои взгляды в форме программных статей, а уже через несколько месяцев, когда в Коммунистическом Интернационале началась строгая и всесторонняя кампания проверки внутренней прочности и силы отдельных коммунистических партий, эти программные тезисы стали источником критики существовавшей системы политической деятельности КПЧ» (стр. 361).

Заканчивая рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью КПЧ в годы послевоенного экономического кризиса, автор подчеркивает, что историческое значение этого периода нельзя ограничивать тем, что КПЧ, несмотря на все свои недостатки, помогла рабочему классу при-

остановить наступление буржуазии. Значение тех лет в истории компартии Чехословакии, по мнению автора, заключается в том, что они дали партии ценный исторический опыт. Практическая деятельность КПЧ ясно доказала, что тактика единого фронта органически соединяет два важнейших элемента революционной борьбы — массовое рабочее движение и политическое сознание, базирующееся на теории марксизма-ленинизма. История КПЧ, ее борьба за создание единого фронта в 1921—1923 гг. показала, что единство пролетарских масс может возникнуть только снизу, в борьбе за требования, которые отвечают интересам рабочего класса в целом.

Таков краткий перечень проблем, поставленных в новой работе В. Менцла. Документальную основу ее составляют материалы чехословацких архивов, в первую очередь архива Института истории партии, архива Канцелярии президента республики, Центрального государственного архива и др. Они дополняются материалами чешской, словацкой, советской, французской и немецкой прессы. Широко использует автор протоколы конгрессов Коминтерна, съездов партии и профсоюзов.

В. Менцл в своей работе удачно сочетает анализ историко-партийных проблем и проблем рабочего движения в целом. Его книга является интересным научным исследованием как по постановке и решению рассматриваемых проблем, так и по методике изложения анализируемого материала. Не случайна та высокая оценка, которую получила работа В. Менцла в Чехословакии.

Приходится лишь сожалеть, что некоторые сюжеты не получили в ней достаточно полного освещения. Как уже указывали чехословацкие историки², необходимо более подробный анализ деятельности КПЧ осенью 1923 г. с тем, чтобы

избежать односторонности в оценке процессов, происходивших в партии в это время. Нам представляется, что здесь также можно было бы шире поставить тему связей В. И. Ленина с чехословацким рабочим движением тех лет.

Можно спорить с В. Менцлом по некоторым частным моментам. Например, вызывает сомнение положение автора, лишь что за две недели до VII съезда Чехословацкого объединения профсоюзов на заседании расширенного Исполнительного Комитета партии 5 января 1922 г. было определено отношение коммунистов к социал-демократическим профсоюзам, если сторонники Красного профинтерна останутся на съезде в меньшинстве.

Вопрос об отношениях коммунистов к предстоящему профсоюзному съезду был поставлен на повестку дня гораздо раньше. Как показывают документы, уже первая расширенная конференция работающих в профсоюзах коммунистов, открывшаяся 30 октября 1921 г., в своей резолюции четко определила позицию и тактику коммунистов, в случае если они на съезде ЧОП не получат большинства голосов: «...если коммунисты останутся на предстоящем съезде в меньшинстве, то они подчинятся воле большинства, оставляя за собой право проводить воспитательную работу в духе своих принципов и стремлений»³. Не следовало бы также при анализе разработки тактики единого фронта в Исполкоме Коминтерна обходить воззвание Исполкома Коминтерна от 17 июня 1921 г.

Но эти замечания не могут влиять на общую оценку новой работы В. Менцла, обобщающей исторический опыт КПЧ начала 20-х годов и связывающей этот опыт с некоторыми проблемами современного международного рабочего движения.

Г. П. Мурашко

² См. рецензии, опубликованные в журналах: «*Nová mysl*», 1965, № 5; «*Prispevký k dějinám KSČ*», 1965, № 4.

³ См.: «*Красный Интернационал профессиональных союзов*». М., 1922, стр. 1201.

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ СЛОВАЦКОЙ ДАНТОЛОГИИ

Трудно сказать, к какому времени относится творческое знакомство деятелей словацкой культуры с философско-поэтическим наследием Данте. Существуют сведения, что в Словакии, так же как и в других славянских странах, «Божественная комедия» была известна уже в эпоху Возрождения. Вторая редакция «Дочери славь» Яна Коллара (1832) содержит песни «Лета» и «Ахерон», повествующие о «славянском небе» и «славянском аде» и не оставляющие сомнения в углубленном восприятии и развитии дантовских образов.

Вероятно, под впечатлением этих песен

колларовской поэмы были сделаны первые попытки перевести на словацкий язык «Божественную комедию». Как установил Альберт Пражак, этим первым опытом был еще весьма далекий от совершенства перевод первой песни «Ада», сделанный Быстерским в 1837 г. В XIX столетии и в наше время словацкие поэты переводили и другие места из «Божественной комедии»; следует надеяться, что рано или поздно появится обзор словацкой дантеаны, включающей и ряд литературоведческих исследований. Совершенно естественно, что среди этих исследований выделяются работы уже упо-

мянутого проф. Пражака¹, ученика и друга Ярослава Врхлицкого, переводчика и крупнейшего знатока Данте.

Первый полный перевод «Божественной комедии» на словацкий язык был предпринят, однако, лишь недавно.

Сейчас перед нами лежит уже изданный перевод «Ада»², который без всякого преувеличения можно считать одним из значительнейших достижений не только словацкой, но и вообще славянской дантологии. Перевод этот выполнен молодым словацким поэтом Вилиамом Турчаным (его первая книга стихов появилась лишь в 1957 г.) совместно с разносторонне образованным литературоведом и эссеистом д-ром Йозефом Феликсом. Содружество это началось несколько лет назад. В 1958 г. Турчань и Феликс опубликовали свой перевод «Новой жизни» с вступительной статьей Феликса и обширными комментариями (в том же году вышел комментированный перевод Феликса биографии Данте, написанной Боккаччо). В ближайшие годы Турчань и Феликс собираются закончить перевод «Чистилища» и «Рая». Иллюстрирована рецензируемая книга, так же как и «Новая жизнь» и перевод Боккаччо, талантливым графиком Винцентом Галанником.

Поэтические достоинства первого полного словацкого перевода «Ада», надо полагать, будут оценены специалистами (т. е., прежде всего, — поэтами). Однако первые впечатления от него можно уже суммировать. Прежде всего нужно отметить, что, так же как чешский перевод Баблера, данный перевод сделан размером подлинника, в котором преобладает, как известно, одиннадцатисложный ямбический стих (четвертый пэон в переводе, естественно, гораздо более редок, чем в подлиннике, и применяется, собственно говоря, только в немногих случаях) с женскими рифмами. Но, помимо метrorитмической структуры, перевод близок к оригиналу своим образным строем, выразительностью языка и, вместе с тем, суровой сдержанностью (напомним, что в подлиннике «Божественной комедии» междометия крайне редки, а превосходная степень применена лишь семнадцать раз).

Переводчиком удалось передать громадный лексический диапазон «Комедии», в которой подлинно апокалиптическая сила архаического «вещания» сочетается с чисто разговорным «vulgare illustre» и простонародным говором, придающим некоторым персонажам поразительную

жизненную достоверность. Этот сложный лексический слав составляет отличительную особенность «Комедии» и одновременно гениальнейшее новаторство Данте. Можно, однако, пожалеть, что переводчики порою применяют enjambements там, где этот прием отсутствует в подлиннике, а в словацком тексте нарушает торжественность речи, — например в тексте надписи на вратах ада («Ад» III, 7—8).

Справедливость требует отметить, впрочем, что такой прием «ломания» строки, в смысле отношении законченной в подлиннике, встречается и в других переводах «Божественной комедии», даже у такого великодушного мастера, как М. Л. Лозинский (ср., например, строки 70—71 песни XXVII «Ада» в подлиннике и переводе), который, так же как Феликс и Турчань, стремился прежде всего к максимальной точности передачи содержания и образов текста.

Что касается звукового строя перевода, то В. Турчань и Й. Феликс, видимо, сознательно отказались, подобно Врхлицкому и многим другим переводчикам, от сохранения сложной системы анафорических приемов Данте, хотя в некоторых особо важных случаях воспроизводятся «кульминационные» гласные, например в троекратном зачине начала третьей песни (*per me si va... Sesto m'ha schádzas'*), или применяются звукоизобразительные приемы (конец пятой песни).

Комментарий д-ра Феликса к переводу «Ада» представляет собою, по существу, обширный дантологический трактат (150 страниц двухколонного текста), поражающий огромной эрудицией автора и прогрессивностью его воззрений. Подобно академикам Луначарскому и Штольцу, Феликс далек от вульгарно-социологической трактовки пресловутого «монархизма» Данте, показывая, насколько передовыми и благородными были философско-этические и общественно-социальные взгляды Данте, политическую мудрость и дальновидность которого отмечал, как известно, Маркс в своих «Хронологических выписках».

В комментарии к данному тому широко использованы высказывания Данте, содержащиеся в его других произведениях, а также обширная дантологическая литература, в том числе и новейшая, в частности чехословацкая. Однако д-р Феликс отнюдь не является бесстрастным регистратором воззрений цитируемых им дантологов. Приводя и сопоставляя их суждения, он делает собственные выводы, причем в некоторых местах указывает, что некоторые образы «Божественной комедии» все еще не могут считаться окончательно расшифрованными, — см., например, анализ образа Feltro (feltro) на стр. 299—301 или обширный комментарий к именам пап, казнимых в «Злых Ще-

¹ См., например, А. P r a ž á k. Hviezdoslav a Dante. — Sborník filozofickej fakulty univerzity Komenského v Bratislave, 1924, № 3.

² Dante Alighieri. Božská komédia. Peklo. Bratislava, 1964.

лях» (382—385). Правда, можно пожалеть, что, называя имена папы Климента V и короля Филиппа IV, д-р Феликс не счел нужным указать, что оба они (в частности, король, которого Данте называл «новым Пилатом») возглавляли заговор, окончившийся гибелью ордена тамплиеров (многие исследователи считают, что «Ад» писался в 1307—1314 гг., т. е. именно в годы процесса над орденом). В глазах Данте (он провел последние годы своей жизни в Равенне, давшей приют многим спасшимся храмовникам) это могло быть гораздо более серьезным поводом для заглавной казни папы, чем его гасконское происхождение. Кстати сказать, ноги «пастыря без закона» горели не только в дантовском аду, но и в ватиканской капелле, где «от неизвестных причин» загорелся гроб Климента V, — это особенно примечательно, если согласиться с Ренуччи, что данная песнь «Ада» писалась еще при жизни Климента.

Конечно, ни от одного комментатора Данте нельзя требовать, чтобы он охватил всю литературу о «Комедии». Однако все еще неясные обстоятельства, позволившие некоторым дантологам предпо-

ложить существование каких-то загадочных связей между величайшим поэтом Запада и капитулом ордена Храма, заслуживают особого внимания, так как в принципе могут нанести решающий удар по «монархической» или «клерикальной» трактовке концепции «Божественной комедии». Быть может, д-р Феликс сочтет возможным коснуться этого вопроса, комментируя XXXII и XXXIII песни «Чистилища».

В целом же комментарий к «Аду» заслуживает высокой оценки, так как охватывает необычайно широкий круг проблем, в том числе исторических, поэтических и биографических. Не обойдены молчанием и сложные вопросы об аллегориях и символике «Божественной комедии» и даже о ее звуковом строе, в том числе и анаграмматических приемах Данте (стр. 296—299). Словацкая наука и литература обогатилась прекрасной книгой, которая не только делает достойным читателя текст первой кантики «Божественной комедии», но и вводит его в увлекательнейший мир, созданный Данте как поэтом, мыслителем и человеком.

Игорь Бэла

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

НИКОЛА ФИЛЧЕВ. Интеллигенция в Народной Республике Болгарии. София, 1964, 124 стр.

Книга Николы Филчева впервые в болгарской литературе дает характеристику развития болгарской интеллигенции от ее возникновения и вплоть до наших дней. В книге два основных раздела. В первом рассматривается прошлое болгарской интеллигенции, во втором — ее социалистическое настоящее. Касаясь прошлого болгарской интеллигенции, автор подчеркивает ее огромную историческую роль в создании национальной культуры, в развитии самосознания народных масс, в борьбе за национальную независимость и свободу. Во втором разделе книги освещается ряд важных вопросов: отношение к старым специалистам, создание новых кадров, формирование единой социалистической интеллигенции, ее участие в социалистическом строительстве. Не все эти вопросы рассмотрены с достаточной полнотой. Тем не менее автор сумел дать ясную картину главных путей развития социалистической интеллигенции.

В книге на ряде примеров показано, как под влиянием Болгарской коммунистической партии основные слои старых интеллигентов перешли на путь социализма. Н. Филчев подчеркивает, что серьезное влияние на перевоспитание старой интеллигенции оказали широкие, систематические культурные связи Болгарии с СССР. Автор освещает многогранную деятельность народной власти по под-

готовке новых кадров специалистов, преимущественно из рядов рабочего класса и трудового крестьянства, рассматривает коренную перестройку высших и средних учебных заведений, проведенную на базе укрепления связи обучения с практикой социалистического строительства и улучшения идейного воспитания учащейся молодежи.

Используя статистические данные, Н. Филчев показывает новую социальную и профессиональную структуру болгарской интеллигенции, отмечает изменения, происшедшие за годы социалистического строительства.

Вместе с тем в работе Н. Филчева есть и некоторые частные недостатки. Хотя автор неоднократно касается противоречивых явлений в развитии интеллигенции, однако он не всегда конкретизирует эти положения. Есть в книге и отдельные нечеткие формулировки. Так, например, автор определяет группу интеллигенции, занятую в политическом аппарате, как политико-правящую интеллигенцию (стр. 34, 58 и др.). Такая формулировка может дать повод к неправильному пониманию роли этой группы интеллигенции.

Однако отдельные недостатки и пробелы в содержательной работе Николы Филчева не могут заслонить того положительного впечатления, которое оставляет у читателя эта интересная книга.

М. Добрускин

«ЗАПИСКИ ОБ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ В ЮГОСЛАВИИ»

Под таким названием издательство «Прогресс» недавно выпустило в свет в русском переводе (изд. 2-е) книгу видного государственного, политического и общественного деятеля Югославии Родолюба Чолаковича¹. Книга эта занимает выдающееся место среди большого числа работ, посвященных истории освободительной войны народов против фашистских захватчиков. В ней автор напоминает читателю о грозных событиях тех лет, правдиво и увлекательно рассказывает о большом вкладе народов Югославии в дело разгрома гитлеровской Германии.

Книга Р. Чолаковича представляет собой серию очерков, написанных им на основе дневника военных лет. В этом историческом повествовании убедительно показан подлинно народный характер борьбы, которую вели трудящиеся Югославии в годы второй мировой войны.

Изложение событий автор начинает с 7 июля 1941 г., когда в Сербии вспыхнуло вооруженное восстание против фашистских оккупантов, явившееся сигналом к развертыванию национально-освободительной борьбы на всей территории Югославии. Патриоты Югославии отвергли фашистский «новый порядок». Под руководством коммунистической партии они поднялись на народную войну. В воззвании Политбюро ЦК КПЮ «К народам Югославии» от 22 июня 1941 г. говорилось: «Пробил решающий час. Началась решающая битва против злейших врагов рабочего класса, битва, которую фашистские преступники сами навязали вероломным нападением на Советский Союз — надежду трудящихся всего мира... Это также и наша борьба, которую мы должны поддерживать всеми силами, даже ценой наших жизней».

27 июня был создан Главный штаб партизанских отрядов Югославии во главе с Иосипом Броз Тито. 4 июля Политбюро ЦК КПЮ разработало план восстания и дало указание руководящим партийным кадрам выехать на места для проведения военно-политической работы. «Итак, завтра в путь, — записывает в своем дневнике Р. Чолакович, — в путь неведомый, но наш. Начнется новая, необычная жизнь, новая необычная работа. Наступило время делом доказать своему народу и Советскому Союзу нашу любовь и верность» (стр. 20).

Автор книги, в числе других партийных работников, руководил формированием партизанских отрядов, вел политическую работу среди населения оказывал помощь в создании народно-освободительных комитетов. Р. Чолакович рас-

сказывает о том, как, постоянно рискуя жизнью, коммунисты в сложнейших условиях решали поставленные перед ними партией боевые задачи. С большим интересом читаются страницы о боевых действиях партизанских отрядов, об их руководителях и рядовых бойцах-партизанах.

Народная борьба в Югославии развивалась вширь и вглубь, перерастая рамки освободительной войны, становясь борьбой трудящихся и всех прогрессивных сил страны за новую жизнь — без помещиков и капиталистов. С мастерством большого художника и зоркостью политического деятеля показывает Р. Чолакович процесс этого перерастания. Освободительная война в Югославии, по существу, была в то же время и народной революцией. Широкие массы трудящихся в Югославии с первых же дней войны боролись за выдвинутую коммунистической партией программу завоевания полного равноправия всех югославских народов, уничтожения всякой национальной дискриминации и установления подлинно демократического правления. Изгоняя оккупантов, народ ликвидировал старые органы власти и создавал новые, демократические органы — народно-освободительные комитеты.

В ноябре 1942 г. представители всех национальностей Югославии собрались в гор. Бихаче и на совместном заседании создали Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), которое стало общенародным политическим органом, объединившим все патриотические силы страны на общей платформе борьбы с оккупантами. 29 ноября 1943 г. в гор. Яйце состоялась вторая сессия АВНОЮ, на которой был заложен фундамент новой, социалистической Югославии. Р. Чолакович, будучи активным участником этой сессии, рассказывает о встречах боевых друзей — делегатов сессии, о подготовке и принятии ими исторических решений.

Автор подчеркивает огромную роль Советской Армии в разгроме гитлеровской военной машины и, в частности, в освобождении Югославии.

В «Записках» Р. Чолаковича читатель найдет немало фактов, свидетельствующих о твердой вере югославского народа в победу Советской Армии, в братскую помощь советского народа. А когда Советская Армия нанесла гитлеровским войскам ряд сокрушительных ударов и погнала их обратно на запад, для всех стало ясно, указывает Р. Чолакович, что она с честью выполнит свою историческую освободительную миссию.

Свое большое и интересное повествование автор заканчивает изложением событий заключительного этапа второй ми-

¹ Р. Ч о л а к о в и ч. Записки об освободительной войне в Югославии. «Прогресс», 1965, 779 стр.

ровой войны. Он пишет об успехах Народно-освободительной армии Югославии, о вступлении в Югославию частей Советской Армии, о совместных наступательных действиях двух братских армий. Страницы «Записок», посвященные освобождению Белграда в октябре 1944 г. и встрече советских воинов с жителями югославской столицы, написаны с чувством глубокой признательности к советскому народу и его героической Армии. «Есть что-то величественное в движении этой гигантской военной машины, еще от Волги неупорно движущейся вперед, подобно мощной лавине, сметающей на своем пути все преграды. Я всматри-

вался в лица бойцов: усталые, симпатичные русские люди. Жители машут им, выносят хлеб и табак; едва колонна остановится, горожане подходят, жмут им руки, некоторые начинают их целовать, стараются выразить свою благодарность и приветствовать их приход» (стр. 773).

Итак, тяжелый и опасный путь позади. Перевернута последняя страница дневника. Но читатель еще долго будет расхаживать под впечатлением волнующего рассказа автора о героической борьбе югославского народа за свое национальное и социальное освобождение.

И. Семин

J. HROZIENČIK, F. GONDOR. Neboli sme sami (O pomoci SSSR Slovenskému národnému povstaniu). Bratislava, 1964, 97 s.

Й. ГРОЗИЕНЧИК, Ф. ГОНДОР. Мы были не одни (О помощи СССР Словацкому национальному восстанию).

Эта книга вышла в научно-популярной серии «Мы изучаем Советский Союз» издательства Союза чехословацко-советской дружбы (Словацкий комитет) в связи с XX годовщиной Словацкого национального восстания. Она состоит из пяти разделов. В предисловии чехословацкие историки отмечают, что для понимания значения Словацкого национального восстания необходимо рассмотреть весь комплекс вопросов, которому можно было бы дать название «Словацкое национальное восстание и Советский Союз» (стр. 7).

Й. Грозиенчик и Ф. Гондор поставили целью показать характер, объем и формы помощи, оказанной Советским Союзом народному восстанию в Словакии. Значительное внимание авторы уделили проблеме внешнеполитической ориентации восстания. Они отмечают, что уже в думонхенской республике наряду с официальной прозападной ориентацией правящих буржуазных кругов в Чехословакии существовало широкое народное движение за союз и сотрудничество с первым пролетарским государством — СССР. Трагический опыт Мюнхена и первых лет оккупации еще раз подтвердил, что Советский Союз является верным другом чехословацкого народа.

В третьем и четвертом разделах освещается помощь СССР в подготовке и во время восстания. Й. Грозиенчик и Ф. Гондор подчеркивают, что победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, и особенно летнее наступление советских войск в Карпатах в 1944 г., послужили стимулом к размаху антифашистского движения Спротивления, которое вылилось в Словацкое национальное восстание. Авторы привлекли много фактического материала о различных видах материально-технической и военной помощи, оказанной Советским Союзом словацкому национально-освободительному движению. Особое значение придают они карпатско-дуклинской операции.

Последний, пятый раздел книги посвящен боевому содружеству чехословацких и советских воинов. В заключение авторы указывают на значение Словацкого национального восстания. Оно положило начало национально-демократической революции в Чехословакии, внесло определенный вклад в военное поражение фашистской Германии.

М. Копашева

«ДОРОГА В ОГНЕ»¹

Эта книга — воспоминания генерала Францишека Ксенжарчика, участника освободительной войны в Испании в 1936—1939 гг. и одного из руководителей антифашистского движения Сопротивления в Польше в годы второй мировой войны. В первой части книги автор рассказывает о борьбе польских добровольцев в Испании в годы гражданской войны. Вторая часть посвящена деятельности Гвардии Людовой и Армии Людовой во время второй мировой войны.

Из книги мы узнаем, что домбровцы (так называли поляков, которые сражались в Испании в интернациональных бригадах) вошли затем в состав руководящего ядра Гвардии Людовой, борющейся с гитлеровцами в Польше. Домбровцы сыграли большую роль в организации партизанского движения. Сам Ксенжарчик был командиром Гвардии Людовой города Варшавы, а впоследствии Краковского округа Армии Людовой. Он рассказывает о командире округа Левая Подмейская Юзефе Домбровском, который сражался раньше в Испании, а в Польше был известен под псевдонимом «Гишпан». Рассказывает о докторе Стерехеле — враче батальона имени Мицкевича в Испании, который впоследствии командовал Варшавским округом Гвардии Людовой, о бывших домбровцах — Юзефе Мрозке, Яне Славинском, Юзе-

фе Спире, Гжегоже Корчинском, Стахе Ланге и др.

Красной нитью проходят в книге идеи пролетарского интернационализма. Автор рассказывает о том, что защищать свободу испанского народа прибыли представители 54-х стран, рассказывает о подвигах «лучших людей земли», как называли их испанцы. В книге говорится о помощи Советского Союза Испанской Республике. Автор много места уделяет польско-советскому сотрудничеству в годы второй мировой войны. Он рассказывает о том, как бойцы польского Сопротивления помогали советским военнопленным пробираться из Франции в Польшу к партизанам. В то же время автор говорит о спасении советскими танкистами жителей городка Скальбмеж и с благодарностью вспоминает командование 113 советской дивизии, которое помогло польским партизанам перейти линию фронта и попасть на освобожденную от гитлеровцев территорию.

Книга хорошо иллюстрирована, в ней много редких фотографий. Воспоминания генерала Францишека Ксенжарчика — ценный вклад в изучение истории польского революционного движения в новейшее время.

И. Перцигер

¹ F. K s i e ż a r c z y k. Droga w ogniu. Warszawa, 1964, 330 s.

JAN MIŠIANIK. *Antológia staršej slovenskej literatúry*. Bratislava, 1964, 850, s. 1

ЯН МИШИАНИК. Антология древней словацкой литературы.

Выход подготовленного в Институте словацкой литературы САН научного издания «Антология древней словацкой литературы» — существенное событие в изучении истории древней культуры словацкого народа. До последнего времени ряд важных явлений древнего периода словацкого литературного развития выпадал из поля зрения ученых, что мешало установлению преемственности, органической связи словацкой литературы XIX и XX вв. с национальными традициями устной и письменной словесности прошлого. «Антология», содержащая памятники древней словацкой письменности (поэзию, прозу, драматургию и корреспонденцию) от IX в. (времен Великоморавской державы) до конца XVIII столетия, помогает ликвидировать эти пробелы. Наряду с известными, в нее включены и ранее не известные тексты, относящиеся в основном к XVI—XVIII вв.

В книге четыре раздела: I. Из литературного наследия Великой Моравии (IX век); II. Под господством средневековой латинской образованности (X —

конец XV столетия); III. Гуманизм и Возрождение как наступление городской культуры (конец XV в. — 30-е годы XVII в.); IV. Спад городской культуры и господство церковного барокко, растущее значение народного творчества (40-е годы XVII в. — конец XVIII в.). Материал внутри разделов располагается по жанрам. Сопоставляя периодизацию древней словацкой литературы, предложенную в «Антологии», с периодизацией, принятой в академической «Истории древней словацкой литературы»¹, мы видим некоторую разницу. Так, например, составитель «Антологии» Ян Мишианик начало третьего периода, который в «Истории» получил название «Возрождение — первые проявления городской идеологии», датирует не началом XV в., а концом. Мотивы уточнений периодизации Ян Мишианик излагает в обширной вступительной статье, где распространение гуманистических идей в

¹ «Dejiny staršej slovenskej literatúry». Bratislava, SAV, 1958.

Словакии связывает с открытием Братиславского университета (1467 г.).

Представленные в «Антологии» тексты позволяют реконструировать процесс становления и развития национальных традиций словацкой словесности, последовательная взаимосвязь которых особенно заметна начиная с XVI столетия. Знакомясь с «Антологией», можно проследить, как произведения древнесловацкой литературы по мере ее развития все интенсивнее впитывали в себя светские элементы, шедшие от устного народного творчества. Особенно усилилось влияние фольклора в XVIII в. — на пороге нового культурного подъема в Словакии.

Изданию «Антологии» предшествовала большая и кропотливая исследовательская работа — эвристическое изучение рукописных сборников в архивах Чехословакии и других стран, которому Ян Мишаник посвятил не один год. Следует отметить высокую научную культуру издания. Памятники древнесловацкой письменности на латинском и других языках приведены в оригиналах и переводах на словацкий язык, тщательно прокомментированы. В книге содержится резюме вводной статьи на русском и английском языках, много иллюстраций.

Л. К.

«Грађа за историју библиотеке Матице српске» Књ 1. Б-ка Матице српске. Нови Сад, 1964, 294 стр.

«Материалы по истории библиотеки Матицы сербской»

Библиотека Матицы сербской в Новом Саде предприняла пятитомную публикацию материалов по истории ее создания и деятельности. Нужно отметить, что деятельность этой старейшей публичной библиотеки Сербии до сих пор мало известна широким кругам научной общественности Советского Союза.

В настоящее время вышел из печати первый том, содержащий 309 документов из архива Матицы сербской. Эти документы, частично опубликованные в сербской периодике тех лет, характеризуют пештский период деятельности библиотеки за 1830—1864 гг.; во второй том предполагается включить материалы за 1864—1899 гг., в третий — за 1899—1918 гг., четвертый будет посвящен деятельности библиотеки в период между двумя мировыми войнами, последний выпуск будет включать полную библиографию трудов Матицы и литературы о ней.

Материалы первого тома, относящиеся к начальному периоду деятельности библиотеки, представляют большой интерес для изучения не только собственно истории библиотеки, но безусловно и сербско-славянских, в частности сербско-русских исторических взаимосвязей.

Начало систематической работы библиотеки Матицы сербской относится к 1838 г. В сборнике опубликовано постановление от 14 августа (документ № 7) об открытии библиотеки, «в которую каждый, а особенно славянин любого наречия и рода, будет иметь доступ», и содержится обращение к учреждениям и частным лицам присылать литературу для комплектования ее фондов. Матица сербская и сформированная при ней библиотека играли значительную роль в культурной жизни сербов в XIX в., не только в деле собирания литературы, но и в объединении вокруг себя учащейся молодежи. 16 декабря 1841 г., а затем

23 января 1842 г. сербская учащаяся молодежь в Пеште обращается с просьбой разрешить пользоваться книгохранилищем Матицы (документы № 24, 35). В январе 1846 г. при библиотеке открывается читальня для всех желающих (документы № 87, 88).

В сборнике говорится о книгообменных связях Матицы, способствовавших во многом формированию ее фондов. Среди зарубежных партнеров первой упоминается императорская Академия наук в Петербурге. 8 ноября 1830 г. Матица сербская, как свидетельствует документ № 4, через посредство русского посланника в Вене Татищева направляет Академии наук ряд своих изданий, в том числе «Сербские летописи». 14 июня 1832 г. Министерство народного просвещения и Российская академия наук со своей стороны направляют литературу в адрес Матицы сербской, положив тем самым начало регулярному обмену (документ № 5). На заседаниях Матицы 8 мая 1839 г. и 4 марта 1842 г. ставится вопрос о составлении списка литературных обществ и академий зарубежных стран, с целью распространения ее изданий (документы № 13, 26), среди которых фигурируют академии наук в Петербурге, Берлине, Париже, Чешский национальный музей, Словацкое общество в Будиме, Белградский лицей, публичные библиотеки Львова, Варшавы, исторические общества в Одессе и Москве. Призыв Матицы помочь ей скомплектовать фонды библиотеки находит живой отклик в самых различных центрах славянских стран, среди ученых, писателей и политических деятелей. Многочисленные документы содержат имена В. Караджича, В. Копитара, П. И. Шафарика, Л. Гая, О. М. Бодянского, П. Негоша, Я. Ф. Головацкого, Я. Коллара, П. А. Лавровского, немало способствовавших организации библиотеки, о чем свидетельствует

приложенный к документам каталог книг, поступивших в библиотеку Матиц-ды сербской в 1832—1864 гг.

Как можно видеть из краткого обзора опубликованных документов, Матицей сербской предпринято очень интересное

издание, вносящее новый вклад в изучение истории культурных связей славянских народов в годы их борьбы за завоевание национальной независимости.

И. Калоева

БИБЛИОГРАФИЯ

*ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ
В 1965 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Бродский С. Общность взглядов (О переговорах между руководителями Польши и Югославии).— «Новое время», 1965, № 49, стр. 16—17.

Бутенко А. П. Две мировые системы и тенденции их развития.— «Вопросы философии», 1965, № 9, стр. 3—13.

Гетманец М. Братское сотрудничество УССР с социалистическими странами.— «Коммунист Украины», 1965, № 9, стр. 41—52.

Ланогов И. По дорогам Югославии.— «Международная жизнь», 1965, № 11, стр. 30—36.

Панамароу В. Усё залежыць ад людзей (О дружбе хлеборобов колхоза «Рассвет» БССР и «Ботевградской коммуны» — Болгария).— «Полымя», 1965, № 6, стр. 137—154.

Хланта О. В. Обмін досвідом зміцнює дружбу (О связях Закарпатья с зарубежными социалистическими странами).— «Український історичний журнал», 1965, № 6, стр. 121—123.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Артемов Н. Рост экономического могущества стран социализма.— «Вопросы экономики», 1965, № 9, стр. 136—146.

Барковский А., Горизонтов Б. Пути снижения транспортных расходов в системе международного социалистического разделения труда.— «Плановое хозяйство», 1965, № 11, стр. 67—71.

Богоев К. Н. Развитие кредитования сельского хозяйства в Народной Республике Болгарии.— «Учет и финансы в колхозах и совхозах», 1965, № 8, стр. 44—46.

Богомолв О. Обмен опытом (между соц. странами) — важный фак-

тор экономического развития.— «Коммунист», 1965, № 16, стр. 103—113.

Бондаренко В. Братні (экономические) зв'язки України з Чехословаччиною.— «Економіка Радянської України», 1965, № 6, стр. 88—92.

Булаш М. На шляхах економічного піднесення (европейских социалистических стран).— «Економіка Радянської України», 1965, № 5, стр. 82—86.

Госыциньски В. Рыбхозозяйственное законодательство в Польше.— «Рыбоводство и рыболовство», 1965, № 5, стр. 41.

Евстигнеев Р. Отраслевые производственные объединения в промышленности ряда социалистических стран.— «Вопросы экономики», 1965, № 9, стр. 98—104.

Йонак А. Этапы нашего роста (О кооперативном движении в ЧССР).— «Советская потребительская кооперация», 1965, № 8, стр. 57—59.

Кайе В. Причины перемен. Об изменениях в системе руководства промышленностью соц. стран.— «Новое время», 1965, № 43, стр. 4—7.

Мисюна В. Зерновые культуры в Польше.— «Экономика сельского хозяйства», 1965, № 11, стр. 111—116.

Митрофанова Н. Цена и стимулирование повышения эффективности производства (в экономике соц. стран).— «Плановое хозяйство», 1965, № 10, стр. 58—64.

Никифоров Л. А. Промышленное развитие социалистической Югославии.— «Вопросы истории», 1965, № 11, стр. 43—52.

Олейник И. Неуклонный рост экономики стран социализма.— «Коммунист», 1965, № 15, стр. 94—101.

Палилова З. Государственная помощь ЕСХК Чехословакии.— «Экономика сельского хозяйства», 1965, № 10, стр. 111—114.

Пархоменко Е. С. Птахофабрики Чехословакии.— «Механізація сільського господарства», 1965, № 6, стр. 30—31.

Саркс А. Письмо в редакцию (О жил. строительстве в Югославии).— «Жилщное строительство», 1965, № 9, стр. 22—30.

Сорокин Г. Некоторые вопросы теории переходного периода.— «Вопросы экономики», 1965, № 10, стр. 98—108.

Ткаченко Ф. А. Насінництво картоплі в Болгарії.— «Вісник сільськогосподарської науки», 1965, № 4, стр. 111—113.

Фремер М. Новая система планового управления народным хозяйством Чехословакии.— «Вопросы экономики», 1965, № 11, стр. 75—81.

3. Партийная жизнь

Бабюх Э. Авангард рабочего класса и польского народа.— «Партийная жизнь», 1965, № 21, стр. 66—72.

Бобрек Б. Повышение эффективности производства (борьба коммунистов шахты в Карвине за соверш. планирования и методов руководства производом).— «Партийная жизнь», 1965, № 19, стр. 70—72.

Гешаков В. Публицистика в партийной теме (По страницам болгарских газет).— «Советская печать», 1965, № 7, стр. 56—57.

4. Государственное строительство

Брайткопф Е. Выборы позади, началась практическая работа (О выборах в Сейм и Рады народов 30 мая 1965 г. в ПНР).— «Советы депутатов трудящихся», 1965, № 8, стр. 107—108.

Горбачев Б. Однопартийность и многопартийность: опыт социалистического развития.— «Коммунист», 1965, № 13, стр. 111—115.

Тихонова Е. Нова Конституція народів Югославії.— «Радянське право», 1965, № 2, стр. 119—122.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бакырджиев П. Успехи Болгарии.— «Агитатор», 1965, № 17, стр. 46—48.

Бейліс О. С. Борьба марксистского напрямку в болгарській історичній науці проти буржуазно-ідеалістичної концепції національного відродження Болгарії. Вісник Львівського ун-ту. Серія іст., 1965, стр. 28—35.

Белякевич І. І. Журнал «Жице»—джерело для вивчення участі польських соціал-демократів у революційній діяльності в Росії в період першої світової війни. Вісник Львівського ун-ту. Серія іст., 1965, стр. 36—41.

Гарбуноў Ц. С. Баявая садружнасьць славян у гады другой сусветнай

ваіны. Весці Акад. навук БССР. Серыя грамад. навук, 1965, № 2, стр. 14—19.

Гошко Ю. У спілній боротьбі (О помощи чехосл. коммунистов революционной борьбе в Зап. Украине).— «Жовтень», 1965, № 6, стр. 16—18.

Гросул Я. С., Мохов Н. А., Советов П. В. Особенности перехода от феодализма к капитализму на Юго-Востоке Европы.— «Вопросы истории», 1965, № 11, стр. 54—76.

Егоров В. Ф., Кундаров П. О. Про перехід військовослужбовців Словацької запасної дивізії на бік одеських партизанів у 1944 р.— «Український історичний журнал», 1965, № 5, стр. 119—122.

Жигунов Е. К., Рашковский Е. Б. Ранние программы социалистического движения в Польше (К истории становления идеологии партии «Пролетарнат»).— «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 12—24.

Зайцева А. А. «Дневник» Яна Коллара (К вопросу о формировании мировоззрения поэта).— «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 40—53.

Зеленин В. В. Участие советских людей в народно-освободительной войне Югославии.— «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 35—39.

Маевский К. Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1964 г.— «Советская археология», 1965, № 4, стр. 228—230.

Мандоджиев А. Рука об руку (О совм. боевых действиях воинов советск. и болгарск. армий в годы Великой Отеч. войны).— «Физкультура и спорт», 1965, № 9, стр. 32—33.

Мельникова І. Славний ювілей братньої Чехославакини.— «Комуніст України», 1965, № 5, стр. 66—71.

Миниев П. Праздник народов Югославии.— «Агитатор», 1965, № 21, стр. 47—49.

Потсдамская конференция руководителей трех великих держав (документы).— «Международная жизнь», 1965, № 10, стр. 151—160; № 12, стр. 139—151.

Самсонов Н. Две встречи с Чехословакией (Об освобождении Брно и Праги в 1945 г.).— «Полярная звезда», 1965, № 3, стр. 73—75.

Сапінська-Монка Т. Партизанські балади (Воспоминания польской партизанки, участницы 2-й мировой войны).— «Всесвіт», 1965, № 6, стр. 89—97.

Славин Г. М. Из истории создания социалистической Югославии.— «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 3—11.

Файзиев Ш. Помощь трудящихся Узбекистана жертвам белого террора в Болгарии (1923—1929).— «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 9, стр. 41—43.

Фомин Г. Н. Богумир Шмераль

(к 85-летию со дня рождения). — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 10, стр. 87—89.

2. Философия

Валента Зд. О существенных различиях между физическим и умственным трудом в Чехословакии. — «Научные доклады Высшей школы. Философские науки», 1965, № 5, стр. 29—39.

Совещание редакций философских журналов европейских социалистических стран. — «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 56—64.

3. Культура

Адамчевский Я. Друга молодість Вавеля. — «Всесвіт», 1965, № 3, стр. 8—10.

Арнольд А. И. Некоторые особенности культурного прогресса мировой системы социализма. — «Вопросы философии», 1965, № 9, стр. 25—36.

Балов Н. Образование взрослых в Югославии. — «Народное образование», 1965, № 8, стр. 105—108.

Бережков В. Шатры под оливами (О развитии туризма в Югославии). — «Новое время», 1965, № 42, стр. 26—28.

Богомолов А. И. Высшее образование в Югославии. — «Вестник высшей школы», 1965, № 8, стр. 86—89.

Викторов В. Вроцлав, Варшава, Краков. Заметки о прессе. — «Советская печать», 1965, № 7, стр. 54—56.

Винарек Й. Развитие сельских библиотек в ЧССР. — «Библиотечковедение и библиография за рубежом», вып. 16, 1965, стр. 58—86.

Войнички М. С песней один на один. — «Советская эстрада и цирк», 1965, № 10, стр. 26.

Ганцка Я. О. А. Народное художественное творчество в социалистической Польше (проблемы развития). — «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 33—44.

Герчук Ю. Карел Земан в мире Жюль Верна (Об исползн. гравюр в кинофильмах чехословацк. режиссера). — «Декоративное искусство СССР», 1965, № 8, стр. 27—29.

Гешев Ч. Новые работы болгарских кинематографистов. — «Искусство кино», 1965, № 11, стр. 100—101.

Громан И. Книжная торговля Чехословакии. — «Книжная торговля», 1965, № 8, стр. 46—48.

Гурский Ю. Право, регулирующее оборот в обобщественном секторе, в планах и учебных программах на факультетах права в Польше. — «Советское государство и право», 1965, № 11, стр. 122—126.

Житомирский Д. Фридерик Шопен. — «Музыкальная жизнь», 1965, № 17, стр. 15—17.

Карасиньская И. Михал Клеофас Огиньский. — «Музыкальная жизнь», 1965, № 18, стр. 17—18.

Козак С. На литературном порозі (О переводах украинских поэтов в Польше). — «Дніпро», 1965, № 4, стр. 83—84.

Курец А. Развитие чтения в словацкой деревне. — «Библиотечковедение и библиография за рубежом», вып. 16, 1965, стр. 87—104.

Лазарев В. А. Романы М. Шолохова в Чехословакии. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т. 157. «Труды кафедры советской литературы», вып. 5, 1965, стр. 341—353.

Липский Т. Пути совершенствования (Из опыта польских журналистов). — «Советская печать», 1965, № 8, стр. 54—56.

Мамонтов А. В. Вопросы теории и методики краеведческой библиографии в работах болгарских исследователей. — «Библиотечковедение и библиография за рубежом», вып. 16, 1965, стр. 105—113.

Марков И. Перевернутая пирамида (Из чехословацк. опыта работы над информацией). — «Советская печать», 1965, № 7, стр. 58—60.

Марков П. На спектаклях театра Повшехны. — «Театр», 1965, № 8, стр. 141—148.

Мещерский Н. А. К вопросу об источниках славянской книги Еноха. Кратк. сообщ. Ин-та народов Азии, 86, 1965, стр. 72—78.

Пешек Я. В двадцати километрах от Праги. — «Культурно-просветительная работа», 1965, № 8, стр. 25—27.

Пин А. Пепел Освенцима (О польском фильме «Конец нашего света»). — «Новое время», 1965, № 44, стр. 28—29.

Почепко Г. П. Библиография библиографий в Польше. — «Библиотечковедение и библиография за рубежом», вып. 16, 1965, стр. 114—121.

Секерский Ст. Некоторые вопросы деятельности сельских библиотек в Польше. — «Библиотечковедение и библиография за рубежом», вып. 16, 1965, стр. 47—57.

Смирнов Ю. И. Сербская баллада на Русском Севере. — «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 54—59.

Титова Н. Гуцаленко В. Природа и архитектор (О работе болгарских архитекторов). — «Декоративное искусство СССР», 1965, № 8, стр. 44—45.

Чапек К. Заметки о театре. — «Театр», 1965, № 8, стр. 84—89.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1965, № 4

К. Байчинский. Развитие стратегии и тактики мирового коммунисти-

ческого движения и VII конгресс Коммунистического Интернационала; С. Маслев. Греческое восстание 1821—1829 г. и болгарский народ; Д. Милич. Ино-

странный капитал в Сербии до первой мировой войны; И. Шопов. О появлении человека на нашей территории; К. Хаджиолова. Приговор турецкого суда одному из сподвижников Василия Левского.

«*Studia slavica*», 1965, № 1—2

Э. Балецкий. Иштван Книжа (1898—1965); И. Книжа. *Hungarika* в словаре славянский древностей; К. Бор, Т. Томёри. Переписка между В. Ягичем и Л. Таллоши; Э. Балецкий. *Урик, урук, орег* в украинском языке (к вопросу о сохранении заимствований); Л. Дэжэ. О языке урбарильных записей 1771—1774 гг.; П. Кирали. Венгерские заимствования в одной восточнославянской общине; Ф. Грегор. Комментарии к картам атласа словацких диалектов в Венгрии; И. Сигос. Четыре словацких политических стихотворения конца 1860 и начала 1861 г.; Ю. А. Романеев. К вопросу о морфологической адаптации заимствований; Л. Киш. Этимология русск. «майка»; А. Холлош. Гоголевское слово «леветарь»; М. Петер. О рифме Твардовского; З. Ковач. Отклики на «Мадьярские поэты» в России.

«*Z pola walki*», 1965, № 3

В. Найдус. Отклики на Парижскую Коммуну и I Интернационал в Галиции; Ш. Рудницкий. Социальная программа Национал-радикального лагеря (ОНР). Отношение к рабочему вопросу; Р. Торунчик. Коммунистический Союз польской молодежи и VI Всемирный конгресс КИМ; Б. Ваховская. Захват предприятий рабочими во время стачек 1929—1933 гг.; Я. Каспшак. Павел Левинсон-Ланинский; Т. Лясоцкий. Ян Руткевич; М. Спыхальский. Первая программа восстановления Варшавы (1944 г.); Известные воззвания Белостокского Комитета СДКП (подготовил С. Калябинский); Политическая корреспонденция Марии Кошутской (Веры Костшевы), ч. II (подготовил Г. Иванский); Начало народной власти на Западных землях (подготовил В. Гура).

«*Pamiętnik literacki*», 1965, № 3

Т. Бенковский. Традиции античной комедии и формирование польской комедии в XVI веке. Очерк проблематики; З. Новак. Совизжальская литература и реформация; В. Рошкова. Поляки в римской «Аркадии» (1699—1766); М. Рутковская. Мнения современников о польском романе XVIII века. Из проблем термино-

логии. С. Домбровский. О некоторой особенности сравнения и метафоры.

«*Język polski*», 1965, № 4

С. Урбанчик. Игнацы Штейн; Р. Ротштейн. Язык как предмет лингвистических исследований; А. Заремба. Из польско-чешско-словацких связей в Силезии (окончание): III 'towa' — 'rzecz'; З. Кемпф. Судьба окончания *-mi*; Х. Поповска-Таборская. О кашубском варианте двух стихотворений Яна Кохановского; Ю. Росс. Из истории польской медицинской терминологии; Э. Москот. Из исследований названий местностей в Силезии. I. Свентохловице. II. Кохловице.

«*Romanoslavica*», 1965, № XI

Н. Чакир. Отклики на вооруженное восстание 23 августа 1944 г.; Д. Хурезяну, К. Н. Велики. Новые данные о проникновении идей I Интернационала в Румынию и в ряды болгарских эмигрантов в нашей стране; К. К. Джуреску. Перевозка оружия для сербов через Румынию в период правления Куза Водэ (1862); К. Н. Велики. Эмиграция к северу и югу от Дуная в 1828—1834 гг.; А. Виану. О связях между бунтом адальцев, восстанием сербов и выступлением в Валахии, организованном летом 1815 г. Йордаке Олимпотиом; Г. Г. Флореску. Дипломатические агентства в Бухаресте и Белграде (1863—1866). К вопросу о румыно-сербских отношениях; Д. Г. Ионеску. Поселение болгарских колонистов в городе Бузу и его окрестностях в период 1792—1838 гг.; В. Костякел. К вопросу о социальной истории Молдавии XIV—XVII вв.; Д. К. Джуреску. Экономические отношения Валахии со странами Балканского полуострова в XIV—первой половине XVI века; А. Андрионик. Города Молдовы в XIV веке в свете древнейших русских источников; А. Сачердоциану. Последовательность правления господарей Молдовы до Александра Доброго по материалам документов XIV в. и румынских хроник XV и XVI вв. на церковнославянском языке; Э. Лэзереску. Никодим Тисменский и его роль в древней румынской культуре. I (до 1385 г.) Е. Линца. Известные материалы об эпохе первого польского междоусурствия и о политике молдавского господаря Иона Водэ (1572—1574); Г. Платон. Документ об отклике в Молдове на революционное движение в Браиле в 1841—1843 гг.; А. Виану. Потери Молдовы в поставках 1812—1816 гг. Порте. По материалам консульства России в Яссах;

К. Бэлан, П. Черноводяну. Неизвестные славяно-румынские документы Валахии XVI—XVII вв.

№ XII

К семидесятилетию академика Александра Росетти (Г. Михайлэ); Э. Петрович. Западно-южнославянские топонимы на территории Олтения; Г. Михайлэ. Славяно-румынские тексты как источник для словаря книжно-славянского языка; Е. Фодор. Суффиксальное словообразование имен существительных в восточнославянских языках; М. Москов. К вопросу об этимологии некоторых румынских слов славянского происхождения; И. Оицэ. Сложные предложения с возобновляющимися элементами; М. Миту. Слова с румынской этимологией в «Словаре польского языка»; Л. Джамон-Дияконице. К вопросу изучения общественно-политической терминологии книжно-славянского языка румынского извода (Термины и значения, специфические для хроник); С. Ваймберг. О порядке составных элементов сложных прилагательных; Э. Врабие. Заметки о русском говоре села Климуэц; Т. Александру-Добрицоу. История поселения чехов в южном Банате (СРР); М. Новиков. Лермонтов в свете современности; И. К. Кицимия. Адам Мицкевич и румынская литература. Переводы его произведений на румынский язык; Т. Ионеску-Нижкоу. Философские сочинения Александра Хаждеу и украинский мыслитель Григорий Саввич Сковорода; К. Н. Велики. Стихи и проза Эминеску на болгарском языке; Г. Михайлэ. Связи Фр. Миклошича с А. И. Одобеску, Б. П. Хаждеу и Иоаном Богданом; Т. Булат. Одна попытка напечатать «Corpus inscriptionum slavo-romanicarum»; М. Ласло. Некоторые сочинения Сковороды в рукописных фондах румынских библиотек; М. Харисиадис. Миниатюры молдавского четвероевангелия Серайской библиотеки в Истанбуле; М. Радулеску. Румынские рукописи, хранящиеся в Национальной библиотеке им. Кириллы и Мефодия в Софии; Г. Михайлэ, И. К. Кицимия, Л. Джамон-Дияконице, Г. Барбэ, В. Шоптеряну, Э. Врабие. Славянская филология в Бухарестском университете (К столетию со дня основания университета).

«Československý časopis historický», 1965, № 5

И. Мадек. Ренессанс, гуманизм и Данте; Ф. Грбата, Л. Никличек. На пути к VII конгрессу Коминтерна; В. Кроупат. Забастовочное движение в Закарпатской Украине в

1935—1938 гг.; О. Кодедова. Сельскохозяйственный пролетариат в имении Нижбор (1880—1900).

«Přispěvky k dějinám KSČ», 1965, № 5

З. Дейл, З. Снитил. О некоторых проблемах экономической политики КПЧ в 1945—1948 гг.; М. Гаек. К проблеме «левизны» в Коммунистическом Интернационале; М. Досталик. Социалистическое движение чешских эмигрантов в Америке во время первой мировой войны и переход его на позиции коммунизма; З. Сладек. О методологии и фактах коллективизации; Структура центральных органов КПЧ в 1920—1945 гг. (обзор); Новые материалы о подготовке Г. Димитрова к VII конгрессу Коммунистического Интернационала.

«Slovánský přehled», 1965, № 3

И. Гржибек. Целина устояла (1954—1964); В. Моулис. К подписанию чехословацко-советского договора о взаимной помощи 1935 г.; З. Сладек. Русский золотой клад в Чехословакии; Д. Конечны. К вопросу о мировом значении современной русской живописи; Я. Микулка. 550-я годовщина сожжения Яна Гуса; В. Старевич. Письмо подготовительного комитета Славянского съезда бану Елачичу 1848 г.

«Česká literatura», 1965, № 3

Ф. Водичка. Два этапа в нашем литературоведении; В. Кохол. О переводе стихов Л. Новоместкого Кундерой; Е. Собкова. Человек и война; Р. Ракос. Понятие реализма Лукача с точки зрения современности; Ю. Штепанкова. Генетический структурализм в социологии литературы (о книге Л. Гольдмана «За социологию романа»); М. Петричек. Поэзия есть процесс развития.

✕ «Izraz», 1965, № 8—9

М. Ивич. Языковая индивидуальность города; С. Колевич. «Городское» и «сельское» в литературе; Д. Брозович. Стандарты — признак цивилизации и в языке; Б. Радович. Незамкнутые круги; А. Пецо. Разговорная и письменная современная речь; В. Балванович. Диалог о диалоге в кино и языке; Н. Колевич. Пищи, как говоришь; Р. Бугарски. О языке и письме; О. Хаксли. Язык в литературе и науке; В. Крневич. О поэтическом творчестве Борислава Радовича; З. Глушчевич. Таинственное сокращение «Ктц»; Н. Петкович. Поэт и языковый экстаз

В МЕЖДУНАРОДНОМ КОМИТЕТЕ СЛАВИСТОВ

21—24 сентября 1965 г. в Вене состоялось заседание Международного комитета славистов. В его работе приняли участие 45 делегатов из 18 стран. Основная задача этого заседания состояла в том, чтобы определить общие организационные принципы и проблематику будущего VI Международного съезда славистов, который состоится в Праге осенью 1968 г.

Делегаты заслушали отчетный доклад акад. В. Георгиева об итогах работы V Международного съезда славистов в Софии. Был отмечен значительный вклад, внесенный в славистику этим съездом. В то же время и докладчик и делегаты указали на ряд существенных недостатков: имела место известная дробность тем, в результате чего съезд был перегружен излишне большим количеством докладов (их было более 400).

Доклад о программе VI МСС сделал проф. Ю. Доланский. С. Вольман сообщил о предложениях национальных комитетов славистов по организации будущего съезда и по его проблематике. Все пришли к единодушному заключению, что темы докладов не должны быть частные, мелкие; необходимо стремиться к тому, чтобы докладов на съезде было немного и чтобы они носили проблемный характер; центр тяжести работы съезда перенести на научную дискуссию по поставленным проблемам.

Эта общая идея, очевидно, не вызовет возражений и у славистов нашей страны. Но уже в Вене мы столкнулись с

трудностями ее практической реализации. Рекомендовалось, например, чтобы каждая из пяти секций съезда (языкознания, литературоведения, литературно-лингвистическая, славянской народной словесности, секция общеславистических исторических проблем) обсудила только по четыре проблемы. В этом случае, однако, ряд актуальнейших вопросов, остро интересующих ученых-славистов, не рассматривался бы на съезде. По мнению абсолютного большинства делегатов венского совещания такие вопросы должны стать предметом обсуждения на съезде и поэтому количество проблем следует увеличить. В связи с этим предполагаются пленарные заседания секций и параллельная работа подсекций.

В атмосфере плодотворной научной дискуссии была определена и затем единогласно принята проблематика VI МСС. В решении МКС говорится о мерах по дальнейшей подготовке к будущему съезду. Следующее заседание МКС состоится в сентябре 1966 г. в Оксфорде. Все эти решения публикуются ниже и поэтому здесь нет надобности воспроизводить их.

Вопросы, связанные с подготовкой к VI МСС (общая организация съезда, его проблематика и др.) требуют, разумеется, дальнейшего обсуждения. И было бы желательно, чтобы советские слависты высказали свои соображения на страницах нашего журнала.

Д. Ф. Марков

РЕШЕНИЯ IX ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

С 21 до 24 сентября 1965 г. в Вене состоялось IX пленарное заседание Международного комитета славистов. На заседании присутствовали следующие члены МКС: Австрия — И. Хамм, Р. Ягодич; Болгария — В. Георгиев, П. Динев; Великобритания — Р. Отн; Венгрия — П. Кирай; Германская Демократическая

Республика — Г. Г. Бильфельдт, П. Нотовный, Х. Юнгер; Дания — К. Стиф; Италия — Л. Пачини, Р. Пиккио; Норвегия — Х. Станг; Польша — В. Дорошевский, Ю. Кшижановский; Румыния — Э. Петрович; Соединенные Штаты — Р. Якобсон, В. Эджертон; Советский Союз — И. К. Белодед, В. И. Борков-

кий, В. В. Виноградов; Федеративная Республика Германия — М. Браун, Э. Кошмидер; Финляндия — В. Кипарский; Франция — А. Мазон; Чехословакия — Ю. Доланский; Швейцария — П. Бран; Югославия — И. Бадалич, Б. Конеский, Б. Крефт, Р. Лалич; секретари МКС С. Вольман, Л. Дюрович.

Кроме того, присутствовали следующие делегаты: Австрия — Г. Битрженс, С. Хафнер; Болгария — Э. Георгиев, С. Стойков; Германская Демократическая Республика — Х. Грассгоф; Польша — П. Зволинский; Соединенные Штаты — Д. Уорт; Советский Союз — Д. Ф. Марков, А. С. Мясников, А. Н. Робинсон; Франция — П. Гард; Чехословакия — К. Горалек; Швеция — Г. Якобсон.

Международный комитет славистов почтил память своих членов, скончавшихся за время от заседания в Софии в 1963 г., — И. Книежи, Т. Лера-Сплавинского и М. Ф. Рыльского.

Согласно ст. 8 и 9 Устава пленарное заседание приняло резигнацию членов МКС Е. Хилл (Великобритания) и К. Эбелинга (Голландия) и избрало членами МКС И. Лекова (Болгария), Р. Оти (Великобритания), П. Кирая (Бенгрия), А. Х. Койперса (Голландия), Ю. Кшижановского (Польша), А. Росетти (Румыния), И. К. Белододе (СССР), В. Кипарского (Финляндия), Л. Голотика (Чехословакия).

Согласно ст. 15 и 16 Устава избран заместителем председателя МКС Ю. Долапский и секретарем МКС Л. Дюрович. Дополнение нового президиума МКС состоится на следующем пленарном заседании.

МКС заслушал письмо отсутствующего по болезни председателя МКС В. Гавранка, приветственную речь председателя Австрийского комитета славистов Р. Ягодича и отчетный доклад В. Георгиева о V Международном съезде славистов в Софии и выразил благодарность Болгарскому комитету славистов и всем болгарским славистам за подготовку и организацию съезда.

Международный комитет славистов принял следующие решения:

1) В соответствии с предложением Чехословацкого комитета славистов принять необходимым углубление, ограничение и концентрацию тематики славистических съездов.

2) Принять тематику VI Международного съезда славистов (Прага, 1968), прилагаемую к настоящим решениям.

3) Обратиться к национальным славистическим комитетам и редколлегиям славистических журналов с просьбой ознакомить славистов отдельных стран с тематикой съезда, организовать широкую дискуссию на темы съезда в научной печати и направлять опубликованные и неопубликованные высказывания ученых, посвященные темам съезда, Президиуму МКС в Прагу.

4) Возложить на национальные славистические комитеты подготовку предварительных предложений конкретных тем докладов и научных сообщений для рассмотрения на следующем заседании МКС. Предложения следует направлять Президиуму МКС в Прагу. Желательный срок для получения предложений тем докладов с именами докладчиков установить 1 июня 1966 г., крайний срок — 1 августа 1966 г. Поручить Президиуму МКС подготовить на основании указанных предложений проект структуры и организации съезда и включения в его программу предлагаемых докладов и сообщений.

5) Вновь утвердить положение об обязательной предварительной публикации докладов, а также научных сообщений в отдельных странах и о их распространении не позднее чем за три месяца до съезда.

6) Рекомендовать, чтобы авторы докладов, принятых в программу съезда, после написания полного текста докладов прислали в Прагу резюме — краткое изложение содержания докладов. Резюме в объеме до 1 стр. желательно получить на другом языке, чем доклад (допускаются все славянские и основные европейские языки по усмотрению авторов). Резюме предварительно напечатать в Чехословакии. Срок для получения в Праге рукописей резюме установить на следующем заседании МКС.

7) Принять к сведению полученные отчеты о работе международных комиссий при МКС. Поручить Президиуму дополнить и уточнить этот материал и подготовить соответствующие предложения о комиссиях для следующего заседания МКС. Отложить до этого заседания утверждение новых комиссий и новых председателей некоторых комиссий. Поручить национальным славистическим комитетам пересмотреть и ограничить представительство в комиссиях, обсудить рабочие условия и возможности отдельных комиссий и дать Президиуму соответствующие предложения о программе и задачах комиссий, о дальнейшем существовании некоторых из них, а также личный список членов отдельных комиссий.

8) Рекомендовать президиуму, поручить одному из своих членов постоянно уделять внимание вопросам комиссий. Возложить на представителей славянских стран задачу обеспечить дальнейшую работу над славянским лингвистическим атласом во всех этих странах. Поручить польским представителям в контакте с Д. Д. Благим создать условия для успешной работы комиссии литературоведческой терминологии. Поручить П. Гарду подготовку предложений относительно транскрипционной комиссии и просить национальные комитеты предложить П. Гарду членов этой комиссии. Утвердить Ф. Славского председателем лингвистической субкомиссии

библиографической] комиссии и подчеркнуть чрезвычайную важность обеспечения работы в области текущей библиографии славянского языкознания и литературоведения (включая и вопросы народной словесности).

9) Принимая предложение Ассоциации британских славистов, установить, что следующее заседание МКС состоится в Оксфорде между 21 и 26 сентября 1966 г.

10) Приветствуя в принципе готовность Ассоциации славянских языков и литературы и Комиссии славистики соединиться с МКС и выступать в качестве автономных комиссий МКС, уполномочить Р. Оти для дальнейших переговоров относительно включения МКС в систему организаций ЮНЕСКО с целью уточнения предлагаемых ныне условий и достижения прямого представительства МКС.

11) Принять к сведению сообщение Р. Пиккио и письмо проф. Б. Шнейдермана (Сан Паулу, Бразилия) об учреждении славистической кафедры и ее деятельности.

За оказанное гостеприимство, организационную работу и всестороннюю помощь заседанию Международной комитет славистов выразил искреннюю благодарность Австрийскому комитету славистов

во главе с проф. Р. Ягодичем, Институту славянской филологии Венского университета и всем его сотрудникам во главе с проф. И. Хаммом, а также ректору Венского университета и соответствующим государственным и городским учреждениям.

Примечания:

В связи с подготовкой тематики VI МСС рабочая группа по языкознанию рекомендовала:

— избрать из предложенных докладов наиболее важные для освещения проблематики и предоставить для прочтения каждого из них максимум 15 минут, чтобы обеспечить достаточно продолжительную дискуссию;

— разделить доклады по родству тем на группы и проводить дискуссию после каждой из этих групп;

— председателям секций и подсекций предоставить право краткого вступительного или заключительного слова, в котором была бы подытожена проблематика заседания.

Рабочие группы по языкознанию и литературоведению рекомендовали для первой и второй тем данных отделов предоставить по одному дню, для остальных разделить секцию на две подсекции.

ТЕМАТИКА VI МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

Международный комитет славистов на своем IX пленарном заседании в Вене (21—24 IX 1965 г.) принял нижеприведенную тематику VI Международного съезда славистов и обращается к национальным славистическим комитетам и организациям, а также к редколлегиям славистических журналов с просьбой ознакомиться с тематикой съезда славистов отдельных стран.

На национальные славистические комитеты и организации возлагается подготовка предварительных предложений конкретных тем докладов и научных сообщений для рассмотрения на следующем заседании МКС. Национальные списки предлагаемых названий докладов и научных сообщений с именами авторов и с указанием соответствующих тем съезда следует направлять президиуму МКС в Прагу. Желательный срок для получения этих предложений в Праге 1 VI 1966 г.

МКС одновременно рекомендует организовать в научной печати широкую дискуссию на темы съезда и просит направлять опубликованные и неопубликованные высказывания ученых, посвященные темам съезда, Президиуму МКС в Прагу.

Для VI Международного съезда славистов установлена следующая тематика:

I. Языкознание.

1. Фонологическая и морфологическая структура слова в славянских языках и ее историческое развитие.

2. Типы строения предложений в славянских языках и их историческое развитие.
3. Проблемы сравнительно-исторического и типологического анализа славянской лексики.
4. Вопросы стандартизации славянских литературных языков (включая контактные явления).
5. Задачи и перспективы развития диалектологических исследований славянских языков.
6. Славянское языковое наследие на современных неславянских территориях и неславянское наследие на территориях славянских (включая вопросы ономастики).

II. Литературоведение.

1. Основные методологические и исторические проблемы сравнительного славянского литературоведения; в частности вопрос о месте славянских литератур в мировой литературе.
2. Развитие и изменение жанровых систем в славянских литературах.
3. Проблемы единства и различия в развитии древних славянских литератур.
4. Барокко в славянских литературах.
5. Приемы отражения действительности в славянских литературах XIX века; в особенности литературные течения на рубеже XIX и XX веков.
6. Творческие принципы развития славянских литератур XX века (крити-

ческий реализм, авангардные течения, социалистический реализм и другие направления).

III. Литературно-лингвистические проблемы.

1. Проблемы взаимоотношений литературного языка и языка художественной литературы у славян.
2. Отражение особенностей славянских языков в художественных литературах славянских народов.
3. Стилистическая структура художественных произведений в историческом и типологическом аспекте.
4. Проблемы славянского стихотворения в сравнительно-историческом и типологическом плане.
5. Вопросы перевода со славянских языков и на славянские языки.

IV. Славянская народная словесность.

1. Жанровая система славянской народной словесности и проблемы классификации.

2. Сравнительное изучение славянской народной эпикки.
3. Полународная литература (лубок, ярмарочные песни, народные книжки и т. д.).
4. Проблемы славянской народной баллады.
5. Современные виды фольклора славянских народов.

V. Общеславянские исторические проблемы.

1. Основные проблемы истории славистики.
2. Образование раннефеодальных славянских государств и их взаимоотношения.
3. Значение богомилства, реформации и гуманизма в славянских странах.
4. Развитие идей и программ славянской взаимности в XVIII—XX веках.
5. Славянские народы в годы второй мировой войны; их социальное и культурное развитие в послевоенный период.

**ВТОРОЕ КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН**

В октябре 1965 г. в Москве состоялось совещание историков социалистических стран, посвященное вопросам координации научной работы, связанной с подготовкой к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Совещание открыл вице-президент Академии наук СССР акад. П. Н. Федосеев. В своем вступительном слове он отметил огромное значение изучения опыта Великой Октябрьской социалистической революции для всего последующего развития мирового революционного движения. Успешное изучение целого ряда аспектов истории революции и ее влияния на судьбы всего человечества, подчеркнул П. Н. Федосеев, возможно лишь на основе многостороннего сотрудничества историков различных стран.

Председатель Научного совета Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» акад. И. И. Минц выступил с докладом о состоянии и задачах разработки в СССР вопросов истории революции. В центре внимания докладчика были труды и проблемы, нашедшие разрешение в период после первого координационного совещания историков социалистических стран, состоявшегося в 1963 г. От лица советских историков он внес ряд предложений о развитии многостороннего сотрудничества историков различных стран, изучающих Октябрьскую революцию.

Глава делегации историков ПНР проф. Ю. Ковальский рассказал об основных направлениях разработки польскими ис-

ториками вопросов истории Октябрьской революции и ее значения для социального и национального освобождения польского народа. Польские исследователи, сообщил он, уделяют особое внимание изучению влияния ленинских идей и российской революционной практики на развитие общественных идей, на революционную борьбу рабочих и всех трудящихся Польши. В Польше большой интерес вызывает участие польских революционных рабочих, крестьян, солдат в Октябрьской революции и защите ее завоеваний. Имеется в виду к 50-летию Октября, наряду с рядом других изданий, выпустить двухтомный биографический словарь о поляках — участниках Октябрьской революции. Раскрытие международного значения Октябрьской революции и непосредственного участия в ней трудящихся из различных стран имеет особое значение в условиях, когда реакционные силы, спекулируя на национальных чувствах, усиленно пытаются играть на противопоставлении патриотизма интернационализму.

Вице-президент Германской академии наук в Берлине акад. Л. Штерн ознакомил участников совещания с планами научных учреждений ГДР в связи с подготовкой к 50-летию Октября. В ГДР, отметил акад. Л. Штерн, в изучении проблематики, связанной с Октябрьской революцией, принимают участие и представители естественных наук. Готовится, в частности, обширный труд о воздействии советской науки на развитие германской науки; отдельный том этого труда

будет посвящен вопросам развития в Германии естественных наук под влиянием и в связи с развитием естественных наук в СССР. Германская академия наук в Берлине готовит международную конференцию на тему «Октябрьская революция и революционное движение в Центральной и Восточной Европе». Предполагается издать двухтомную работу на тему «Октябрьская революция и Германия», а также работы, раскрывающие значение Октябрьской революции для развития экономической мысли в Германии, ее влияние на развитие немецкой художественной литературы и т. д.

Глава делегации болгарских историков проф. Х. Христов информировал о работе болгарских ученых над вопросами, связанными с проблематикой Октябрьской революции. В НРБ предполагается подготовить труды о болгарских участниках революции, о борьбе Болгарской коммунистической партии против врагелевского заговора, о влиянии революции на Земледельческий союз, о публицистической деятельности Г. Димитрова в защиту Советской России и др. Имеется в виду провести в Софии международную научную сессию по вопросам революции.

Акад. С. Агирре (Республика Куба) сообщил, что кубинские ученые приступили к разработке материалов о влиянии Октябрьской революции на кубинских трудящихся. В их планы входит также изучение влияния революции на народы всей Латинской Америки.

Чл.-корр. Академии СРР В. Марчиу в своем выступлении указал, что румынские историки готовят монографию и сборник документов об участии румынских трудящихся в революции, разрабатывают вопросы влияния революции на рабочее движение в Румынии.

Канд. ист. наук Ж. Надь (ВНР) посетила свое сообщение состоянию и перспективам изучения Октябрьской революции. Для венгерских ученых подготовка к 50-летию Октября, указала она, является одновременно и подготовкой к 50-летию со дня образования Венгерской коммунистической партии и провозглашения Венгерской Советской Республики. Она сообщила о том, что в ближайшее время выйдет в свет двухтомный

сборник материалов и документов о венгерских участниках революции, подготовленный венгерскими учеными и ИМЛ при ЦК КПСС.

Зав. отделом Института истории рабочего движения в СФРЮ проф. П. Дамьянович указал на важность взаимного обмена источниками по рассматриваемой проблеме, на необходимость обмена научными работниками и статьями. Он подчеркнул желательность привлечения к предполагаемой международной научной сессии ученых возможно большего числа стран. Югославские ученые уделяют особое внимание изучению участия югославы в Октябрьской революции. Готовится к печати серия документов, выпускавшихся партийными, комсомольскими, профсоюзными организациями в 1918—1945 гг. к очередным годовщинам Октября, и ряд других сборников и трудов.

Д-р ист. наук Ю. Кржижек (ЧССР) сообщил о разнообразной тематике исследований, проводящихся историками Чехословакии в области истории Октябрьской революции, ее роли в истории чешского и словацкого народов. Он поднял вопрос об издании особого международного бюллетеня, который давал бы информацию о ходе исследований по истории Октябрьской революции.

Советчане заслушали сообщения советских ученых акад. В. М. Хвостова, д-ров ист. наук П. Н. Соболева, Д. А. Чугаева, А. Я. Манусевича о состоянии изучения различных сторон истории революции и о задачах, которые предполагают решить советские историки к 50-летию Октября.

Советчане приняли рекомендации о проведении осенью 1966 г. международной научной сессии на тему «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции» и издании докладов и материалов этой сессии в каждой стране — участнице совещания; об издании в каждой из стран — участниц совещания библиографии по истории Октября, о дальнейшем развитии международного сотрудничества в области изучения истории Октябрьской революции и ее всемирно-исторического значения.

А. Я. Манусевич

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ОДЕССЕ

С 12 по 16 ноября 1965 г. в Одессе состоялась Всесоюзная научная сессия, посвященная истории участия трудящихся зарубежных стран в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в России. В сессии приняли участие ученые ряда институтов Академии наук СССР и ее филиалов, академий наук Украины, Молдавии,

Азербайджана, Узбекистана, Грузии, работники Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, профессора и преподаватели высших учебных заведений, сотрудники музеев, участники Октябрьской революции и гражданской войны. Большую помощь в организации сессии оказали Одесский

обком КП Украины и Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова.

Сессию открыл член ЦК КПСС, первый секретарь Одесского обкома КПУ тов. М. С. Сипица, подчеркнувший большое научное и политическое значение сессии в связи с приближающейся 50-й годовщиной Великого Октября.

В своей вступительной речи председатель Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» акад. И. И. Минц охарактеризовал интернационалистское движение в России в годы Октября и гражданской войны как пролетарский интернационализм в действии, подчеркнул огромную роль партии большевиков, В. И. Ленина в организации действий интернационалистов, в воспитании иностранных пролетарских революционеров и сплочении их в боевые коммунистические группы. И. И. Минц указал на то, что постоянное расширение источниковедческой базы исследований, введение в научный оборот новых документальных материалов способствует более полному и всестороннему освещению проблемы.

В докладе о состоянии изучения истории интернационалистского движения А. Я. Манусевич (Москва) отметил, что с 1956 по 1965 г. по этой теме опубликовано свыше 160 работ советских историков, продолжается выявление новых источников, публикация документов. Докладчик подчеркнул, что в трудах советских историков прослеживается партийно-политическая работа большевиков среди иностранцев, огромная помощь партии в создании в их среде революционных организаций, боевая деятельность интернационалистов в Красной Гвардии, Красной Армии и партизанских отрядах, но при этом относительно слабо изучена роль интернационалистского движения в восприятии опыта революционного движения в России рабочим классом тех стран, куда после окончания войны стали возвращаться бывшие военнопленные. В ряде работ, указал А. Я. Манусевич, деятельность интернационалистов освещается в изоляции от революционного движения в России, в то же время в отдельных трудах по истории Октябрьской революции она не находит необходимого отражения.

Доклады М. А. Бирмана и В. Р. Копылова (Москва) были посвящены проблеме периодизации движения зарубежных интернационалистов в России, истории и этапам развития иностранных революционных организаций. Вопросам изучения документальных источников, хранящихся в архивах Государственного архивного фонда СССР и системе партийных архивов КПСС, содержащих материал об интернациональной солидарности трудящихся в период Октября, посвятили

свои доклады и сообщения Л. И. Яковлев, Р. А. Ермолаева и В. Р. Копылов (Москва), А. Д. Бачинский и В. А. Загоруйко (Одесса).

Проблема роли интернационалистов-репатриантов в развитии революционного движения на родине была освещена в докладах и сообщениях А. Х. Клеванского (Москва), Ю. Н. Щербакова (Куйбышев), П. М. Калениченко (Киев), Н. А. Субаева (Казань), Н. П. Боженовой (Ужгород). Н. А. Субаев подчеркнул, что эта проблема может быть успешно решена в контакте с историками социалистических стран. Деятельность иностранных коммунистических групп нашла отражение в сообщениях Б. Б. Медведева (Пенза), И. М. Кулиничка (Киев), З. М. Ибрагимова (Баку), Л. М. Зак и Р. Я. Цивильной (Москва), М. Д. Дыхана (Одесса), В. А. Данилова (Тюмень), В. М. Рожко (Кишинев), М. М. Коронена (Ленинград), Г. Б. Никольской (Ташкент). В выступлениях В. Г. Коновалова (Одесса), З. М. Ибрагимова (Баку), А. Ф. Хацкевича (Минск), В. А. Данилова (Тюмень), А. И. Гуляка (Одесса), Н. А. Субаева (Казань), М. И. Чугунова (Томск), С. Такенова (Алма-Ата), А. П. Крушанова (Владивосток), И. Г. Матвеева (Новосибирск), И. С. Сологубова (Ташкент) были приведены интересные факты о развитии интернационалистского движения в различных районах России (Украина, Закавказье, Белоруссия, Западная Сибирь, Татария, Казахстан, Дальний Восток, Средняя Азия и др.).

На сессии был поднят ряд новых аспектов истории интернационалистского движения. Так, А. Г. Ткачук (Нежин) обратил внимание на братание солдат воюющих сторон на фронте как на одну из ранних форм интернациональной солидарности трудящихся; А. А. Галерецкий (Киев) и А. А. Малыков (Казань) посвятили свои выступления роли большевистской партии и Советов в развитии революционного движения среди военнопленных. С. Я. Боровой (Одесса) и М. Б. Иткис (Кишинев) остановились на враждебной интернационалистскому движению деятельности империалистических правительств; А. М. Лисецкий (Кишинев) указал на необходимость глубже изучать связь интернационалистов с революционным и стачечным движением российского пролетариата; Н. В. Березняков (Кишинев) подчеркнул тесную связь движения интернационалистов с революционным подпольем в тылу интервентов. Интересные данные о влиянии идей пролетарской революции на французские колониальные войска, составлявшие главные силы интервентов на Юге России, приведены в сообщении Е. И. Патлажана (Ивано-Франковск). Г. Я. Тарле (Москва) рассказала о движении среди зарубежных пролетариев за оказание производственно-технической помощи молодой Советской

республике. В ряде выступлений было отмечено недостаточное использование местных архивных фондов, местной партийной и советской печати, а также печати иностранных коммунистических групп.

На заключительном заседании сессии было принято решение о публикации материалов сессии отдельным сборником, а также сделан ряд рекомендаций, направленных на дальнейшее расширение и уг-

лубление изучения этой важной научной проблемы совместными усилиями историков, работающих в самых различных областях страны.

Закрывая сессию, секретарь Одесского обкома КПУ тов. Л. В. Гладкая отметила ее большое научное и общественное значение и пожелала всем участникам сессии дальнейшей плодотворной работы.

В. В. Зеленин

В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В прошлом году на Ученом совете института были обсуждены некоторые теоретические вопросы поступательного развития мировой системы социализма. С докладом «Некоторые проблемы развития мировой системы социализма» выступил д-р филос. наук А. П. Бутенко. Отметив недостатки в изучении этой проблемы, докладчик далее сказал, что мировая система социализма возникла на том этапе развития производительных сил, когда общественное разделение труда, основанное на крупном промышленном производстве, выходит за рамки национально-организованных хозяйственных комплексов. Впервые такую форму международных связей создает капитализм. Однако между мировой капиталистической системой и мировой социалистической системой существуют качественные отличия в их социальном содержании, характере закономерностей, сущности и природе противоречий. Кроме того, если для капитализма как общественного строя мировая система является конечным пунктом его развития, то для социализма мировая система представляет подготовительный этап к образованию единого социально-экономического организма во всемирном масштабе. Хотя процесс роста производительных сил и общественного разделения труда приводит к созданию устойчивых, объективных взаимосвязей между социалистическими странами, он, однако, на современном этапе еще не влечет за собой стирание и исчезновение национально-государственных границ. Поэтому мировая система социализма — это сообщество суверенных и равноправных социалистических стран, связанных узами объективной взаимозависимости, объединенных общностью социалистических производственных отношений, единством коренных интересов и целей и развивающихся по законам социализма и коммунизма. Когда эта объективная взаимозависимость дополняется все возрастающей сознательной научно-организованной и планомерно направляемой деятельностью по налаживанию политических, экономических,

идеологических и культурных связей между социалистическими странами, когда единство коренных целей и интересов сочетается с единством действий в рамках мировой социалистической системы и на международной арене, — тогда мировая система социализма выступает как прочное содружество социалистических стран. Такое содружество стран является адекватной социализму формой развития мировой системы.

Наибольшее внимание докладчиком было уделено проблемам, связанным с характером и особенностями действия закономерностей поступательного движения мировой системы социализма, а также источникам и характеру противоречий ее развития. Рассматривая первую проблему, докладчик отметил, что развитие социалистической системы происходит по двум рядам взаимосвязанных закономерностей: закономерностей развития социализма как общественного строя и закономерностей развития социализма как мировой системы. Внутри мировой системы социализма действует закономерность взаимодействия двух объективных тенденций исторического развития социалистических стран: тенденция все большего развития национальных хозяйств, национальной государственности и культуры и тенденция все более всестороннего и углубленного сближения между социалистическими странами и народами в экономическом, политическом и культурном аспектах; здесь же действует закономерность выравнивания уровней экономического и политического развития социалистических стран и связанная с ней относительная неравномерность их развития; кроме того, закономерности, определяющие (в будущем) переход от мировой системы социализма к единому централизованно управляемому социально-экономическому организму коммунистического типа. В сфере экономического развития мировой социалистической системы проявляются закономерности, связанные с разделением труда и развитием производительных сил внутри мировой социалистической системы, все углубля-

ющейся специализацией, кооперацией и т. д. Особым закономерностям подчинены и сферы политического, идеологического и культурного развития мировой социалистической системы.

Из этих двух рядов закономерностей ведущими и определяющими являются закономерности развития социализма как общественного строя, ибо в результате именно их действия создаются объективные условия для проявления и функционирования закономерностей второго ряда. По мере развития мировой системы социализма, вхождения в нее все большего количества стран, эти последние закономерности будут приобретать все большее значение, не становясь, однако, ведущими и не подменяя первых. При перерастании мировой социалистической системы в единый социально-экономический организм коммунистического типа произойдет и трансформация закономерностей развития мировой социалистической системы в закономерности развития коммунистического общества во всемирном масштабе.

Анализируя проблему источников и характера противоречий развития мировой системы социализма, докладчик отметил, что они не являются антагонистическими. Это обусловлено единичностью социальных основ всех социалистических стран. Однако социалистические страны различаются по своему уровню социально-экономического и политического развития и месту в системе международных отношений и в системе международного разделения труда. Кроме того, каждая социалистическая страна имеет специфическое наследие своего исторического национально-культурного развития. Все это и является объективной основой для возникновения неизбежных противоречий в развитии мировой системы социализма. Однако поскольку материально обусловленные международные отношения внутри мировой системы социализма выступают как результат сознательной и целенаправленной деятельности руководства и народов социалистических стран, они не могут не таить в себе основы для противоречий, связанных именно с характером этой сознательной деятельности. Это объясняется неизбежной ограниченностью, неполнотой нашего познания общественного развития. Кроме того, противоречия могут возрасти вследствие ошибок, допускаемых руководством отдельных стран, которых можно и должно было избежать при уже существующем уровне общественного познания. Подобные ошибки, приводящие, как правило, к наиболее острым противоречиям, могут объективно иногда являться следствием воздействия классово чуждых сил как извне мировой системы социализма, так и внутри отдельных социалистических стран. Таким образом, одна часть ныне существующих проти-

воречий в развитии мировой системы социализма есть результат ее естественно-исторического развития и известной ограниченности общественного познания. Разрешение их в объективном плане произойдет по мере развития системы в целом и, в первую очередь, по мере выравнивания уровней социально-экономического и политического развития всех социалистических стран. В субъективном же отношении преодоление подобных противоречий предполагает широкое развитие обсуждений и товарищеских дискуссий по наиболее важным и актуальным проблемам, обмен опытом и изучение опыта каждой из социалистических стран. В заключение А. П. Бутенко подчеркнул, что успехи в развитии всех социалистических стран, ускоряющиеся темпы их прогресса, все теснее сплачивают социалистические страны.

Многие из выступавших согласились с общим методологическим подходом к решению проблемы и рядом соображений докладчика (в частности, о различии содержания и характера действия закономерностей развития мировой социалистической системы и законов развития социализма как общественного строя). И. В. Дудинский и П. М. Алампиев, В. И. Стурожев и В. Г. Смолянский поддержали мысль докладчика о закономерности взаимодействия двух тенденций в развитии социалистических стран, о законе выравнивания уровней их развития. Некоторые положения докладчика вызвали возражения и дополнения. По мнению И. В. Дудинского и И. П. Олейника, основным противоречием мировой социалистической системы является противоречие между высоко- и слаборазвитыми в экономическом отношении странами. П. М. Алампиев источник противоречий видит в существовании товарного хозяйства, товарно-денежных отношений между социалистическими странами, выступающими внутри мировой системы социализма собственниками всех производимых ими продуктов. Это может служить питательной средой для национального эгоизма. Н. Д. Столцов считает, что основное противоречие заключается в противоречии между уже интернациональными производительными силами социалистической системы и национальной формой присвоения. Большое значение при этом имеют и субъективные факторы. И. П. Качалов полагает, что основное противоречие развития мировой социалистической системы состоит в противоречии между объективным ее развитием и уровнем общественного познания этого процесса. Близкую точку зрения высказали В. Г. Гельброт и А. Г. Мазанов. По их мнению, источником основного противоречия являются ошибки и просчеты, допущенные в отдельных социалистических странах. К. И. Попов и В. Г. Смолянский согласились с докладчиком, что

основное противоречие мировой системы социализма выявляется и действует в процессе взаимодействия двух тенденций развития: тенденции все большего развития национальных хозяйств, социалистической государственности и культуры и тенденции все более углубленного сближения и постепенного слияния социалистических стран в экономическом, политическом и культурном аспектах. Некоторые выступившие возражали против характеристики неравномерности развития мировой системы социализма как особой (хотя бы и связанной с законом выравнивания уровней) закономер-

ной тенденции (П. М. Алампиев, И. П. Олейник, Н. Д. Столпов). И. П. Олейник отметил необходимость более детального анализа механизма действия закономерностей развития мировой социалистической системы, охарактеризовав их прежде всего как закономерности мирового социалистического хозяйства. Общим было пожелание продолжать обсуждение наиболее актуальных теоретических вопросов, связанных с практикой развития мировой системы социализма.

В. Д. Назаров

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В Киевском университете уделяется значительное внимание научной разработке истории славянских стран. За последние годы здесь подготовили и защитили докторские диссертации В. А. Жебокрицкий («Болгария накануне и во время балканских войн 1912—1913 гг.», 1962 г.); И. С. Дзюбко («Борьба за марксистско-ленинское решение национального вопроса в Чехословакии», 1964 г.); И. Д. Кундуба («Крах панской Польши и советско-польские отношения в 1939—1945 гг.», 1964 г.); В. А. Маркина («Магнатское поместье Правобережной Украины во второй половине XVIII в.», КГУ, 1961 г.). Кандидатские диссертации по истории зарубежных славянских стран защитили: А. К. Мартыненко (1954), Г. Г. Обручков (1954), В. А. Бойченко (1956), А. Ф. Кизченко (1956), Н. Н. Липовченко (1956), З. И. Мухина (1961). В настоящее время подготовили кандидатские диссертации Т. П. Брянцева на тему «Польский город в XIV—XV вв. По материалам Малой и Великой Польши» и А. И. Черный на тему «Социально-экономическая политика Болгарской коммунистической партии и правительства в первые годы социалистической революции». Завершает работу над кандидатской диссертацией на тему «Сентябрьское антифашистское восстание 1923 г. в Болгарии и движение солидарности народов СССР» аспирант Ш. Файзиев.

Профессор кафедры новой и новейшей истории В. А. Жебокрицкий — старейший исследователь, создавший в Киеве научную школу историков-славистов и балканистов. Им опубликованы две монографии по истории Болгарии накануне и в период балканских войн, ряд статей и брошюр по истории Болгарии¹, а также

главы по истории Болгарии в учебниках и учебных пособиях. Сейчас В. А. Жебокрицкий исследует вопрос о попытках Ватикана навязать Болгарии католическую унию в период 1900—1913 гг.

Проф. И. С. Дзюбко (кафедра новой и новейшей истории) опубликовал ряд монографий и статей по национальной проблеме, а также по вопросу строительства социализма в Чехословакии². Им написан ряд глав по новейшей истории Чехословакии в учебниках и учебных пособиях. И. С. Дзюбко продолжает разработку вопросов истории социалистического

рия в период балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1961; е го ж е. Дипломатия империалистической Германии в связи с возникновением Балканской войны 1912 г. Киев, 1949; е го ж е. З історії виникнення Балканської війни 1912 р.— Наукові записки Інституту історії АН УРСР, № 4, 1952; е го ж е. Утворення Балканського союзу.— Наукові записки Інституту історії АН УРСР, № 5, 1953; е го ж е. Історична роль російського народу в звільненні Болгарії від турецького іга. Київ 1953; е го ж е. Міжнародна обстановка напередодні Визвольної війни українського народу проти шляхетської Польщі.— Наукові записки КДУ, т. XIII, 1954; е го ж е. Деякі питання історії південних слов'ян у творчості І. Франка.— Наукові записки КДУ, т. XV, 1956; е го ж е. Економічне становище Болгарії напередодні Балканських війн.— Вісник КДУ, № 1, 1958; е го ж е. Внутрішнє становище Болгарії після Балканських війн.— «Український історичний журнал», 1958, № 1; е го ж е. Народна Республіка Болгарія. Київ, 1959; «Болгарія» (історичний нарис). «Українська Радянська енциклопедія», т. 2 і др.

² И. С. Дзюбко. Торжество ленинской национальной политики в Че-

¹ В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1960; е го ж е. Болга-

строительства в славянских странах народной демократии. Проф. И. Д. Кундуба (кафедра новой и новейшей истории) опубликовал монографии и ряд статей по новейшей истории Польши и по истории советско-польских отношений в период второй мировой войны³. Он является также автором глав по истории Польши новейшего времени в учебнике по новейшей истории. В настоящее время И. Д. Кундуба изучает историю советско-польских отношений в 1945—1949 гг.

Проф. В. А. Маркина (зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков), занимающаяся аграрными отношениями на Правобережной Украине во второй половине XVIII в., в своих работах уделяет также немало внимания вопросам экономического развития польского магнатского поместья, поскольку в исследуемый период Правобережная Украина находилась в составе Польского государства⁴.

хословакии. Киев, 1963; е го ж е. Решение национального вопроса в народно-демократической Чехословакии. Киев, 1959; е го ж е. Победа социализма в Чехословакии. Политиздат УССР, 1962; е го ж е. Чехословакия на социалистическом пути. Политиздат УССР, 1960; е го ж е. Борьба Коммунистической партии Чехословакии за rozwiązanie национального питання (1921—1954 гг.). — «Историчні зв'язки слов'янських народів», Київ, 1956; е го ж е. Соціалістична індустріалізація Словаччини. В сб.: «Питання історії та культури слов'ян». Київ, 1963; е го ж е. З історії боротьби за вирішення національного питання в ЧССР. — Наукові записки Ужгородського ун-ту, т. 50, 1963; И. С. Дзюбко, А. Ф. Кизченко. Славный путь Коммунистической партии Чехословакии. — «Коммунист Украины», 1963, № 2; И. С. Дзюбко. Чехословакия у 1918—1939 гг. — «Новітня історія», ч. II. Київ, 1961; е го ж е. Чехословакия у 1939—1962 гг. — «Новітня історія», ч. III. Київ, 1963; е го ж е. Чехословацкая социалистическая республика. — «Экономическая история зарубежных стран». Киев, 1962, п др.

³ И. Д. Кундуба. Советско-польские отношения 1939—1945. Киев, 1963; е го ж е. Исторические предпосылки краха ланской Польши. Киев, 1959; е го ж е. До історії дипломатичних відносин між СРСР і Польським емігрантським урядом в Лондоні (30 VII 1941—25 V 1945). — Вісник КДУ, вип. 2, № 2, 1959, п др.

⁴ В. А. Маркина. Магнатское поместье Правобережной Украины во второй половине XVIII ст. Киев, 1961; е го ж е. О денежной и отработочной рентах на Правобережной Украине во второй половине XVIII в. — «Український історичний журнал», 1959, № 2;

Доц. А. К. Мартыненко (кафедра новой и новейшей истории) опубликовал ряд исследований по вопросу о провозглашении независимости Болгарии в 1908 г. и истории русско-болгарских отношений периода 1908—1912 гг.⁵ Им написаны главы по истории Болгарии в учебном пособии. Сейчас он завершает монографическое исследование на тему: «Русско-болгарские отношения в эпоху империализма (1894—1912 гг.)». Доц. А. Ф. Кизченко (кафедра истории древнего мира и средних веков) опубликовал ряд статей и брошюр по истории советско-чехословацких отношений и строительства социализма в Чехословакии⁶. В настоящее время А. Ф. Кизченко работает над исследуемым вопросом «Внешняя политика Чехословакии в 1935—1939 гг.». Старшему преподавателю

е го ж е. До питання про зв'язки магнатського господарства з ринком на Правобережній Україні (друга половина XVIII ст.). — Вісник КДУ, вип. 1, № 3, 1959; е го ж е. Магнатское поместье Чарторийских на Правобережной Украине в XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Киев, 1963; е го ж е. Соотношение форм феодальной ренты на Правобережной Украине. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Минск, 1964; е го ж е. Движение цен на Правобережной Украине в XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Вильнюс, 1964, п др.

⁵ А. К. Мартыненко. Позиция России в связи с провозглашением независимости Болгарии в 1908 г. В сб.: «Из истории русско-болгарских отношений». М., 1958; е го ж е. Провозглашение независимости Болгарии в 1908 г. Киев, 1957; е го ж е. Болгария в Балканскому союзу 1912 г. В сб.: «Историчні зв'язки слов'янських народів», Київ, 1956; е го ж е. З історії російсько-болгарських відносин у 1909—1910 гг. — «Український історичний журнал», 1959, № 3; е го ж е. В. І. Ленін про деякі питання історії балканських країн. — Вісник КДУ, № 3. Серія історії та філософії. Вип. 1, 1960, п др.

⁶ А. Ф. Кизченко. Деякі питання впливу Великої Жовтневої соціалістичної революції на Чехословакию (1932—1937 гг.). — Наукові записки КДУ, т. XVI, вип. XII, 1957; е го ж е. Радянсько-чехословацький договір про взаємну допомогу та його значення. — Наукові записки КДУ, т. XVII, вип. I. Збірник історико-філософського ф-ту, № 11, 1958; е го ж е. До питання про боротьбу народних мас Чехословакиї за дружбу і союз з СРСР в період зростання загрози гітлерівської агресії (1933—1937 гг.). — В сб.: «Питання історії та культури слов'ян», ч. I Київ, 1963; е го ж е. Чехословакия завершує будівництво соціалізму. Київ, 1959.

З. И. Мухной (кафедра истории древнего мира и средних веков) принадлежит ряд статей, посвященных особенностям развития польского феодального поместья и положения крестьян в Польше в XVI в.⁷ В настоящее время З. И. Мухина работает над проблемой «Положение крестьян в Галиции во второй половине XVIII века». Ряд статей о социально-экономическом развитии польских городов в XIV—XV вв. опубликовала старший преподаватель этой же кафедры Т. П. Брянцева⁸.

В 1963 г. в Киевском университете под руководством проф. В. А. Жебокрицкого был издан сборник статей, посвященный V всемирному конгрессу историков-славистов в Софии⁹.

В октябре 1963 г. в Киеве состоялось Второе всесоюзное совещание историков-славистов, в организации и проведении которого историки-слависты Киев-

ского университета принимали самое активное участие.

Коллектив историков-славистов под руководством проф. В. А. Жебокрицкого подготовил и сдал в печать учебник для студентов университетов по истории южных и западных славян.

Киевский университет поддерживает широкие научные контакты с учеными братских социалистических славянских стран. Ряд историков-славистов работали в исторических архивах славянских стран. Так, И. С. Дзюбка и А. Ф. Кизченко побывали в научных командировках в Чехословацкой Социалистической Республике; В. А. Жебокрицкий, К. Е. Джеджула и А. К. Мартыненко — в Народной Республике Болгарии; В. А. Маркина и И. Д. Кундюба — в Польской Народной Республике. В свою очередь посетили Киев и побывали в университете историки Народной Республики Болгарии — Д. Ангелов и А. Бурмов, В. Божинов, Н. Горненский, И. Дуйчев, Й. Митев, П. Панайотов, В. Паскалева, Н. Тодоров, В. Хаджиниколов, Х. Христов и др.; историки Польской Народной Республики — Б. Барановский, С. Кучинский, А. Подраза, Т. Цесляк; историки Чехословацкой Социалистической Республики — Ф. Гейл, Й. Грозненчик, Я. Коцка, Й. Мацурек, Я. Млинский, В. Мотошко, Ю. Шафранек и др.; историки Федеративной Народной Республики Югославии — Н. Войнович и Дж. Радоичич. В течение трех месяцев в университете проходили стажерскую практику польские историки З. Гульдон и Р. Орловский. Ученые из братских стран выступали с лекциями и научными сообщениями перед студентами и преподавателями университета.

В Киевском университете обучались и обучающиеся студенты стран народной демократии, в том числе студенты-историки. Библиотека университета ведет книгообмен научной исторической литературой с братскими славянскими странами.

А. К. Мартыненко

⁷ З. И. Мухина. До питання про боротьбу селян проти феодального гніту Польщі на залежних землях у XVI ст. — Вісник КДУ, вип. II, 1959; е е же. Становище польських селян у другій половині XVI ст. За матеріалами Малої та Великої Польщі. — В сб.: «Питання історії та культури слов'ян», ч. I. Київ, 1963; е е же. До питання характеристики деяких рис фільварку в Польщі в XVI ст. — Наукові записки КДУ, т. XVIII, вип. VIII, № 3, 1959.

⁸ Т. П. Брянцева. До питання про рівень економічного розвитку міст Польщі XV ст. — Вісник КДУ, вип. 2, № 2, 1959; е е же. Деякі питання з історії внутрішньої торгівлі в Польщі в XIV ст. — Вісник КДУ, № 3, вип. 2, 1960; е е же. Особливості розвитку феодальних міст Польщі. — В сб.: «Питання історії та культури слов'ян», ч. I, Київ, 1963.

⁹ «Питання історії та культури слов'ян», ч. I. Кіев, 1963.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН ХАРЬКОВСКИМИ СЛАВИСТАМИ

Изучение истории славян в Харькове ведется в течение длительного времени. Особенно интенсивно развернулась эта работа в последние два десятилетия. Наиболее широко изучается история Болгарии и Чехословакии.

История национально-освободительного движения болгарского народа в XIX в. посвящены работы проф. С. И. Сидельникова. В них рассматривается положение болгарского народа под гнетом султанской Турции, развитие капиталистиче-

ских отношений в Болгарии, крестьянские восстания и другие революционные выступления в 40—60-е годы XIX в., формирование и деятельность революционных организаций¹. Особое внима-

¹ С. И. Сидельников. Система турецкой политической сваволи в Болгарии в 50-60 роках XIX століття. Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту ім. Г. С. Сковороди (ХДПІ). Т. XVII. Харків, 1955; е го

ние С. И. Сидельникова привлекает проблема революционной деятельности и идеологии крупнейших представителей болгарского национально-освободительного движения Г. С. Раковского, В. Левского, Л. Каравелова². В 1963 г. С. И. Сидельников защитил докторскую диссертацию «Создание и деятельность первого Болгарского революционного центрального комитета (1868—1873 гг.)». Этой же проблеме он посвятил специальную монографию³. Ряд статей и рецензий С. И. Сидельникова опубликован в научных журналах Болгарии⁴. Заведущий кафедрой новой и новейшей истории ХГУ, С. И. Сидельников активно участвует в подготовке кадров специалистов. Его ученики работают во многих научных учреждениях и вузах страны.

Проблемам истории славянских народов в средние века занимаются старший

преподаватель ХГУ А. И. Митряев и доцент Института культуры Н. С. Рашба. А. И. Митряев разрабатывает вопросы историографии гуситского движения. На всесоюзной конференции, посвященной 550-летию со дня смерти Я. Гуса (1965 г.), он выступил с докладом «К вопросу об оценке учения Я. Гуса в современной историографии». Н. С. Рашба изучает историю польско-турецких отношений в XV—XVII вв.⁵ Он опубликовал также несколько источниковедческих и историографических статей⁶.

Подавляющее большинство историков-славистов Харькова занимается проблемами нового и новейшего времени. Кандидат исторических наук Н. П. Подлесный — автор нескольких работ об отношении русской прогрессивной общественности к Апрельскому восстанию 1876 г. в Болгарии⁷. Доцент кафедры марксизма-ленинизма сельскохозяйственного института В. Я. Куплевацкий готовит докторскую диссертацию «Борьба Коммунистической партии Чехословакии за решение национального вопроса (1921—1938 гг.)». Он опубликовал ряд статей по этой проблеме, а также по вопросам, связанным с образованием КПЧ⁸. Доцент

ж е. До питання про класовий характер чорбаджийства в Болгарії в період турецького панування. Труды історичного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького (ХДУ). Т. 4. Харків, 1956; е го ж е. Селянські повстання в 1841 і 1850 рр. в Болгарії. Наукові записки ХДПІ. Т. XV. Харків, 1954; е го ж е. Національно-визвольний рух болгарського народу в 50-х і першій половині 60-х років XIX століття. Наукові записки ХДПІ. Т. XII. Харків, 1951, и др.

² С. И. Сидельников. Болгарский революционер Георгий Раковский. Харків, 1959; е го ж е. Начало революционной деятельности Г. С. Раковского. Научные записки ХГУПИ. Т. XVIII. Харків, 1957; е го ж е. К вопросу об оценке идеологии Г. С. Раковского. Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР. Вып. 32. М., 1961; е го ж е. Начало революционной деятельности Василя Левского. Труды історичного факультету ХДУ. Т. 7. Харків, 1959; е го ж е. Взгляды Василя Левского на всенародное вооруженное восстание в Болгарии в 60-х — начале 70-х годов XIX века. Доклады высшей школы. Серия «Исторические науки», М., 1960, № 1; е го ж е. Роль двух поїздов Василя Левського в Болгарію (грудень 1868 — серпень 1869 рр.) в створенні першого Болгарського революційного центрального комітету. — «Питання нової та новітньої історії». Вип. 1, Київ, 1965.

³ Е го ж е. Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. Харьков, 1962.

⁴ Е го ж е. Ценен извор за изучаване идеологията на Любен Каравелов. — «Исторически преглед», 1959, № 6; е го ж е. Участнето на Любен Каравелов в руския периодичен печат. Там же, 1965, № 5, и др.

⁵ Н. С. Рашба. Протурецька політика польських магнатів під час боротьби румунського і молдавського народів проти турецького панування наприкінці XVI в ст. Учені записки Харківського державного бібліотечного інституту. Вип. IV. Харків, 1959; е го ж е. Польсько-турецька війна 1620—1621 рр. і Росія. — «Український історичний журнал», 1959, № 6; е го ж е. К истории польско-турецкой войны 1620—1621 гг. Кратк. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР. Вып. 37. М., 1963; е го ж е. Z dziejów polsko-tureckich stosunków w XVI—XVII w. — «Przegląd orientalistyczny», 1962, № 3.

⁶ Е го ж е. Новый источник по истории борьбы украинского и польского народов против турецко-татарской агрессии. — «История СССР», 1959, № 5; е го ж е. Цінна історична розвідка Івана Франка. — «Прапор», 1956, № 8, и др.

⁷ М. П. Подлесный. Деякі матеріали про ставлення народних мас Росії до Квітневого повстання 1876 року в Болгарії. Доповіді та повідомлення міжвузівської конференції істориків педінститутів УРСР. Вип. 1. Полтава, 1958; е го ж е. Ставлення революційного народництва Росії до Квітневого повстання 1876 року в Болгарії. Труды історичного факультету ХДУ. Т. 7. Харків, 1959, и др.

⁸ В. Я. Куплевацкий. Национальный вопрос в решениях I съезда Коммунистической партии Чехословакии. Уч. зап. Харьковск. с.-х. ин-та

Института культуры Г. И. Чернявский разрабатывает проблемы истории рабочего движения в Болгарии в 20-х годах. Две его монографии (одна в соавторстве с болгарским историком Д. Даскаловым) выпущены в Болгарии⁹. В настоящее время Г. И. Чернявский завершает подготовку монографии «Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма (1925—1929 гг.)». По этому, а также по некоторым другим вопросам истории Болгарии он опубликовал ряд статей¹⁰.

Над изучением истории борьбы народных масс славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны работает группа специалистов. Доктор исторических наук М. И. Семиряга работает над вопросами интернациональной солидарности трудящихся в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны (в том числе и народов славянских стран). Он защитил на эту тему докторскую диссертацию (в 1963 г.), а также опубликовал ряд монографий и статей¹¹. Под редак-

цией М. И. Семиряги недавно выпущен сборник воспоминаний советских людей, участников движения Сопротивления в европейских странах, в том числе в Чехословакии и Болгарии¹². В издательстве «Наука» скоро выйдет новая монография М. И. Семиряги «Советские люди в европейском Сопротивлении». Кроме этого, М. И. Семиряга посвятил специальные исследования малоизученной истории лужичан¹³.

Интересную книгу о боевом содружестве советского и чехословацкого народов в годы второй мировой войны и дальнейшем укреплении этой дружбы в послевоенный период написали В. И. Котляров и А. Д. Марченко¹⁴. Аспирант ХГУ Н. И. Туриненко работает над диссертацией «Народное восстание 9 сентября 1944 г. и освобождение Болгарии Советской Армией». Им подготовлена историографическая статья на эту тему.

Значительное место в тематике работ историков-славистов Харькова занимает изучение социалистического строительства в Болгарии и Чехословакии. Доцент кафедры истории КПСС политехнического института Н. И. Леднев посвятил ряд статей значению опыта КПСС и ее помощи Болгарской коммунистической партии в строительстве социализма¹⁵. Сейчас он занят изучением идеологической деятельности БКП в 1956—1962 гг. Доцент ХГУ Г. Н. Попов подготовил докторскую диссертацию «Болгарская коммунистическая партия в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1958 гг.)». Период до 1948 г. освещ-

(ХСХII). Т. XXVIII (XV). Харьков, 1961; е го ж е. V конгресс Коминтерна о программе и политике КПЧ по национальному вопросу. Уч. зап. ХСХII. Т. XXVIII (XV). Харьков, 1961; е го ж е. Экономическое и политическое положение Словакии в буржуазной Чехословакии. Уч. зап. ХСХII. Т. XXII (IX). Харьков, 1958; е го ж е. Преодоление раскола в коммунистическом движении Чехословакии (1921 г.). Уч. зап. ХСХII. Т. XXII (IX). Харьков, 1958, и др.

⁹ Г. И. Чернявский. Борбата на Българската комунистическа партия за създаване и укрепване на Работническия младежки съюз (1926—1929 гг.). София, 1958; Г. И. Чернявский, Д. Даскалов. Борбата на БКП против врагелесткия заговор. София, 1964.

¹⁰ Г. И. Чернявский. Возникновение и развитие протестарского молодежного движения в Болгарии (1903—1939 гг.). Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР. Т. XV. М., 1957; Г. И. Чернявский, Д. Даскалов. Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии. — «История СССР», 1961, № 1; Г. И. Чернявский. Новое о деятельности Георгия Димитрова в эмиграции. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 5; е го ж е. Страйк болгарских текстильщиц в 1929 г. — «Питання нової та новітньої історії». Вип. 1. Київ, 1965, и др.

¹¹ М. И. Семиряга. Вторая мировая война и протестарский интернационализм. М., 1962; е го ж е. Освободительная борьба народов и пролетарский интернационализм. Харьков, 1962; е го ж е. Антифашистские народные восстания. М., 1965; е го ж е. Формирование иностранных воинских частей на терри-

тории СССР в годы Великой Отечественной войны. — «Военно-исторический журнал», 1959, № 9; е го ж е. Интернациональный характер движения Сопротивления народов Европы в годы второй мировой войны. — «Новая и новейшая история», 1961, № 6, и др.

¹² М. И. Семиряга. От Карпат до Нормандии. Люди интернационального долга. Харьков, 1965.

¹³ Е го ж е. Лужичане. Историко-этнографический очерк. М., 1955; е го ж е. Глава «Лужичане» в кн. «Народы зарубежной Европы». М., 1964.

¹⁴ В. И. Котляров, А. Д. Марченко. Дружба, скрепленная кровью. Харьков, 1963.

¹⁵ Н. И. Леднев. Борьба БКП за осуществление ленинского кооперативного плана. Сб. научных работ кафедр истории КПСС г. Харькова. Вып. 4. Харьков, 1960; Г. Н. Попов, Н. И. Леднев, Г. Иорданов. «Правда» в народной Болгарии. — «Український історичний журнал», 1962, № 2; и х ж е. К вопросу о международном значении «Правды». Распространение и роль «Правды» в Болгарии. Труды опорной кафедры истории КПСС. Т. I. Харьков, 1962, и др.

щен им в сданной в печать монографии. На эту тему Г. Н. Попов написал также статьи, опубликованные в СССР и Болгарии¹⁶. Несколько работ Г. Н. Попова посвящены другим проблемам истории Болгарии¹⁷. Аспирант Е. П. Пугач готовит работу «Политическая борьба в Словакии в 1945—1948 гг. События, непосредственно предшествовавшие февралю 1948 г., освещены им в недавно вышедшей статье¹⁸. Е. П. Пугач написал также статью об антинародной деятель-

ности словацкой католической церкви, которая будет опубликована в очередном выпуске «Вестника ХГУ».

Доцент В. В. Сухарев занимается разработкой истории рабочего класса в послевоенной Чехословакии. В настоящее время он завершает подготовку монографии о борьбе чехословацкого рабочего класса за построение социализма. По этой проблеме он опубликовал две брошюры и ряд статей, в которых исследованы вопросы руководящей роли КПЧ в строительстве социализма, развития трудовой активности рабочего класса, повышения жизненного уровня народа¹⁹. Изучением социалистического соревнования в Чехословакии занимается В. Я. Кулехацкий, а советско-чехословацких связей В. И. Котляров.

Харьковские специалисты поддерживают тесную связь с учеными-славистами братских социалистических стран. Они активно участвуют во всесоюзных совещаниях историков-славистов, в украинских славистических конференциях, ежегодно выступают с докладами на научных конференциях своих вузов.

*В. В. Сухарев,
Г. И. Черняевский*

¹⁶ Г. Н. Попов. Борьба Болгарской коммунистической партии за ликвидацию неграмотности и малограмотности среди взрослого населения страны в годы первой пятилетки (1949—1953 гг.). Уч. зап. кафедр истории КПСС и диалектического и исторического материализма ХГУ. Т. 3. Харьков, 1956; его же. Борьба Болгарской коммунистической партии за создание кадров социалистической народной интеллигенции. Уч. зап. кафедр истории КПСС и диалектического и исторического материализма ХГУ. Т. 4. Харьков, 1956; его же. Борьба Болгарской коммунистической партии за претворение в жизнь ленинского учения о культурной революции (1948—1952 гг.). Сб. научных работ кафедр истории КПСС вузов г. Харькова. Вып. 4. Харьков, 1960; его же. Дейности на БКП по преустройване на учебно-възпитателния процес в училището през първите години на народната власт (септември 1944—декември 1948 г.).— «Исторически преглед», 1964, № 1; Г. Попов, Г. Йорданов. БКП начело на масовото движение за изучаване на руския език в НРБ. Известия на Висша партийна школа при ЦК на БКП. Т. 24. София, 1965, и др.

¹⁷ Г. Попов, Г. Йорданов. Боевое содружество Болгарской Народной Армии с Советской Армией в Великой Отечественной войне.— «Военно-исторический журнал», 1959, № 6, и др.

¹⁸ Е. П. Пугач. Политическая борьба в Словакии накануне февраля 1948 г. В сб.: «Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание

коммунистического общества в СССР». Вып. 4. Харьков, 1965.

¹⁹ В. В. Сухарев. Комунистична партия Чехословакии — бойовий авангард трудящих. Київ, 1962; его же. Чехословацкий народ будуче социализм. Луцьк, 1960; его же. Виконання першого п'ятирічного плану і підвищення життєвого рівня трудящих Чехословакии в 1949—1950 рр. Наукові записки Луцького пединституту. Т. IV. Луцьк, 1956; его же. З історії соціалістичного змагання в промисловості Чехословакии в першій п'ятирічці (1949—1953 рр.). Наукові записки Луцького пединституту Т. IX. Львів, 1961; его же. Лютева перемога трудящих Чехословакии на сторінках новітньої чехословацької літератури. Там же; его же. Початок масового соціалістичного змагання в народній Чехословакии.— «Питання нової та новітньої історії». Вып. 1. Київ. 1965, и др.

РАБОТА КУЙБЫШЕВСКИХ СЛАВИСТОВ

За последние годы слависты Куйбышева усилили внимание к проблемам истории, языкознания и культуры славянских народов. Более 15 лет над изучением истории русско-болгарского боевого содружества в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. работает доцент кафедры истории СССР Куйбышевского педагогического института Н. Н. Яковлев. Он собрал большой фактический материал в архивах Москвы, Ленингра-

да, Куйбышева, а также в научных учреждениях НРБ. По этой проблеме Н. Н. Яковлев опубликовал ряд статей и книгу «Дружба навечно», получившую положительные отзывы в Болгарии. Итогом проработанной работы явилась защита им 15 февраля 1965 г. в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина докторской диссертации: «Участие русского народа в борьбе за освобождение балканских славян (1876—1878)».

В настоящее время Н. Н. Яковлев работает над проблемами русского добровольческого движения по оказанию помощи Сербии в 70-х годах XIX в.

И. о. доцента кафедры истории КПСС Куйбышевского планового института Ю. Н. Щербаков в течение нескольких лет работает над темой: участие представителей славянских народов в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Поволжье. Им опубликовано несколько статей и брошюра «Братство, скрепленное кровью» (Куйбышев, 1964). Большое внимание Ю. Н. Щербаков уделяет изучению деятельности Ярослава Гашека в России в 1917—1920 гг. Он обнаружил новые документы, в том числе неизвестную исследователям статью Я. Гашека «Что будет с Чехословацкой буржуазной республикой?», которая войдет в очередной том полного собрания произведений писателя, выходящего в Чехословакии. Готовится к изданию книга Ю. Н. Щербакова «Ярослав Гашек — писатель, агитатор, боец». В на-

стоящее время Ю. Н. Щербаков работает над докторской диссертацией.

Вопросы славянского языкознания изучает доцент кафедры русского языка Куйбышевского педагогического института А. А. Гребнев. Он исследует лексику славянских языков в сопоставительном плане, в частности вопрос о расхождении значений одинаково звучащих слов славянского происхождения. В области переводов с чешского на русский работает преподавательница Куйбышевского педагогического института Э. Я. Гребнева. Она перевела и опубликовала ряд произведений Юлиуса Фучика. Для сборника «Мастерство перевода» Э. Я. Гребнева подготовила статью «В защиту Юлиуса Фучика».

Преподаватели педагогического института работают также над проблемами истории культуры славянских народов. Ассистент И. А. Касьянова готовит кандидатскую диссертацию, посвященную истории болгарской музыки.

Ю. Николаев

НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

1-го октября 1965 г. на филологическом факультете МГУ состоялась защита диссертации старшего научного сотрудника Института языкознания АН БССР В. К. Журавлева «Генезис группового сингармонизма в праславянском языке» на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Основное внимание в диссертации В. К. Журавлева уделено исследованию праславянских звуковых процессов как единой закономерности возникновения и развития группового сингармонизма. В этой связи диссертантом рассмотрены некоторые важные проблемы диахронической и общей фонологии, для решения которых им выдвинут ряд новых положений и идей: переразложение дифференциальных признаков внутри сегмента, взаимодействие между реляционным и реляционно-физическим уровнем как постоянный источник фонологических изменений и др. Большой интерес диссертация В. К. Журавлева представляет также и в историографическом плане.

Диссертационная работа В. К. Журавлева была высоко оценена официальными оппонентами: чл.- корр. АН СССР

Р. И. Аванесовым, докторами филологических наук П. С. Кузнецовым и С. К. Шаумяном. В частности, П. С. Кузнецов охарактеризовал работу как смелую и продуманную попытку по-новому интерпретировать некоторые из важнейших явлений фонетики и фонологии праславянского языка и древнейшего периода развития отдельных славянских языков. С. К. Шаумян подчеркнул важность теоретических выводов диссертации в области диахронической и общей фонологии, имеющих, по его мнению, принципиальное значение не только для изучения фонологических, но и морфологических процессов в типологических исследованиях, для дальнейших исследований в области анализа и синтеза речевого потока. Наряду с этим оппонентами был высказан ряд важных критических замечаний, касающихся, в частности, интерпретации диссертантом некоторых звуковых явлений и их хронологии.

Ученый совет факультета проголосовал за присвоение В. К. Журавлеву степени доктора филологических наук.

Г. В.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР К НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРАЗДНИКУ ЮГОСЛАВИИ — ДНЮ РЕСПУБЛИКИ

29 ноября 1965 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения АН СССР, посвященное национальному празднику народов Социалистической Федеративной Республики Югославии — Дню Республики.

Двадцать лет назад, 29 ноября 1945 г., Учредительная скупщина в Белграде окончательно ликвидировала монархию и провозгласила Югославию Народной республикой. Об этом важном событии в истории братских югославских народов, о пути, пройденном Югославией за минувшие 20 лет, о нерушимой дружбе и всестороннем сотрудничестве между народами СССР и Югославии говорилось в докладах научных сотрудников Института славяноведения Г. М. Славина и В. В. Зеленина. Г. М. Славин напомнил, что с первых дней существования югославского государства его народы вели самоотверженную борьбу за свободу. Руководителем этой борьбы была Коммунистическая партия Югославии. Она выступала против реакционной внутренней и профашистской внешней политики правителей буржуазной Югославии. А когда фашистские войска оккупировали страну, Коммунистическая партия стала организатором и руководителем народно-освободительного движения, возглавила борьбу трудящихся Югославии за национальное и социальное освобождение.

Созданная по инициативе Коммунистической партии Народной Республики Югославии (НОАЮ) нанесли мощные удары по войскам оккупантов и их пособников. История освободительной войны в Югославии изобилует примерами массового героизма, проявленного югославскими патриотами — партизанами и войсками НОАЮ.

Докладчик отметил, что советский народ и Коммунистическая партия Советского Союза высоко ценят заслуги народов Югославии и югославских коммунистов в борьбе против фашизма. В годы войны храбрые югославские воины, партизаны, все свободолюбивые народы Югославии сковывали до 35 фашистских дивизий. Это была значительная помощь Советскому Союзу, большой вклад в общее дело разгрома фашизма.

Трудящиеся Югославии, которые принесли огромные жертвы ради освобождения своей родины, по праву требовали, чтобы не было возврата к прошлому. Созданное волей народа Антифашистское вече народного освобождения Югославии 29 ноября 1943 г. было преобразовано в верховный законодательный орган. Высшим исполнительным органом народной власти стал Национальный ко-

митет освобождения Югославии. Его председателем был назначен Генеральный секретарь ЦК КПЮ, командующий Народно-освободительной Армией товарищ Йосип Броз Тито.

Для народов Югославии, для ее рабочего класса освободительная война была одновременно и победоносной революцией. Ликвидируя старый буржуазный строй, она заложила фундамент послевоенного социалистического развития Югославии.

Г. М. Славин подчеркнул, что за 20 лет, прошедшие после провозглашения Югославии республикой, ее народы добились значительных успехов в строительстве социализма, превратили Югославию в независимое индустриально-аграрное государство.

В. В. Зеленин посвятил свой доклад политическим, экономическим и культурным связям между Советским Союзом и Социалистической Федеративной Республикой Югославией. Докладчик подчеркнул, что основой этих связей является единство цели — построение социализма и коммунизма. Этим определяется и единство взглядов двух социалистических стран по важнейшим вопросам международной политики — о войне и мире, о разоружении, о ликвидации колониализма, по германскому вопросу, по вопросу об агрессивной войне американских империалистов во Вьетнаме и др.

В борьбе за общие цели неуклонно крепнут и развиваются связи между советским и югославским народами, чему весьма способствуют личные контакты государственных и политических деятелей наших стран с целью совместного обсуждения важнейших вопросов международной политики и взаимоотношений между СССР и СФРЮ.

В. В. Зеленин подчеркнул, что содержание и характер политических отношений между СССР и Югославией открывает самые широкие перспективы для экономического сотрудничества и развития торговли, которые ведутся теперь на основе долгосрочных соглашений, предусматривающих не только все расширяющийся товарообмен, но и кооперацию и специализацию отдельных отраслей промышленности.

Указав на многообразные культурные связи (обмен делегациями, гастроли артистов и театральных коллективов, выставки и др.), способствующие взаимному ознакомлению, В. В. Зеленин подробнее остановился на связях в области литературы, назвав большой список произведений югославской литературы, переведенной в советской стране за послед-

ние 10—15 лет, и имена югославских литераторов, вносящих большой вклад в ознакомление читателей в Югославии с лучшими произведениями советской литературы.

Растут и крепнут связи между нашими странами в области кино. Молодое киноискусство Югославии завоевало сердца советских зрителей. Советские фильмы встречают теплый прием в Югославии. Опыт совместного производства фильмов на историко-революционную тему («Олеко Дундич» и «Проверено, мн нет»)

показывает, какие широкие возможности открыты перед деятелями литературы и искусства обеих стран в освещении исторической дружбы наших стран.

В заключение В. В. Зеленни отметил, что дружеские связи между СССР и Югославией крепнут и развиваются на благо наших народов и всего социалистического содружества.

В конце заседания выступил Советник Посольства СФРЮ в СССР Милвое Максим.

М. Т.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

На заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР 20 октября 1965 г. состоялась защита кандидатской диссертации Р. П. Усиковой на тему: «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке».

В диссертации рассмотрены такие важные вопросы морфологии, как набор морфем, используемых для образования словоформ существительных и глаголов, и механизм этого образования, система словоформ существительных и глаголов, степень продуктивности моделей образования словоформ, изменения в нормах литературного языка за период с 1945 г. до настоящего времени, диалектная основа литературных норм и их изменения, а также вопрос об акцентной системе македонского литературного языка в связи с морфологической ролью ударения (на примере существительных и глаголов). В диссертации дана новая морфологическая классификация существительных и глаголов.

Официальными оппонентами по диссертации выступили профессор Ленинградского университета д-р филол. наук Ю. С. Маслов и научный сотрудник Института славяноведения АН СССР канд. филол. наук В. М. Иллич-Свитыч, давшие в целом высокую оценку диссертации. Вместе с тем ими были сделаны и некоторые критические замечания. В частности, проф. Ю. С. Маслов указал на ошибочность предложенного диссертантом членения ряда слов на морфемы и определения понятия «основа слова». По мнению В. М. Иллич-Свитыча, в принятой Р. П. Усиковой классификации существительных по согласовательным классам следовало бы учесть особенности постановки постпозитивного члена во множественном числе. Он также указал на спорность истолкования диссертантом происхождения форм «собирательного множественного» типа *лисја*, *дрвја*.

Ученый совет Института славяноведения АН СССР единогласно высказался за присуждение Р. П. Усиковой степени кандидата филологических наук.

Г. Клепикова

20 октября 1965 г. защищала диссертацию Н. А. Пашенко. Тема диссертации — машинный перевод с чешского языка на русский. Официальные оппоненты — д-р филол. наук И. И. Ревзин и канд. филол. наук доц. А. Г. Широкова. Обстоятельное исследование, которым является работа Н. А. Пашенко, представляет большой интерес как попытка составить алгоритм машинного перевода с близкородственного языка. В широком смысле работа Н. А. Пашенко имеет не только прикладное, но и теоретическое значение. Наибольший интерес представляет третья глава диссертации, в которой сопоставляются обстоятельственные предложные конструкции чешского и русского языка. Эта глава имеет наиболее «лингвистический» характер и была предметом оживленной дискуссии.

Официальный оппонент И. И. Ревзин отметил строгость в построении правил алгоритма, обилие собранного материала. Однако он выразил сожаление по поводу недостаточно полного теоретического вывода, который диктовался сопоставлением двух языковых систем. Материал, исследованный диссертантом, давал достаточно оснований, чтобы сделать такой вывод.

А. Г. Широкова одобрила общий текст диссертации, подчеркнув новизну подхода к проблемам чешской грамматики, что дало возможность по-новому осветить ряд проблем. А. Г. Широкова рассказала также о том интересе и признании, который вызвала работа Н. А. Пашенко в Чехословакии.

В целом А. Г. Широкова, сделав ряд конкретных замечаний, присоединилась к общей оценке И. И. Ревзина, признав диссертацию достойной степени кандидата филологических наук.

Ученый совет Института славяноведения проголосовал за присвоение Н. А. Пашенко ученой степени кандидата филологических наук.

Т. Николаева

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

МАТИЦА СЕРБСКАЯ В НОВОМ САДЕ

Матица сербская — старейшее научное, литературное и культурное общество южных славян. Она была создана в феврале 1826 г. в Пеште, в тогдашней Австрийской империи, где со времени переселения сербов в Венгрию в 1690 г. — и еще до этого — проживала часть сербского народа. Ее основателями были состоятельный адвокат, писатель Иован Хаджич и группа зажиточных сербских кушцов из Пешта. Непосредственным поводом к созданию Матицы послужила потребность поддержать единственный в ту пору сербский литературный журнал «Српски летопис». Начав выходить в 1824 г., этот журнал просуществовал всего один год и, столкнувшись с материальными трудностями, оказался перед угрозой закрытия. Дальнейшей целью Матицы было содействие развитию сербской литературы и просвещения, а также издание произведений современных и старых сербских и иностранных писателей. В эпоху пробуждения национального самосознания, в эпоху освободительного движения порабощенных народов Европы, и в том числе народов многонациональной Австрии, Матица сербская более 90 лет (со дня основания и до национального освобождения и объединения сербов в 1918 г.) защищала национальные интересы сербов. Она являлась одним из центров развития их национального самосознания, оказывала сопротивление ассимиляторским устремлениям австро-венгерских правящих кругов. Матица была единственным общественным институтом, который заботился о развитии национальной культуры, о формировании национально-освободительных идей, определял политику в области литературы и культуры сербов на территории Венгрии. Поэтому правящие круги — будь то в период меттерниховского или баховского абсолютизма или в период буржуазно-либерального правительства в Венгрии после 1867 г. — видели в Матице оппозиционную организацию. Она никогда не пользовалась благосклонностью властей, а тем более их материальной или моральной поддержкой. Более того, используя вынужденные перерывы в работе (вследствие запрета Матицы в 1835—1836 гг., революции 1848—1849 гг., войны 1914—1918 гг., оккупации венгерскими фашистами территории Воеводины 1941—1945 гг.), устанавливая время от времени негласный надзор над Матицей полицейских чиновников, государственные власти постоянно создавали разного рода трудности, мешали систематической деятельности этого общества.

Возникшая благодаря частной инициативе, Матица средства для своей дея-

тельности черпала из частных источников: взносы ее членов, дары и завещания — в деньгах, земле, зданиях — сербских дворян и богатых граждан. Это помогло ей стать к 1918 г. сильной в экономическом отношении организацией. В распоряжении Матицы было около 850 кадастровых ютаров¹ земли, много зданий в разных городах, она располагала миллионными суммами денег, распоряжалась 55 фондами, перешедшими к ней в результате завещаний и составившими несколько миллионов в различной валюте. Из этих средств Матица назначала премии, издавала произведения сербских авторов (художественную литературу, книги по гуманитарным и естественным наукам), содержала свои журналы, выделяла стипендии для обучения многих сотен нуждающихся учащихся, способствуя тем самым созданию многочисленной сербской буржуазной интеллигенции в Венгрии.

За время стасорокалетнего существования Матицы, с 1826 по 1962 г., менялись как внешние условия, в которых ей приходилось развиваться, так и ее внутренняя структура. В связи с интенсивным развитием общественно-политической и духовной жизни сербов Воеводины, в связи с усилением здесь роли национальной буржуазии и зрелостью сербской интеллигенции в Новом Саде, этом новом центре сербской культуры и литературы, особенно после 1849 г., Матица, преодолевая большие трудности, переместилась в 1864 г. из Пешта в Нови Сад. Здесь она находится и по сей день. Менялись не только местопребывание Матицы — менялись государство и социально-политические системы, при которых ей приходилось работать. Основанная во враждебной феодальной австрийской монархии, Матица находилась и в капиталистической Австро-Венгрии до 1918 г. и в своем национальном капиталистическом государстве, монархической Югославии, а с 1944 г. — в социалистической Югославии. Эти обстоятельства значительно влияли на изменения внутренней организации Матицы, самого содержания и характера ее деятельности.

С момента основания и до окончания второй мировой войны главные направления деятельности Матицы сводились к следующему. Матица издавала журналы и книги сербских и иностранных авторов, присуждала литературные премии; с помощью серии «Книги для народа» способствовала распространению культуры и просвещения в широких на-

¹ 1 ютар землі = 0,57 га.

родных массах, назначала стипендии сербским ученикам. Одновременно создавала библиотеку, картинную галерею, музей. В этот же период Матица издает ряд журналов: «Летопис» (с 1826 г.), «Србска пчела» (1831—1833), «Матица» (1865—1870) и «Глас Матице српске» (1934—1940). Издательскую деятельность Матица начала в 1827 г. С этого времени и до 1914 г. она выпустила в свет 260 книг. Среди них — произведения широко известных сербских писателей и классиков мировой литературы (Демосфена, Горация, Цицерона, Шекспира, Вольтера, Копебу, Лессинга, Я. Арая, Л. Толстого и др.). Литературные премии Матица начала присуждать с 1839 г. До 1941 г. было удостоено премий около 80 сербских писателей (среди них Й. Суботиц, Д. Якшич, К. Трифкович, Я. Игњатович, Л. Костиц, Й. Змай, М. Глишич, С. Ранкович, С. Новакович, И. Чшико, В. Петрович).

Первая мировая война сильно подорвала экономическую основу Матицы. Она лишилась миллионных сумм своих фондов в результате принудительного военного займа, девальвации, замены австрийских денег югославскими, аграрной реформы, а монархическая Югославия, как в свое время Австро-Венгрия, не оказывала Матице никакой помощи. К тому же, оказавшись в своем национальном государстве, Матица утратила одну из главных ее функций: защиту сербского народа от мадьяризации, пробуждение его национального самосознания, а заботу о развитии сербской литературы и культуры в новом государстве ей пришлось разделить со многими другими учреждениями. В межвоенный период Матица была, главным образом, поприщем борьбы политиканов из буржуазных партий. Поэтому тогда, несмотря на упорные старания многих ее сотрудников, Матица не могла серьезно содействовать развитию литературной и культурной жизни своего народа. В межвоенный период, с 1921 по 1941 г., она издавала «Летопис» и «Глас Матице српске», выпустила 73 книги, среди которых выделяются две большие, прекрасно оформленные юбилейные монографии «Матица сербская 1826—1926» (Нови Сад, 1927) и «Сербское искусство в Воеводине» (Нови Сад, 1927).

После второй мировой войны, в социалистической Югославии, Матица сербская переживает свое подлинное возрождение. По разносторонности деятельности и достигнутым результатам последние 20 лет представляют самый яркий и самый плодотворный период ее истории. Под руководством новых людей, в условиях социалистического общества, она приобрела и новое социалистическое содержание. В отличие от Австро-Венгрии и старой Югославии, социалистическая Югославия стала оказы-

вать Матице материальную и моральную поддержку. Если раньше материальную основу Матицы составляло движимое и недвижимое имущество, то теперь она получает необходимые денежные средства от государственных органов — Исполнительного веча автономного края Воеводины, а иногда, на отдельные мероприятия общегославского масштаба, — от секретариата по культуре Социалистической Республики Сербии и союзных органов.

За период с 1945 по 1965 г. Матица прошла ряд фаз в своем развитии, претерпела значительные изменения в своей структуре. Некоторые ее отделения, вследствие усиления и расширения своей деятельности, выделились из состава Матицы, другие превратились в самостоятельные учреждения. Так, например, ее музей стал Музеем Воеводины (1948), издательское отделение — самостоятельным издательством Матицы сербской (1953), наконец, в 1959 г. выделились, как учреждения с самостоятельным финансированием, библиотека Матицы сербской и картинная галерея Матицы сербской.

Собственно Матица занимается в настоящее время проблемами литературы, науки и искусства, самостоятельно или вместе с Матицей хорватской в Загребе, Матицей словенской в Любляне, Сербской академией наук в Белграде, научными институтами в Скопле, осуществляет немало мероприятий по развитию литературы и науки. Высшим органом Матицы является Скупщина, состоящая из сотрудников и членов общества. Скупщина избирает Комитет управления, который из своего состава избирает Исполнительный комитет. Практическая работа ведется в отделениях Матицы. С 1948 до 1952 г. существовало лишь одно научное отделение, в рамках которого работали секции по отдельным научным дисциплинам — по литературе и языку, по истории и географии, искусству, археологии, библиографии. Расширяя свою деятельность, привлекая новые научные кадры, отдельные секции постепенно превратились в самостоятельные отделения: отделение литературы (1952), рукописное отделение (1963), отделение изобразительного искусства (1963), отделение общественных наук (1965) и отделение естественных наук (1965). Руководят отделениями специальные советы во главе с секретарями; в их задачи входит составление программы работы отделения и ее исполнение. Отделения не располагают постоянным составом научных кадров. В них ведут работу внештатные сотрудники — писатели и ученые — из всех областей Югославии и за границы, которые выступают в качестве «членов-сотрудников Матицы сербской». Исключение составляет рукописный отдел: по характеру своей деятель-

ности он имеет постоянный штат сотрудников во главе с заведующим отделом.

Среди многочисленных мероприятий, осуществленных Матицей сербской после войны, здесь могут быть упомянуты лишь наиболее важные. После анкеты в «Летописе» в 1954 г. Матица созвала в Новом Саде съезд видных сербских и хорватских деятелей литературы, писателей и лингвистов, которые пришли к важным выводам по вопросам единого литературного языка сербов, хорватов и черногорцев. В результате этого «поводавского решения» были составлены, впервые в истории сербов и хорватов, единые, совместно разработанные правила правописания сербско-хорватского языка, которые в 1960 г. были изданы Матицей сербской в Новом Саде кириллицей, а Матицей хорватской в Загребе — латиницей. Матица хорватская и Матица сербская готовят первое совместное издание «Словаря современного сербско-хорватского языка» в шести томах (два уже подготовлены к печати). Вместе с Матицей хорватской, Матицей словенской и кафедрой македонской литературы в Скопье Матица сербская готовит «Историю югославской литературы» в 4-х томах. Совместно с двумя матицами, тремя академиями наук и научными учреждениями Югославии Матица сербская ведет работу по подготовке терминологических словарей. Она самостоятельно готовит также «Био-библиографический лексикон писателей Югославии» (первый том находится в стадии завершения) и составляет библиографию старых сербских журналов и газет. В области изобразительного искусства ведется учет, описание, фотокопирование или графическое воспроизведение памятников сербского искусства в Воеводине, осуществляется сбор архивных материалов для изучения эпохи романтизма в сербской живописи. Матица организовала работу по изучению заселения Воеводины, ее городов и деревень, по написанию монографий о наиболее значительных промышленных предприятиях этой области. С 1963 г. особое внимание уделяется развитию рукописного отделения как центра будущих научных исследований в области литературы, истории и культуры. Это отделение располагает драгоценной коллекцией писем (свыше 35 тыс.) югославских, главным образом сербских, и иностранных писателей и культурных деятелей XVIII, XIX и XX вв.; имеет свыше 20 тыс. старых и новых архивных документов и рукописей сербских писателей; наконец, имеется архив Матицы сербской, содержащий протоколы и другие материалы, накопившиеся за 140 лет ее разносторонней деятельности.

Своими постоянными литературными и научными органами печати, своей издательской деятельностью, литературными премиями, ассигнованием средств для

работы ученых в архивах Югославии и за границей, сотрудничеством с другими научными учреждениями Матица способствует развитию последовательской деятельности в области литературы, науки и искусства. В послевоенный период Матица осуществляет следующие издания: «Летопис» (с 1824 г.), «Гласник Матице српске» (1946—1949), «Зборник Матице српске за друштвене науке» (1950), «Зборник Матице српске за природне науке» (1951), «Зборник Матице српске за книжевност и език» (1953), «Зборник за филологию и лингвистику» (1957), «Зборник за ликовне уметности» (1965) и «Билтен Матице српске» (1963). Кроме этих периодических изданий, у Матицы есть специальные издания, среди которых выделяются: фототипическое издание старых и редких сербских газет, журналов и книг; библиотека «Первый сборник» (с 1957; с 1963 — «Первая книга»), в которой выходят произведения начинающих писателей; библиотека «Сербская литература в ста книгах» (с 1957, совместно с Сербским литературным обществом в Белграде); серия новых литературно-исторических и языковедческих научных трудов. Развитие современной сербско-хорватской литературы Матица поощряет и двумя литературными премиями — «Премией Матицы сербской имени Змая» (1953) за лучшую книгу на сербско-хорватском языке и «Премией Матицы сербской имени Бранко Радичевича» (1953). Среди награжденных — А. Исакович, В. Глигорич, В. Попа, В. Десница, Д. Максимович, О. Давичо, Г. Крклец, Д. Тадиянович, С. Раичкович. Свою культурную миссию Матица видит и в развитии современной сербско-хорватской литературы, чему способствует ее издательство. С 1945 по 1965 г. Матица выпустила более 700 названий (с 1827 по 1914—260, а с 1921 по 1941 — всего 73). Наряду с произведениями старых, заслуженных писателей, Матица издает и произведения молодых современных сербско-хорватских авторов, а в переводах — произведения классиков и наиболее известных иностранных писателей (Гомер, Геродот, Плутарх; Пушкин, Тургенев, Гончаров, Толстой, Достоевский, Горький, Короленко, Леонов, Фадеев, Маршак, Эренбург и др.; Бальзак, Стендаль, Флобер, Додэ, Ж. Занд, Золя, Р. Роллан, Л. Арагон; Гете, Клейст, Н. Келлер, Генрих и Томас Манн, Фрейд, Ремарк, Э. Эрвин Кипп, С. Цвейг и др.; Ф. Бэкон, Филдинг, Голсуорси, П. Бақ, Хемингуэй, Фолкнер и др.).

Матица сербская поддерживает тесные контакты и осуществляет многие научные работы совместно с различными учреждениями страны, а также с учреждениями других стран. Выйдя за пределы сербских национальных границ, в которых она работала более столетия, Ма-

тица уже в течение ряда лет сотрудничает не только с Сербской академией наук и искусств и Сербским литературным обществом в Белграде, но и с Матицей хорватской в Загребе, Матицей словенской в Любляне, с научными учреждениями в Скопле. В последнее время, по собственной инициативе или по инициативе отдельных ученых и научных организаций других стран, Матица сербская осуществляет полезные и плодотворные международные связи. Ее все чаще начинают посещать (поодиночке и группами) писатели, ученые, государственные деятели, работающие в области просвещения и культуры из многих европейских стран. Матица и ее институты, издательства, библиотека и Галерея посылают своих сотрудников в соответствующие учреждения других, особенно социалистических стран, и в свою очередь приглашают представителей этих учреждений к себе для ознакомления с работой и налаживания более тесного сотрудничества. Библиотека Матицы производит

книгообмен со 168 учреждениями из 33 стран. Рукописный отдел производит обмен рукописных материалов в виде фотоконий и микрофильмов со многими иностранными учреждениями. Научными фондами этого отдела все чаще пользуются научные работники из других стран. Библиографию об изданиях югославских писателей на иностранных языках Матица получает от отдельных работников и институтов многих европейских государств — Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Австрии, Греции, Дании, Норвегии, Швеции. Существуют стремление и реальные возможности к созданию Матицей сербской и заинтересованными научными учреждениями социалистических стран совместных изданий научных материалов и работ о взаимоотношениях в прошлом между югославскими и дружественными им народами.

Живон Бошков

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ СЕРБИИ

В январе 1949 г., по решению ЦК Союза коммунистов Югославии, при ЦК СК Сербии, как и при ЦК других республик, было создано Историческое отделение для сбора, хранения и публикации документов по истории рабочего движения и истории партии. В 1952 г. Отделение было переименовано в Историческую комиссию при ЦК СК Сербии, в задачу которой кроме сбора и хранения документов вошла подготовка к публикации работ и материалов по истории рабочего движения в Сербии в XIX в., Сербской социал-демократической партии, истории КПЮ, народно-освободительной борьбы. В 1953 г. вышел из печати первый сборник материалов по истории Сербской социал-демократической партии¹.

Более систематическая работа по сбору архивного материала и созданию хроник по периоду народно-освободительной борьбы началась с 1954 г., когда Историческая комиссия была реорганизована в Исторический архив ЦК СК Сербии. Первая хроника, созданная сотрудниками архива, была опубликована в 1957 г.²

¹ «Први конгрес ССДП и Главни Раднички Савез». Београд, 1953. Вторая книга сборника документов «Синдикални покрет у Србији 1903—1919» вышла в 1958 г., третья под тем же названием — в 1962 г., четвертая — в 1964 г.

² Олга Милетић, Нада Јовановић. Хроника села Бање и Кошарника. Београд, 1957. В 1960 г. вышла вторая хроника: Деса Жулов ић, Слободан Мир ић. Радоња — Витомирица.

В 1959 г. Исторический архив стал самостоятельным институтом, занимающимся сбором, изучением и систематизацией документов по истории рабочего движения в Сербии³. Перед институтом были поставлены новые, более сложные задачи. Коллектив постепенно приступил к научно-исследовательской работе. В ряде центральных и местных журналов и газет его сотрудниками было опубликовано в связи с сорокалетием КПЮ около восьмидесяти статей, рецензий и т. д. по разным вопросам истории революционного рабочего движения и по истории КПЮ в Сербии.

В 1962 г. была закончена подготовка к печати сочинений Филипа Филиповича⁴. В то же время началась работа над хронологией революционного движения в Сербии с 1860 по 1941⁵. Сотрудники института приняли участие и в написа-

³ В 1959—1965 гг. учреждение носило название «Завод за прикупљање и обраду докумената о развоју радничког покрета у Србији». В 1965 г. оно было переименовано в Институт истории рабочего движения Сербии.

⁴ Два тома «Избранных сочинений» Филипа Филиповича вышли в 1962 г.

⁵ В 1964 г. вышла из печати подготовленная сотрудником института Миленко Топаловичем «Хронологија радничког покрета у Србији», књ. I (до 1919). Подготовлена к печати группой сотрудников «Хронологија револуционарног радничког покрета у Србији 1919—1941», књ. 2.

нии биографий выдающихся деятелей рабочего движения⁶.

В 1961 г. коллектив института приступил к разработке перспективного плана и программы научно-исследовательской работы по истории рабочего движения, социалистической революции и строительства социализма. Основное внимание в этом плане уделяется монографической разработке отдельных проблем.

Сотрудники института приступили к сбору материала для монографических исследований, которые должны послужить основой многотомной «Истории Союза коммунистов Югославии» (разделов по Сербии). Первая книга по плану должна выйти из печати в 1969 г. В ряде этих работ впервые будут освещены отдельные вопросы из истории положения рабочего класса и революционного рабочего движения в Сербии, деятельности КПЮ, революционных Независимых профсоюзов и Союза коммунистической молодежи в Сербии.

В 1962 г. был создан отдел научной информации для библиографической обработки источников, сбора материалов для биографии выдающихся деятелей революционного рабочего движения Сербии и оказания библиографической помощи научным сотрудникам.

В 1965 г. наше учреждение стало именоваться Институтом истории рабочего движения Сербии, что не изменило существа его деятельности. Правда, пришлось пересмотреть планы, серьезнее за-

⁶ В 1962 г. вышла первая книга серии «Ликови револуције», в 1964 г. — вторая.

няться проблемами научной методологии и подготовки кадров, повысить ответственность каждого сотрудника и всего института за выполнение поставленных перед ними задач. В настоящее время в институте имеется три отдела: научно-исследовательский, научной документации и архив. Подготовлена к печати монография Милицы Дамянович, посвященная студенческому движению в Белградском университете в 1919—1929 гг. и являющаяся первой частью ее работы о революционном студенчестве Белграда в 1919—1941 г. «Студенты Белградского университета в революционном рабочем движении 1919—1929». Закончил монографию о рабочих организациях в Сербии до 1903 г. Младен Вукманович. В «Сборнике работ института по изучению рабочего движения» публикуется интересная статья Мирослава Николчи «Солidarность югославского пролетариата с борьбой болгарских рабочих и крестьян в 1923 г.». Слободан Босильчич (директор института) совместно с профессором Белградского университета Йованом Марьяновичем написали книгу «Съезды нашей партии».

Немалые задачи стоят и перед совсем молодым издательским сектором. Им подготовлен к печати ряд работ, предусматривается совместно с другими издательствами напечатать избранные произведения сербских социалистов (Д. Поповича, Р. Драговича, Д. Лапчевича, Д. Тудовича), их перешко, мемуары участников рабочего движения (Т. Кадлеровича, М. Груича, С. Игнятовича и др.).

Надежда Йованович

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР СЛАВИСТОВ В ЮГОСЛАВИИ

В этом году в шестнадцатый раз открылись двери Международного семинара славистов в Югославии, проводимого философским факультетом Загребского университета. Более ста славистов из 26 стран четырех континентов — Азии, Америки, Африки и Европы — встретились в августе 1965 г. в Задаре и Загребе. Из Советского Союза на семинар прибыла группа, состоящая из студентов, преподавателей, научных и издательских работников.

За шестнадцать лет семинар завоевал большую популярность среди славистов мира, и теперь с каждым годом число участников его растет. Славистов, желающих ближе и глубже познакомиться с литературой, языком, культурой и современной жизнью народов Социалистической Федеративной Республики Югославии, становится все больше и больше. Если в первые годы на семинар приезжало несколько десятков человек, то в последние годы эта цифра значительно

увеличилась и уже в 1965 г. она составила 125.

В 1965 г. участники семинара прослушали лекции по литературе, языку, истории и культуре народов Югославии. Им была предоставлена возможность работать в архивах и научных библиотеках, познакомиться с выдающимися историческими памятниками.

Обширная программа семинара включала лекции по современному сербско-хорватскому, словенскому, македонскому языкам, по сербской и хорватской литературе, современной словенской поэзии. В лекциях по истории были освещены отдельные важные проблемы создания независимого самостоятельного Югославского государства.

Как правило, лекции читали выдающиеся югославские ученые и профессора Загребского, Белградского, Люблянского, Нови-Садского и Скопльского университетов. Проф. Мате Храсте прочитал лекцию о развитии литератур-

ного хорватского языка и сербской литературы, проф. Людевит Йонке — об акцентуации в современном хорватском литературном языке. С большим вниманием были прослушаны лекции о Велько Петровиче (проф. Б. Новакович), Петре Зораниче (проф. Ф. Шведец), Мирославе Крлеже (проф. И. Франгеш), Сильвие Страхимире Кравичевиче (проф. И. Франгеш), Антуне Бранко Шимиче (доц. М. Шицель), Петре Кочиче и Иво Андриче (доц. Б. Миланович), Кочо Радиче (проф. Александар Спасов), Сречко Косовеле (проф. Ф. Задравец) и др.

В лингвистический цикл были включены лекции о диалектах македонского языка (проф. Б. Видоески), словенских диалектах (проф. Т. Логар), о порядке слов в предложении в современном хорватском литературном языке (проф. Д. Брозович), о диалектах сербско-хорватского языка (проф. П. Ивич) и др.

Программа семинара предусматривала также знакомство с выдающимися историческими и культурными памятниками народов Югославии. Участники семинара осмотрели древние памятники архитектуры Задара, Загреба, Любляны, Блогграда и острова Пашман, посетили различные музеи в Задаре, Загребе, ознакомились с произведениями выдающихся югославских художников.

Неизгладимые впечатления оставила богатая и разнообразная природа Плитвицких озер, Юлийских Альп, Динарского нагорья, чарующая красота Брезовицы и Веленья, равнины Сербии и, конечно, Адриатическое море.

В заключение хотелось бы отметить хорошую организацию семинара и самое доброжелательное отношение к его участникам преподавателей и тех кто помогал наладить его работу.

Н. П. Бобрик

О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СЛАВИСТИЧЕСКИХ КУРСОВ В ПОЛЬШЕ В 1965 г.

Курсы для славистов, организуемые Варшавским университетом, рассчитаны на научных сотрудников и преподавателей польского языка, работающих за пределами Польши, в них принимают участие и студенты-полонисты. Цель курсов — совершенствование знания польского языка, ознакомление курсантов с наиболее важными проблемами полонистики и актуальными вопросами современной литературной и художественной жизни Польши.

В 1965 г. работа курсов проходила с 22 августа по 20 сентября в Варшаве и Кракове. В них приняли участие 80 славистов из разных стран, в том числе 14 человек из СССР. Участники курсов прослушали лекцию проф. К. Выки на тему: «Млода Польска» в жизни, культуре и традиции». Проф. С. Жулкевский рассказал об основных направлениях литературоведческих исследований в Польше. Проф. Г. Маркевич посвятил свое выступление проблеме периодизации польской литературы. Вопросы литературных связей рассматривались в лекциях проф. Я. Кульчицкой-Салони — «Великие польские реалисты на общеевропейском фоне» и проф. Я. Магнушевского «Место польского романтизма в славянских литературах».

Большой интерес для лингвистов представили лекции: проф. З. Клеменевича — «О некоторых проблемах синтаксиса современного польского языка (на материале современной поэзии, с применением точных методов исследования)», проф. В. Доросевского — «О методах исследования словообразовательной структуры слова», проф. С. Урбанчика — «Характеристика польского языка

на фоне других славянских языков», проф. Ф. Славского — «Праславянское наследие в польской лексике», доц. М. Караса — «Об основных принципах создания нового словаря польских диалектов». Сообщение проф. П. Зволянского о языковедческих исследованиях, ведущихся в настоящее время в Польше, позволяет ориентироваться в основных направлениях работы польских лингвистов. Опытные преподаватели вели практические занятия по польскому языку.

С традициями, прошлым и настоящим Варшавского университета знакомил курсантов ректор университета проф. С. Турский. Интересными были лекции о польском театре, фольклоре, об экономике и др. В Кракове нас принимал проф. К. Эстрайхер, рассказавший об истории Ягеллонского университета, о его роли в культурной жизни Польши.

Для участников курсов были организованы краеведческие поездки, экскурсии в музеи, посещение театров, просмотр новых кинофильмов, встречи с деятелями польской культуры. Участникам курсов запомнилась лекция директора Национального музея в Варшаве проф. С. Лоренца о восстановлении памятников культуры в Народной Польше, а также экскурсии в замок Виланув, которую С. Лоренц провел очень увлекательно.

Участники курсов имели возможность познакомиться с работой научных учреждений Варшавы и Кракова, установить личные контакты с польскими учеными.

Всем советским участникам курсы принесли большую пользу, много дали для освоения языка и повышения квалификации.

З. Н. Стрекалова

CONTENTS

- M. I. Boguslavsky.* The VII congress of the Comintern and the struggle for the formation of the popular front in Poland (1934—1935). *Katherine Daskalova* (Bulgaria). Alexander Blok and Bulgarian literature. *E. Z. Tsybenko.* On the comparative study of the creative activity of Boleslaw Prus. *G. P. Neshchimenko.* The phenomenon of assymetry among the substantives having the meaning of person in Czech. 3

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- E. M. Dvoichenko-Markova.* On the history of Russo-American scientific contacts in the second half of the XVIII century. *P. Glinkin.* The beginnings of the women movement in Poland. *G. K. Venediktov.* A Bulgarian Renaissance book. *E. M. Vereshchagin.* On the character of bilingualism in the epoch of Cyril and Methodius. *L. M. Mordukhovitch.* An unpublished treatise by Yuri Križanič. 41

BIBLIOGRAPHY

Review-articles and reviews

- S. G. Zavalzhsky, L. I. Lukin.* Improving the methods of the management of national economy: the problems as treated in the works of Czechoslovak and Polish economists. *S. I. Sedelnikov.* The national-liberation movement of the Bulgarian people in the 60-ies — the beginning of the 70-ies of the XIX century as reflected on the historiographic literature of the People's Republic of Bulgaria. *L. P. Lapteva.* The works of the Czechoslovak historians on the economic history of Czechoslovakia in the period of the later Middle Ages (published in 1962—1965). *L. A. Sofronova.* Slav musical culture as reflected in the general works by the Soviet musicologists. *A. E. Suprun.* New books on Polabian lexicography and lexicology. *G. P. Murashko, V. Mencl.* Na cestě k jednotě (komunistická strana Československá v letech 1921 — 23). *Igor Belza.* An important achievement in Slovak Dantology 71

Notices

- M. Dobruskin.* Nikola Filchev. The Inteligentsia in the People's Republic of Bulgaria. *I. Semin.* Memoirs about the liberation war in Jugoslavia. *M. Kopasheva.* J. Hrozičnik, F. Gondor. Neboli sme sami (O pomoci SSSR Slovenskemu národnému povstaniu). *I. Pertziger.* «The road in flames». *L. K. Jan Mišianik.* Antologia staršej slovenskej literatúry. *I. Kaloeva.* Граѓа за историју библиотеке Матице Српске 102

Bibliographical Index

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the Soviet periodicals in 1965 (continued). The contents of the foreign periodicals 107

SCIENTIFIC LIFE

- D. F. Markov.* In the International Committee of Slavists. The decisions of the IX plenary session of the International Committee of Slavists in Vienna, 21—24 IX 1965. The thematic plan of the VI International Congress of Slavists. *A. Ja. Manusevich.* The Second coordinatory conference of the historians of the

socialist countries. *V. V. Zelenin*. Scientific session in Odessa. *V. D. Nazarov*. At the Institute of Economy of the World Socialist System. *A. K. Martynenko*. The study of the history of the foreign Slav countries in the Kiev State Shevchenko University. *V. V. Sukharev, G. I. Chernyavsky*. Kharkov slavists study the history of Slav countries. *Ju. Nikolaev*. Kuibyshev slavists at work. *G. V.* At the Department of philology of the Moscow University 112

At the Institute of Slavic Studies

M. T. The national day of Yugoslavia — The Day of the Republic. *G. Klepikova, T. Nukolaeva* The Defence of the Dissertation Theses. 127

Scientific Life Abroad

Živojin Boškov (Yugoslavia). *Matica srpska* in Novi Sad. *Nadezhda Jovanovic* (Yugoslavia). The Institute of the History of the Labour movement in Serbia. *N. P. Bobrik*. The International Slavists' Seminar in Yugoslavia. *Z. N. Strekalova*. About the International Slavists' courses in Poland 1965. 129

В № 5 журнала «Советское славяноведение» за 1965 г. обнаружены следующие опечатки:

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
110	прав. столб. 31 св.	Зденек Сладке	Зденек Сладек
113	прав. столб. 20 сн.	Воеводин	Воеводина
»	прав. столб. 18 сн.	Словакии	Словении
114	прав. столб. 29 св.	Костича	Крстича
»	прав. столб. 29 сн.	Стулин	Стулли

Адрес редакции:
Москва Г-69, Трубниковский пер. 30а,
тел. Б 1-27-40

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

T-01709	Подписано к печати 6/II—1966 г.	Тираж 1100	Зак. 3532
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 11,9	Бум. л. 4 ¹ / ₄	Уч.-изд листов 14,7

2-я типография издательства «Наука» Москва, Шубинский пер. 10, 4

Цена 1 руб.

ИДОНТОМУ И.И.
Д.31 кв.186
ТОЛСТОМУ И.И.
3 1.12 С СР48

Индекс
70891